

ISSN: 3034-2724
DOI: 10.31833/sifk

ИЗВЕСТИЯ УФИЦ РАН
Серия: История. Филология. Культура
Т. 1. № 2. 2024

**PROCEEDINGS
OF THE UFRC RAS**
Series: History. Philology. Culture
Vol. 1. No. 2. 2024

ИЗВЕСТИЯ УФИЦ РАН. СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. ФИЛОЛОГИЯ. КУЛЬТУРА

ISSN 3034-2724

**Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук**

ИЗВЕСТИЯ УФИЦ РАН

СЕРИЯ:

ИСТОРИЯ. ФИЛОЛОГИЯ. КУЛЬТУРА

Т. 1. №2. 2024

ISSN: 3034-2724
DOI: 10.31833/sifk
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Создан в 2024 г.

Редакция:

Савельева А.Г.
ИИЯЛ УФИЦ РАН
Директор технический

Ильцова А.Я.
редактор

Бускунбаева Л.А.
редактор

Шарафутдинова З.Т.
редактор

Хисаметдинов А.У.
сотрудник редакции

Адрес издателя и редакции: 450054,
г. Уфа, пр. Октября, д. 71, лит. У, У1

Учредитель: Федеральное
государственное бюджетное научное
учреждение
Уфимский федеральный
исследовательский центр
Российской академии наук

© УФИЦ РАН, 2024
© Редколлегия, 2024
© Авторы, 2024

E-mail: izv-i-f-c@mail.ru
<https://sifkufa.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Рахматуллина Зугура Ягануровна <i>главный редактор</i>	доктор философских наук, профессор, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа, Россия
Ягафарова Гульназ Нурфаезовна <i>заместитель главного редактора</i>	доктор филологических наук, доцент, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа, Россия
Азнабаев Булат Ахмерович <i>заместитель главного редактора</i>	доктор исторических наук, профессор, Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
Бахтерева Анна Андреевна	кандидат филологических наук, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия
Корнилов Геннадий Егорович	доктор исторических наук, профессор, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия
Сундужева Дина Борисовна	доктор культурологии, доцент, Забайкальский государственный университет, Чита, Россия
Мигранова Эльза Венеровна <i>ответственный секретарь</i>	кандидат исторических наук, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Абдрафикова Гульнара Хависовна	кандидат филологических наук, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа, Россия
Алимаа Аюушжав	доктор культурологии, Институт языка и литературы АН Монголии, Улан-Батор, Монголия
Беляков Андрей Васильевич	доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, Москва, Россия
Биткеева АЙСА Николаевна	доктор филологических наук, Институт языкознания РАН, Москва, Россия
Буканова Роза Гафаровна	доктор исторических наук, профессор, Уфимский юридический институт МВД РФ, Уфа, Россия
Ван Цзясин	доктор филологических наук, профессор, Нанкинский университет, Нанкин, Китай
Галиева Фарида Габдулхаевна	доктор филологических наук, кандидат исторических наук, доцент, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН, Уфа, Россия
Данилко Елена Сергеевна	доктор исторических наук, профессор РАН, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия
Иващенко Яна Сергеевна	доктор культурологии, доцент, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, Санкт-Петербург, Россия
Кляус Владимир Леонидович	доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия
Коноплева Нина Алексеевна	доктор культурологии, профессор, Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия
Кузьмина Евгения Николаевна	доктор филологических наук, профессор, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Куфтерин Владимир Владимирович	доктор биологических наук, доцент, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия
Лобанкова Инна Петровна	кандидат культурологии, доцент, Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия
Лычагина Евгения Леонидовна	доктор исторических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия
Лю Куйли	кандидат филологических наук (МГУ), академик, Академия общественных наук КНР, Пекин, Китай
Масуми Исогай	доктор философии, доцент, Государственный университет Чиба, Чиба, Япония
Надергулов Минлегали Хусаинович	доктор филологических наук, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа, Россия
Овсянников Владимир Владиславович	кандидат исторических наук, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа, Россия
Ойноткинова Надежда Романовна	доктор филологических наук, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Побережников Игорь Васильевич	доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия
Псянчин Айбулат Валиевич	доктор географических наук, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа, Россия
Сабитов Жаксалык	PhD, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
Садиков Ранус Рафикович	доктор исторических наук, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН, Уфа, Россия
Салмин Антон Кириллович	доктор исторических наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия
Серегин Николай Николаевич	доктор исторических наук, доцент, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
Сиразитдинов Зиннур Амирович	кандидат филологических наук, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа, Россия
Созина Елена Константиновна	доктор филологических наук, профессор, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия
Сокаева Диана Вайнеровна	доктор филологических наук, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального научного центра Владикавказский научный центр РАН, Владикавказ, Россия
Сулейманова Рима Нугамановна	доктор исторических наук, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа, Россия
Тагирова Наиля Фаридовна	доктор исторических наук, Самарский федеральный исследовательский центр РАН, Самара, Россия
Таиров Александр Дмитриевич	доктор исторических наук, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия
Урманчиева Анна Юрьевна	доктор филологических наук, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия
Хабунова Евдокия Эрендженевна	доктор филологических наук, профессор, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Гордиковича, Элиста, Россия
Хусаинова Гульнур Равиловна	доктор филологических наук, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа, Россия
Хусаинова Ляйля Мидхатовна	доктор филологических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия
Эрджан Алкайя	доктор филологии, профессор, Университет Фырат, Элязыг, Турция

ISSN: 3034-2724
DOI: 10.31833/sifk
SCIENTIFIC JOURNAL

Created in 2024

IHLL UFRC RAS

Technical editorial board:

Anna G. Saveleva
Director of the Technical Editorial Office

Albina Y. Ilyasova
editor

Liliya A. Buskunbaeva
editor

Zulfiya T. Sharafutdinova
editor

Aisar U. Khisametdinov
layout

Publisher and editorial Office Address:
450054, Ufa, Oktyabrya Prospekt, 71,
lit. U, U1

Founder: Ufa Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences

© Ufa Federal Research Centre of the
Russian Academy of Sciences, 2024
© Editorial board, 2024
© Authors, 2024

E-mail: izv-i-f-c@mail.ru
<https://sifkufa.ru/>

EDITORIAL BOARD

Zugura Ya. Rakhmatullina
<i>Chief Editor</i>	Dr. Sc. (Philosophy), Professor, IHLL UFRC RAS, Ufa, Russia
Gulnaz N. Yagafarova
<i>Deputy Chief Editor</i>	Dr. Sc. (Philology), IHLL UFRC RAS, Ufa, Russia
Bulat A. Aznabaev
<i>Deputy Chief Editor</i>	Dr. Sc. (History), Professor, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
Anna A. Bakhtereva	Cand. Sc. (Philology), Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, The V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS, Moscow, Russia
Dina B. Sundueva	Dr. Sc. (Cultural Studies), Associate Professor, Zabaikalsky State University, Chita, Russia
Gennady E. Kornilov	Dr. Sc. (History), Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the RAS, Ekaterinburg, Russia
Elsa V. Migranova
<i>Executive Secretary</i>	Cand. Sc. (History), IHLL UFRC RAS, Ufa, Russia

EXECUTIVE EDITORS

Aysa N. Bitkeeva	Dr. Sc. (Philology), Institute of Linguistics, RAS, Moscow, Russia
Alexander D. Tairov	Dr. Sc. (History), South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
Alimaa Ayushzhav	PhD (Cultural Studies), Institute of Language and Literature, Academy of Sciences of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia
Andrey V. Belyakov	Dr. Sc. (History), Institute of Russian History, RAS, Moscow, Russia
Anna Yu. Urmanchieva	Dr. Sc. (Philology), Institute of Linguistic Research RAS, St. Petersburg, Russia
Anton K. Salmin	Dr. Sc. (History), Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS, St. Petersburg, Russia
Aybulat V. Psyanchin	Dr. Sc. (Geography), IHLL UFRC RAS, Ufa, Russia
Diana V. Sokaeva	Dr. Sc. (Philology), North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies by V.I. Abaev, Vladikavkaz Science Center, RAS, Vladikavkaz, Russia
Elena K. Sozina	Dr. Sc. (Philology), Professor, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS, Yekaterinburg, Russia
Elena S. Danilko	Dr. Sc. (History), Professor of the RAS, N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Moscow, Russia
Ercan Alkaya	Dr. Sc. (Philology), Professor, Firat University, Elazig, Türkiye
Evdokia E. Khabunova	Dr. Sc. (Philology), Professor, Kalmyk State University named after B.B.Gorodovikov, Elista, Russia
Evgeniya L. Lychagina	Dr. Sc. (History), Associate Professor, Perm State National Research University, Perm, Russia
Evgeniya N. Kuzmina	Dr. Sc. (Philology), Professor, Institute of Philology, Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia
Farida G. Galieva	Dr. Sc. (Philology), PhD (History), Associate Professor, Institute of Ethnological studies of R.G. Kuzeev, RAS, Ufa, Russia

Gulnara Kh. Abdrafikova	Cand. Sc. (Philology), IHLL UFRC RAS, Ufa, Russia
Gulnur R. Husainova	Dr. Sc. (Philology), IHLL UFRC RAS, Ufa, Russia
Igor V. Poberezhnikov	Dr. Sc. (History), Corresponding Member of the RAS, Institute of History and Archaeology Ural Branch of the RAS, Yekaterinburg, Russia
Inna P. Lobankova	Cand. Sc. (Cultural Studies), Associate Professor, Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia
Layla M. Husainova	Dr. Sc. (Philology), Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia
Liu Kuili	PhD (Philology) MSU, Academician, Academy of Social Sciences of the People's Republic of China, Beijing, China
Masumi Isogai	PhD (Culture and Society), Associate Professor, Chiba State University, Chiba, Japan
Minlegali H. Nadergulov	Dr. Sc. (Philology), IHLL UFRC RAS, Ufa, Russia
Nadezhda R. Oinotkinova	Dr. Sc. (Philology), Institute of Philology, Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia
Nailya F. Tagirova	Dr. Sc. (History), Samara Federal Research Center, RAS, Samara, Russia
Nikolay N. Seregin	Dr. Sc. (History), Associate Professor, Altai State University, Barnaul, Russia
Nina A. Konopleva	Dr. Sc. (Cultural Studies), Professor, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia
Ranus R. Sadikov	Dr. Sc. (History), Institute of Ethnological studies of R.G. Kuzeev, RAS, Ufa, Russia
Rima N. Suleimanova	Dr. Sc. (History), IHLL UFRC RAS, Ufa, Russia
Rosa G. Bukanova	Dr. Sc. (History), Professor, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ufa, Russia
Vladimir L. Klyaus	Dr. Sc. (Philology), The Gorky Institute of World Literature, RAS, Moscow, Russia
Vladimir V. Kufterin	Dr. Sc. (Biology), N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Moscow, Russia
Vladimir V. Ovsyannikov	Cand. Sc. (History), IHLL UFRC RAS, Ufa, Russia
Wang Jiaying	Dr. Sc. (Philology), Professor, Nanjing University, Nanjing, China
Yana S. Ivaschenko	Dr. Sc. (Cultural Studies), Associate Professor, Russian Christian Humanitarian Academy of F.M. Dostoevsky, St. Petersburg, Russia
Zhaksalyk Sabitov	Dr. Sc. (Politics), The L.N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Kazakhstan
Zinnur A. Sirazitdinov	Cand. Sc. (Philology), IHLL UFRC RAS, Ufa, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

Ахмадиев Ф.В.

ТВОРЧЕСТВО ГАЛИМА ХИСАМОВА: ЗАРОЖДЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РОМАНА В БАШКИРСКОЙ ПРОЗЕ XXI ВЕКА.....132

Бакиева Г.Т.

КУЛЬТ МЕДВЕДЯ В НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЯХ ЗАБОЛОТНЫХ ТАТАР.....139

Валиева М.Р.

ДИАЛЕКТНЫЕ ЧАСТИЦЫ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА: СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ.....148

Гайсина Ф.Ф.

ФОЛЬКЛОР ЧЕЛЯБИНСКИХ БАШКИР: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ.....156

Исянгулов Ш.Н.

ПРОФСОЮЗЫ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА.....163

Кулманов С.К., Бисенгали А.З.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНОВ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ КАЗАХСКОГО, ТУРЕЦКОГО, АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО, УЗБЕКСКОГО И БАШКИРСКОГО ЯЗЫКОВ).....171

Муратова Р.Т.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ *ЕРЭН* 'РЫЖИЙ' В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ.....179

Набиуллина Г.М.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ В РАССКАЗЕ М. КУНАФИНА «В ДЕРЕВНЮ ЯВИТСЯ АЛЛАХ... ИЛИ ОСТАНОВИВШЕЕСЯ ВРЕМЯ».....186

Рафикова Я.В.

МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ МУРАКАЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ.....192

Рязанова Э.Ф.

ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАКТИК ЭТНИЧЕСКИХ МУСУЛЬМАН В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ.....205

Садькова Л.Р.

ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ ГРЕКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН.....213

CONTENTS

Akhmadiev F.V.

THE CREATION OF GALIM KHISAMOV: THE ORIGIN OF THE POLITICAL NOVEL IN BASHKIR PROSE OF THE XXI CENTURY132

Bakieva G.T.

THE CULT OF THE BEAR IN THE FOLK TRADITIONS AND MYTHOLOGY OF THE SWAMPY TATARS..... 139

Valieva M.R.

DIALECT PARTICLES OF THE BASHKIR LANGUAGE: SEMANTICS AND FUNCTION.....148

Gaisina F.F.

FOLKLORE OF THE CHELYABINSK BASHKIRS: HISTORY AND PROSPECTS OF STUDY ... 156

Isyangulov Sh.N.

TRADE UNIONS AND PUBLIC OPINION IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN AT THE END OF THE 20th – BEGINNING OF THE 21st CENTURY.....163

Kulmanov S.K., Bissengali A.Z.

FEATURES OF THE USE OF FOREIGN TERMS IN TURKIC LANGUAGES (BASED ON MATERIALS FROM KAZAKH, TURKISH, AZERBAIJANI, UZBEK AND BASHKIR LANGUAGES) 172

Muratova R.T.

THE ORIGIN AND LEXICAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF THE ERAN 'RED' COLOR DESIGNATION IN THE BASHKIR LANGUAGE.....179

Nabiullina G.M.

ARTISTIC TIME IN M. KUNAFIN'S STORY "ALLAH WILL APPEAR IN THE VILLAGE... OR THE STOPPED TIME".....186

Rafikova Ya.V.

MATERIALS FROM THE BRONZE AGE OF THE MURAKAEVSKY BURIAL GROUND IN THE SOUTHERN TRANS-URALS.....192

Riazanova E.F.

FEATURES OF RELIGIOUS PRACTICES OF ETHNIC MUSLIMS IN MODERN GERMANY... 205

Sadykova L.R.

THE HISTORY OF THE GREEKS APPEARANCE IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN, 213

ТВОРЧЕСТВО ГАЛИМА ХИСАМОВА: ЗАРОЖДЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РОМАНА В БАШКИРСКОЙ ПРОЗЕ XXI ВЕКА

Фарит Вафиевич Ахмадиев

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Уфа, Россия

E-mail: ahmadievf@mail.ru

Аннотация. Известный башкирский прозаик Галим Хисамов, автор ряда крупных романов, занимает важное место в литературе Башкортостана в первой четверти XXI века. Его талант отмечен Государственной премией Республики Башкортостан имени Салавата Юлаева, многие его произведения переведены на русский язык. Самым важным его отличием среди современных прозаиков является то, что в произведениях автора отражаются черты национального героического характера башкирского народа. Произведения Г. Хисамова отражают менталитет народа, его гордый дух хозяина своей земли, демонстрируют высокий уровень интеллекта и образования многих его героев, которые ведут за собой соотечественников к лучшей жизни. В политическом романе «Президент Рахимов» есть черты исторического и производственного романов. Описывая крупным планом деятельность Муртазы Рахимова на посту президента, автор вникает в исторические, общественно-политические, а также производственные моменты управления республикой на благо ее населения. Благодаря своим высоким профессиональным качествам, владению родным языком, Г. Хисамов в течение долгих лет остается писателем, обладающим прекрасным даром и способностью улавливать тонкие перемены в настроениях, представлениях, стереотипах общества, изменениях в мировоззрении современников. Опыт художественного освоения политики как специфического жизненного материала в романе Г. Хисамова представляет интерес как с точки зрения формирования национальной политической истории, так и с точки зрения развития национальной художественной и политической культуры и требует развернутого литературоведческого изучения.

Ключевые слова: Галим Хисамов, исторический роман, политический роман, жанры, национальный характер

Цитирование: *Ахмадиев Ф.В.* Творчество Галима Хисамова: зарождение политического романа в башкирской прозе XXI века // Известия УФИЦ РАН. Серия: История. Филология. Культура. 2024. Т. 1. № 2. С. 132–138. DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.2.014>

Благодарности. Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00570-24-01 на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов

THE CREATION OF GALIM KHISAMOV: THE ORIGIN OF THE POLITICAL NOVEL IN BASHKIR PROSE OF THE XXI CENTURY

Farit V. Akhmadiev

Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

E-mail: ahmadievf@mail.ru

Abstract. The famous Bashkir novelist Galim Khisamov, the author of a number of major novels, occupies an important place in the literature of Bashkortostan in the first quarter of the XXI century. His talent was awarded the Salavat Yulaev State Prize, and many of his works have been translated into Russian. His most important difference among modern prose writers is that the author carries in his work the features of the national heroic character of the Bashkir people. The works of G. Khisamov reflect the mentality of the people, their proud spirit of the owner of their land, demonstrate the high level of intelligence and education of his many heroes,

who lead their compatriots to a better life, and thus correspond to the accepted definitions of the nationality of literature. In the historical genre, the novel by the writer G. Khisamov “February Blizzard” was written, which is dedicated to the events of a century ago, the theme of the formation of the USSR and the Republic of Bashkortostan. But a novelty in the genre diversity is his political novel “President Rakhimov”, dedicated to the life of a major leader of such a powerful region as Bashkortostan. If the novel “February Blizzard” of 2017 about the formation of the Bashkir Republic can be attributed to the historical and political, then the novel about the first president of the Republic of Bashkortostan “President Rakhimov” can undoubtedly be attributed to the political. An important indicator of the realism of the novel is the appeal to a contemporary living in our time, a political figure. Of course, in the political novel “President Rakhimov” there are features of historical and industrial novels. Describing the activities of Murtaza Rakhimov as president in close-up, the author delves into the historical, socio-political, as well as production aspects of the republic’s governance for the benefit of its population. Undoubtedly, the experience of artistic development of politics as a specific life material in G. Khisamov’s novel is of interest both from the point of view of the formation of national political history and from the point of view of the development of national artistic and political culture and requires extensive literary study.

Keywords: Galim Khisamov, historical novel, political novel, genres, national character

Citation. Akhmadiev, F.V., 2024, “The creation of Galim Khisamov: the formation of a political novel in Bashkir prose of the XXI century”, *Proceedings of the UFRC RAS. Series: History. Philology. Culture*, vol. 1, no. 2, pp. 132–138. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.2.014>

Acknowledgements. This study was carried out within the framework of the state assignment of the UFRC RAS No. 075-00570-24-01 for 2024 and for the planning period of 2025 and 2026

Введение

Галим Хисамов, будучи автором многих романов, повестей и рассказов, журналистом, обладает острым проникновенным пером. За свою творческую биографию выпустил в свет более трех десятков книг. Его произведения «Шагида», «Деятнадцатый», «Тафтиляу», «Кровавая земля» и многие другие пользуются любовью читателей. По его инициативе был организован выпуск книг серии «Славные люди Башкортостана».

Г. Хисамов является писателем с прекрасным даром и способностью улавливать тонкие перемены в настроениях, представлениях, стереотипах общества, изменениях в мировоззрении современников.

Результаты исследования

Г. Хисамов стал первопроходцем в создании детективного жанра в башкирской литературе. Романы «Деятнадцатый», «Двойник» являются произведениями жанра политического детектива.

В ряду исторических романов Г. Хисамова есть произведение «Өн хәм һан» («Звук и число»), которое было отмечено Государственной премией Республики Башкортостан в области литературы имени Салавата Юлаева за 2014 год. Историко-философский роман Г. Хисамова поднимает ключевые вопросы духовности башкирского народа, выявляет его роль и место в мировой истории. Опираясь на эпос «Урал-батыр», автор ведет неспешный диалог с читателем. Героями произведения являются писатель Сэсен, его жена и молодая пара Урал и Зульхиза. Это произведение о духовной жизни современной интеллигенции, которая посвятила себя поискам нравственных ценностей, осмыслению истории народа. Это люди высокой культуры, интеллектуалы-специалисты.

Одним из самых объемных и насыщенных большим количеством персонажей является исторический роман Г. Хисамова «Февральский буран» [Хисамов, 2018, 2019], который также вышел в русском переводе.

С первых же страниц читатель погружается в атмосферу столетней давности, когда в 1917 году в России произошла Февральская революция и страна оказалась на грани распада, когда народы и сословия страны пытались определиться, как жить дальше, без царя. Эти процессы привели сначала к Октябрьскому перевороту 1917 года, а затем и к Гражданской войне и к созданию СССР. Роман посвящен трагическому пути, который башкирский народ прошел к своей свободе, к своей республике. В числе многих политиков, которые управляли этими процессами, был и Заки Валидов. Его роль в романе подчеркнута особенно. Он был военным министром Башкирского правительства и взял на себя самые трудные вопросы, всегда находил выход, который приносил наименьшие потери в условиях Гражданской войны. Среди других важных героев романа мы видим поэта Салиха, в котором, несомненно, угадывается

знаменитый Шайхзада Бабич. Противостоят им многие персонажи из истории, но именно Заки и Салих оказываются в центре романа.

Весьма важным достижением романа является полная реабилитация исторического деятеля Заки Валидова. Дело в том, что в истории башкирской литературы писатели соцреализма не могли обойти столь значительную фигуру, но изображали его врагом советской власти, давали карикатурные образы.

Литературовед Р.Ф. Хасанов указывал на эти произведения: «Говоря об антивалидовской традиции в башкирском романе советского периода, необходимо отметить, что она была обусловлена не столько личными симпатиями или антипатиями того или иного писателя, его желанием опорочить Заки Валиди, а в большей мере – канонами литературы соцреализма, идеологическими установками и цензурными соображениями. Это пример того, как авторскую концепцию личности определяет не исходный материал, не объект изображения, а априори созданный идеологический посыл, что допустимо в том случае, когда автор имеет дело с образом вымышленного персонажа, а не исторического деятеля. Башкирские романисты выполняли социальный заказ, шли в русле всей тогдашней многонациональной советской литературы. В их распоряжении еще не было многих материалов, например, «Воспоминаний» З. Валиди, исследований историков о его личности и жизнедеятельности. Авторы большей частью опирались на отдельные факты, слухи. Крушение мифа о Заки Валиди, стремление объективно оценить его роль и место в национальной истории началось в 80-е годы прошлого века. Это связано с именами таких романистов, как Ахияр Хакимов, Рамазан Уметбаев, Галим Хисамов, Роберт Баимов» [Хасанов, 2018. С. 163–164].

Автор проявил себя как историк, но в романе нет налета документальности. Жанр романа не чисто исторический, а скорее, на тему истории. При этом автор опирается на многие документы и воспоминания участников событий. Р.Ф. Хасанов подметил особенность исторической прозы Г. Хисамова на примере другого его романа: «При чтении и анализе романа надо иметь в виду то, что мы имеем дело не с научным трудом по истории, а с художественным произведением, писателем-романистом, стремящимся добиться художественной правды, а не исторической достоверности описываемого. В отличие от ученого-историка, в большей мере «привязанного» к реалиям жизни, доказывающего истину, писатель волен возвыситься над частной правдой факта и не столько доказывать, сколько показывать эту истину через художественные образы-типы» [Хасанов, 2022. С. 278].

Л.П. Александрова пишет: «В определении жанра исторического романа следует исходить из принципов художественного освоения действительности, и решающим фактором в этом должно быть соотношение между исторической достоверностью и художественным домыслом в освещении исторических событий и лиц, а события, положенные в основу исторического романа, должны быть подлинными и такими, которые оставили бы значительный след в истории народа» [Александрова, 1971. С. 130].

Главный герой Заки Валидов говорит соратникам, что в России необходимо установить равенство всех народов в форме республики, что будет гарантией свободы слова, вероисповедования, даст возможность самостоятельного развития культуры и языка. Для этого необходимо открывать школы, гимназии, университеты, театры, наладить книгопечатание, нужно развивать станкостроение, сельское хозяйство, лесное производство. Таким образом, мусульманам России необходимо не только получить равенство в гуманитарной сфере, в культуре и образовании, но и, наравне с другими народами, иметь возможность быть хозяевами своей земли и недр. Россия должна состоять из равноправных республик, как США состоят из свободных штатов. Поручив центральной власти решение вопросов войны и мира, международных отношений, республики должны жить самостоятельно.

Динамичность развитию сюжета прибавляет и широкая география происходящих событий. Это и Петроград, и Москва, и Оренбург, и Уфа, и Ташкент.

Салих встретил революцию в Оренбурге и стал свидетелем свержения царского губернатора. Сразу же появились два политических лагеря: Временное правительство и Советы. Башкирский народ в лице активных передовых людей решил создать для управления собственное правительство, образовать свою республику. Революционные процессы коснулись всех и каждого. Свобода пробудила желание башкир вернуть свои земли, свои права вотчинников.

Автор постепенно расширяет круг действующих лиц. Все они имеют свое собственное мнение о революции и реформах. Каждый стремился защитить свои интересы. Среди персонажей романа узнаваемы такие личности, как легендарный комбриг Башкирского войска Муса Муртазин, другие члены Башкирского правительства.

Свое мнение по будущему государственному устройству имели отдельные губернии и народы России. По заданию татарской элиты из Уфы в Оренбург выехал сторонник мусульманского общества Култан. Он и стал основным антиподом Салиха, хотя и был женат на его сестре. Автор показывает, что революция обострила многие конфликты. На митинге Салих и Култан оказались по разные стороны.

Култан подослал людей, чтобы они избили поэта. Встал вопрос о защите, и стали появляться вооруженные дружины. Раскол в семье, раскол в массах породил затем большие бедствия.

Автор хорошо осведомлен о возникших в то время политических партиях и их программах. В Ташкенте Заки Валидов оказался очень востребованным политически грамотным деятелем, борцом за свободный Туркестан, но все же он делает выбор в пользу своей родины и приезжает в Оренбург, чтобы стать членом Башкирского правительства.

Заки Валидов показан как радеющий за равноправие всех народов России: «Граждане! Вот послушал я вас и решил напомнить нашу историю, – вступил в разговор Валиди. – Неужели вы забыли, что вместе с Салаватом сражались бок о бок татары, русские и чуваша? Ведь у них была тогда общая цель – завоевать свободу. После разгрома Казани Иваном Грозным башкиры приняли к себе много бежавших татар. Потому что были добры и помогали соседям. Очень много татар приняло участие в башкирских восстаниях. Жизнь татар в Оренбургской ли, в Уфимской ли губернии ничем не легче доли башкир. Наоборот, их положение гораздо хуже. У башкир еще есть своя земля. А что есть у татарина в хозяйстве, кроме козы без молока, маленькой тележки и пары серпов, чтобы наниматься на сбор хлеба? Если мы прогоним их обратно, куда они пойдут и что станут делать? Я считаю, что на башкирском курултае должны быть и татары, и русские, и другие народы. Если не делегатами, то в качестве почетных гостей» [Хисамов, 2018, № 10. С. 163–164].

По мнению Р.Ф. Хасанова, роман является по жанру революционно-историческим: «Много места в сюжете занимают описания встреч Валиди с лидерами большевиков Лениным, Сталиным, Троцким, с представителями различных партий, военными, деятелями культуры, искусства, литераторами. Именно в этих эпизодах герой предстает как видный представитель своего народа, дальновидный политик и дипломат, умный собеседник, передовой человек своего времени. Неслучайно в композиции романа диалоги играют важную роль. Раскрытие его внутреннего мира, психологическая характеристика осуществляются через внутренние монологи, несобственно-прямую речь. Порой он представлен наедине с самим собой, предавшимся нелегким раздумьям о судьбе родного народа и о своей доле, о трудностях на пути к свободе, о неудачах и поражениях. Так, под пером автора вырастает фигура не комедийного и сатирического героя, «осмеянного пророка», что было характерно историко-революционным романам прошлых десятилетий, а человека, сыгравшего исключительную роль в создании башкирской государственности, территориальной автономии, и в то же время со сложным и противоречивым характером, драматической судьбой. Создав образ протагониста, писатель вместе с тем не идеализирует его» [Хасанов, 2018. С. 287].

Роман несет в себе исторические черты, но поднимаемые вопросы требовали и политической интерпретации, поэтому автор выступает как создатель именно историко-политического романа. Здесь, опираясь на реальные биографии известных людей, он создает картину, где доля воображения помогает создать неперегруженный документами художественный мир, который весьма выразительно отразил эпоху столетней давности. Конфликты проходят в умах и сердцах людей, они ищут, ошибаются, но борются за свое счастье, которое неотделимо от счастья освобожденного народа.

В башкирской литературе XX и XXI веков среди жанров прозы прочное место занял исторический роман. Десятки авторов работали в этом литературном жанре, и у каждого наблюдались свое видение истории и свои жанровые особенности. В XXI веке в творчестве башкирского писателя Г. Хисамова мы наблюдаем зарождение новой формы литературного жанра. Это политический роман, причем появился этот жанр не на пустом месте, а вырос из исторического, историко-социального, историко-биографического романов. В его творчестве отчетливо просматриваются этапы, когда автор работал в жанре исторического романа, затем – историко-политического и собственно политического жанров. Если роман «Февральский буран» 2017 года об образовании Башкирской республики можно отнести к историко-политическому, то роман о первом президенте Республики Башкортостан «Президент Рахимов» [Хисамов, 2020], несомненно, можно отнести к политическому. Важным показателем реализма романа является обращение к живущему в наше время современнику, политическому деятелю.

Разумеется, в политическом романе «Президент Рахимов» есть черты исторического и производственного романов. Описывая крупным планом деятельность Муртазы Рахимова на посту президента, автор вникает в исторические, общественно-политические, а также производственные моменты управления республикой на благо ее населения.

В работах наших ведущих литературоведов мы в основном получили определение романов Г. Хисамова как исторических произведений. Так, литературовед Р. Хасанов в статье «Эволюция образа национального героя в башкирском романе» [Хасанов, 2018] рассматривает романы башкирских авторов о политике З. Валиди, в том числе и роман Г. Хисамова «Февральский буран».

Р. Хасанов подчеркивает: «В башкирской исторической прозе значительное место занимает историко-биографический роман, в котором созданы образы легендарных и исторических личностей, воплощающих особенности национального характера. В статье мы обращаемся к романам, посвященным

известному общественному деятелю, лидеру башкирского национального движения Заки Валиди. При этом ставятся следующие задачи: рассмотреть, как эволюционировал его образ, как в произведениях менялась авторская концепция личности героя в зависимости от общественно-политической, культурно-исторической ситуации, от идеологических установок, как шло развенчание мифа о Заки Валиди, созданного историками и литераторами в советские годы» [Хасанов, 2018. С. 287].

Исследователь называет роман Г. Хисамова «историко-биографическим». Здесь все очевидно, есть написанная самим З. Валиди биография, и многие авторы опираются на нее при создании своего произведения. Отсюда и биографическое начало в этих романах.

Роман Г. Хисамова «Президент Рахимов» можно считать полноценным художественным произведением, причем это первый политический роман в башкирской литературе, где реалистично и подробно освещены политические и личные перипетии государственного деятеля, его действия по выполнению служебных обязанностей и даже семейная жизнь.

Если посмотреть на редкие произведения политического жанра в российской литературе, то, пожалуй, мы не найдем похожих реалистичных романов. Несомненно, Г. Хисамов здесь проявил себя как новатор. Бывший министр печати республики, он был непосредственно знаком с М.Г. Рахимовым и знал подробно многие детали жизнедеятельности президента. Этот уникальный опыт он использовал как основу своего политического романа, где ставит в пример годы правления М.Г. Рахимова как деятельного, компетентного руководителя, заботящегося о благе всех граждан Башкортостана. Действительно, в те годы республика обладала экономической мощью и была так называемым «донором» России.

Роман о первом президенте Республики Башкортостан Муртазе Рахимове автор написал со знанием темы и хронологии событий тех лет. В журнале «Бельские просторы» произведение было издано на русском языке под названием «В отрогах Урала» [Хисамов, 2023]. Автор сам работал в печати, был главным редактором газеты, директором книжного издательства и министром печати. Знание многих нюансов современной истории, работа в органах исполнительной власти, широкий круг знакомств позволили автору создать достойное произведение для серии «Выдающиеся личности Башкортостана». В романе описывается новейшая история Башкортостана и роль в ней многих политиков. Произведение является летописью политической, общественной и экономической жизни не только республики, но и страны. В нем много биографического и документального материала, что говорит о достоверности приводимых фактов и событий. В произведении много от исторического и документального романов, но в целом это роман политический, то есть Г. Хисамов смог подняться на новый для башкирской прозы уровень.

Автор рассказывает о школьных годах М.Г. Рахимова, о его желании стать нефтяником, о том, как упорно он учился и трудился. Деревенский юноша поступил в техникум, стал оператором на нефтяном заводе, затем учился дальше заочно в институте, после стал директором завода. С «директорского кресла» он мог видеть проблемы Советской страны. Вникал он и в сельское хозяйство, взяв шефство над совхозом по традиции тех времен.

В романе М.Г. Рахимов занят государственным строительством: создает новые республиканские структуры, которые нужны полноправной союзной республике при СССР. Например, оказалось, что необходим свой Национальный банк.

При чтении создается впечатление, что участники событий сами рассказали писателю про события тех лет. Например, автор приводит большой отрывок из книги Х.А. Барлыбаева «Судьба – тернистый путь», в которой говорится о событиях в новой политической истории Башкортостана. При этом сам роман является художественным произведением, в котором есть доля вымысла.

Автор старается зафиксировать роль сподвижников М.Г. Рахимова в обновлении государственного строя. Это конкретные люди, которые хорошо известны в республике, такие как З. Еникеев, Р. Аюпов, И. Габитов и др.

М.Г. Рахимов руководил республикой два десятка лет, и многие позитивные перемены в жизни республики население связывает с его именем. Большую роль играли также его окружение и, возможно, те силы, которые остались вне поля зрения общественности. Вместе с тем были претензии к нему как первому лицу со стороны как башкирской, так и татарской интеллигенции в вопросах статуса государственного языка. М.Г. Рахимов не спешил с этим вопросом, опасаясь межнациональных конфликтов, но вопрос о башкирском языке как государственном все же был решен положительно, что в глазах башкирской общественности было справедливым и необходимым условием дальнейшего развития культуры и сохранения языка народа. Автор дает читателю возможность оценить заслуги политика и в то же время намекает на упущенные тогда возможности в реализации вопросов культуры и образования, что должно послужить уроком для будущих руководителей.

В литературе представлены различные подходы к определению «политического романа». Например, А.Н. Потсар подчеркивает: «Политический роман – особый жанр, сочетающий в себе элементы журналистского расследования, реальности и вымысла» [Потсар, 2009. С. 176]. К.В. Алексеев в работе

«Русский социально-политический роман: признаки, типология» подробно классифицирует жанр политического романа и предлагает следующие варианты его типологии в зависимости от критерия, положенного в основу классификации.

I. По активно действующей политической силе:

- 1) революционно-демократический (разночинский),
- 2) либеральный,
- 3) народнический,
- 4) пролетарский (рабочий),
- 5) диссидентский.

II. По типу пафоса:

- 1) пропагандистский,
- 2) критический,
- 3) полемический,
- 4) идеологический.

III. По форме реализации главной политической идеи:

- 1) утопический,
- 2) роман-антиутопия,
- 3) роман-памфлет,
- 4) программный роман.

IV. По степени лояльности к существующей политической власти:

- 1) радикально-оппозиционный (революционный),
- 2) либерально-консервативный,
- 3) охранительный.

V. По художественному методу:

- 1) реалистический,
- 2) натуралистический,
- 3) символический,
- 4) эклектический [Алексеев, 2005. С. 78–79].

В соответствии с предложенной классификацией роман Г. Хисамова можно определить таким образом:

- 1) по активно действующей политической силе – либеральный,
- 2) по форме реализации главной политической идеи – программный,
- 3) по степени лояльности к существующей политической власти – охранительный,
- 4) по художественному методу – реалистический.

Однако даже подобная подробная характеристика, на наш взгляд, не передает всех нюансов нового башкирского политического романа, в котором мы видим всесторонний политический портрет лидера Республики Башкортостан как человека и политика, вписавшего себя в отечественную историю. Как справедливо подчеркивает М.Х. Надергулов, художественная литература тем или иным образом связана с официальной идеологией своего времени [Надергулов, 2024. С. 108]. Несомненно, что опыт художественного освоения политики как специфического жизненного материала в романе Г. Хисамова представляет интерес как с точки зрения формирования национальной политической истории, так и с точки зрения развития национальной художественной и политической культуры и требует развернутого литературоведческого изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александрова Л.П. Советский исторический роман и вопросы историзма. Киев, 1971. 156 с.

Алексеев К.В. Русский социально-политический роман: признаки, типология // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2005. № 1. С. 78–81.

Надергулов М.Х. Башкирское литературоведение: прошлое, настоящее, будущее // Известия УФИЦ РАН. Серия: История. Филология. Культура. 2024. Т. 1. № 1. С. 107–114.

Потсар А.Н. Политический роман в современной политической коммуникации // Современная политическая коммуникация: Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург, 2009. С. 176–178.

Хасанов Р.Ф. Национальный лидер как романский образ // Ватандаш. 2018. № 10 (265). С. 160–167.

Хасанов Р.Ф. Эволюция образа национального героя в башкирском романе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2018. № 5 (83). Ч. 2. С. 287–291.

Хасанов Р.Ф. Роман Галима Хисамова «По Велению Башкир» (опыт комментированного чтения) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 2 (165). С. 272–279.

- Хисамов Г. Президент Рахимов. Роман // Агидель. 2020. № 8. С. 3–190. (на башк. яз.)
Хисамов Г. В отрогах Урала // Бельские просторы. 2023. №№ 7, 8, 9, 10, 11.
Хисамов Галим. Февральский буран. Роман / Пер. с башкирского Ф. Ахмадиева // Бельские просторы. 2018. №№ 9, 10, 11, 12; 2019. №№ 1, 2, 3, 4.

REFERENCES

- Alexandrova, L.P. 1971, *Soviet historical novel and issues of historicism*. Kyiv, 156 p. (In Russ.)
Aleksseev, K.V. 2005, “Russian socio-political novel: features, typology”, *Bulletin of Ryazan State University S.A. Yesenina*, no. 1, pp. 78–81. (In Russ.)
Khasanov, R.F. 2018, “National leader as a novel image”, *Vatandash*, no. 10 (265), pp. 160–167. (In Russ.)
Khasanov, R.F. 2018, “The evolution of the image of a national hero in a Bashkir novel”, *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, Gramota, Tambov, no. 5 (83), part 2, pp. 287–291. (In Russ.)
Khasanov, R.F. 2022, “Galim Khisamov’s novel “At the Behest of the Bashkirs” (experience of commented reading)”, *News of the Volgograd State Pedagogical University*, no. 2 (165), pp. 272–279. (In Russ.)
Khisamov, G. 2020, “President Rakhimov”. Novel, *Agidel*, no. 8, pp. 3–190. (In Bash.)
Khisamov, G. 2023, “In the spurs of the Urals”, *Belskie expanses*, no. 7, 8, 9, 10, 11. (In Russ.)
Khisamov, Galim, 2018, “February storm”. Novel. *Belskie expanses*, no. 9, 10, 11, 12; 2019, no. 1, 2, 3, 4. (In Russ.)
Nadergulov, M.Kh. 2024, “Bashkir Literary Studies: the Past, the Present, and the Future”, *Proceedings of the UFRC RAS. Series: History. Philology. Culture*, vol. 1, no. 1, pp. 107–114. (In Russ.)
Potsar, A.N. 2009, “Political novel in modern political communication”, *Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (“Modern political communication: Materials of the International Scientific Conference”), Ekaterinburg, pp. 176–178. (In Russ.)

Сведения об авторе

Фарит Вафиевич Ахмадиев, кандидат философских наук, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: ahmadievf@mail.ru, ORCID: 0009-0005-1933-0135

Information About the Author

Farit V. Akhmadiev, Cand. Sc. (Philosophy), Order of the Badge of Honour of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, the Russian Federation, Ufa. E-mail: ahmadievf@mail.ru, ORCID: 0009-0005-1933-0135

КУЛЬТ МЕДВЕДЯ В НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЯХ ЗАБОЛОТНЫХ ТАТАР

Гульсифа Такиюлловна Бакиева

ФГБНУ НИИ Республиканский исследовательский
научно-консультационный центр экспертизы, Москва, Россия
E-mail: gulsifa-bakieva@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена верованиям и обрядам сибирских татар, связанным с культом медведя. В труднодоступных селениях тобольского Заболотья был собран большой этнолингвистический материал различной жанровой принадлежности: сказки, легенды, предания, былички, устные рассказы об охоте на медведя, о народной медицине. Рассмотрение материала обнаруживает сложный комплекс представлений о медведе как о сакральном животном. В мировоззрении сибирских татар разных этнотерриториальных групп в прошлом бытовало почитание медведя как тотема. Это нашло отражение в представлениях о происхождении отдельных родовых подразделений от медведя – *аю тугум*. По поверьям, люди, относившиеся к роду медведя, не употребляли в пищу медвежьего мяса. Отражение представления о медведе как о тотемном предке, который может оказывать влияние на мир людей, выразилось в том, что различные части тела медведя служили для отпугивания злых духов и лечения. У заболотных татар отмечен сюжет о сожительстве медведя с женщиной, который имеется у других народов и представляет собой особую форму проявления тотемического культа. Представители других тугумов могли заключать с медведем договор о том, что зверь не будет трогать их род. Основываясь на внешнем сходстве, сибирские татары считали, что медведь происходит из человеческой породы. Охотники, специализирующиеся на охоте на медведя, пользовались особым отношением со стороны общества. Согласно традиции, после их смерти внутри могильной оградки ставили столб. По представлениям заболотных татар, он служил защитным знаком, оберегавшим могилу от разрушения медведем. В целом, можно сказать, что в почитании медведя у заболотных татар сохранились пережитки многих архаичных элементов ранних форм религии.

Ключевые слова: сибирские татары, тобольское Заболотье, культ медведя, тотемические воззрения, родовые подразделения, медвежья охота, народная медицина, обряды, обычаи, фольклор

Цитирование: Бакиева Г.Т. Культ медведя в народных традициях заболотных татар // Известия УФИЦ РАН. Серия: История. Филология. Культура. 2024. Т. 1. № 2. С. 139–147. DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.2.015>

UDC 398(=512.145)(571.12)

THE CULT OF THE BEAR IN THE FOLK TRADITIONS AND MYTHOLOGY OF THE SWAMPY TATARS

Gulsifa T. Bakieva

Federal State Budgetary Scientific Institution
Scientific Research Institute – Republican
Research Scientific and Consulting Center of Expertise, Moscow, Russia
E-mail: gulsifa-bakieva@yandex.ru

Abstract. The article discusses the beliefs and practices of the Siberian Tatar people related to the worship of the bear. It presents a rich collection of ethnographic materials from remote villages in the Tobolsk region, including fairy tales, legends, epic poems, and oral histories about bear hunting and traditional medicine. Through the analysis of this material, the article reveals a complex range of beliefs about the bear as a revered animal.

© Бакиева Г.Т., 2024.

In the worldview of the Siberian Tatars of various ethnoterritorial groups in the past, there was a veneration of the bear as a totem. This is reflected in the ideas about the origin of individual generic units from the bear – *ayu tugum*. According to beliefs, people belonging to the genus of the bear did not eat bear meat. The reflection of the idea of the bear as a totemic ancestor that can influence the human world was expressed in the fact that various parts of the bear's body served to scare away evil spirits and heal. The swampy Tatars have a plot about the cohabitation of a bear with a woman, which is available to other peoples and represents a special form of manifestation of a totemic cult. Representatives of other tugums could conclude a contract with the bear so that the beast would not touch their kind. Based on the external similarity, the Siberian Tatars believed that the bear originated from a human breed. Hunters specializing in bear hunting enjoyed special treatment from society. According to tradition, after their death, a pillar was placed inside the grave fence. According to the ideas of the swampy Tatars, it served as a protective sign that protected the grave from destruction by a bear. In general, it can be said that in the worship of the bear among the swampy Tatars, remnants of many archaic elements of early forms of religion have been preserved.

Keywords: Siberian Tatars, Tobolsk Swamp, bear cult, totemic beliefs, tribal divisions, bear hunting, folk medicine, rituals, customs, folklore

Citation. Bakieva, G.T., 2024, "The cult of the bear in the folk traditions and mythology of the swampy Tatars", *Proceedings of the UFRC RAS. Series: History. Philology. Culture*, vol. 1, no. 2, pp. 139–147. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.2.002>

Введение

Археологические, фольклорные и этнографические источники свидетельствуют о широкой распространенности культа медведя среди разных народов мира. Он имел обширный ареал, охватывал Скандинавию и Кольский полуостров, Северо-Восточную Европу, всю таежную Сибирь, Амурский край и таежную зону Северной Америки. Следы культа медведя найдены в Швейцарии, а в античную эпоху также во Фракии, в различных странах Малой Азии и в Тавриде [Васильев, 1948. С. 78]. Как отмечает А.Д. Столяр, «из всего многообразия первобытных культов медвежий культ – наиболее важная веха в культурной истории человечества, свидетельствующая «об интеллектуальном выделении человека из природы и становлении в его сознании картины мира» [Столяр, 1971. С. 145].

Почитание медведя широко распространено в традиционном мировоззрении большинства народов Сибири. Культ медведя прослеживается в археологических памятниках региона с эпохи неолита до средневековья и сохраняется вплоть до этнографической действительности [Окладников, 1980. С. 230–238; Соколова, 1995. С. 7–35]. Наиболее подробно изучены культ медведя и так называемый «медвежий праздник» у обских угров – хантов и манси. О них писали Н.Н. Харузин, Б.А. Васильев, В.Н. Чернецов, В.М. Кулемзин, З.П. Соколова, И.Н. Гемуев, Н.А. Гондатти, Т.В. Лукина и др.

У эвенков и других тунгусоязычных народов эта тема наиболее полно отражена в трудах А.Ф. Анисимова, Г.М. Василевич. Среди исследований культа медведя у якутов наибольший интерес представляют работы В.М. Ионова, В.Л. Серошевского, С.К. Колодезникова и др.; у бурят – работы М.Н. Хангалова, И.С. Цыреновой. Верования алтайцев и шорцев, связанные с медведем, освещены в работе Л.П. Потапова; хакасов – В.Я. Бутанаева, В.А. Бурнакова. Почитание медведя у народов Амура и Сахалина описано в работах А.В. Смоляк, Е.А. Крейнович, А.Б. Островского; у кетов – Е.А. Алексеенко. Медвежьему культу у русского старожильческого населения Восточной Сибири посвящены публикации А.М. Поповой, Г.С. Виноградова, Ф.Ф. Болоневой, Ф.Е. Фурсовой, Г.В. Медведевой.

Культ медведя распространен в культуре башкир, ближайшего родственного сибирским татарам тюркоязычного народа. Данной теме посвящены работы А.Ф. Илимбетовой, А.Н. Киреева, В.Г. Котова, М.Н. Сулеймановой.

Культ медведя у сибирских татар также освещался в этнографической литературе. В научных исследованиях И.И. Авдеева и И.П. Струковой [Авдеев, Струкова, 1937. С. 25], В.В. Храмовой [Храмова, 1956. С. 484], Ф.Т. Валеева [Валеев, 1976. С. 247] содержатся сведения об использовании медвежьих клыков и когтей в качестве амулетов от злых сил. Н.А. Томилов в одной из своих работ отмечает бытование у «заболотных» татар традиции выращивать на мясо медвежат и о поклонении убитому медведю [Томилов, 1993. С. 78, 81]. О некоторых особенностях почитания медведя у барабинских татар написано в работах А.Г. Селезнева [Селезнев, 1991; 1994]. Интересные факты, связанные с культом медведя у заболотных татар, в частности, о том, что у них имеется род медведя (*аю тухум*), который произошел от связи девушки с медведем, отметил Г.И. Еремин. Он также описал обычай «побратимства» с медведем [Еремин, 1972. С. 438].

Наиболее информативной является статья И.В. Белича, в которой автор рассматривает у заболотных татар обрядовые действия и церемонии, связанные с убитым на охоте медведем. Некоторые обряды И.В. Белич относит к элементам медвежьего праздника, которые, по его мнению, генетически восходят к евразийскому и отчасти к амуро-сахалинскому типам ритуального комплекса [Белич, 1999. С. 86–90].

Между тем краткий обзор этнографической литературы по культу медведя у сибирских татар показывает, что истоки особого отношения к медведю у сибирских татар не получили должного освещения и на сегодняшний день мало изучены.

В данной статье на основе полевых материалов автора, собранных у заболотных татар в 2000–2001 и 2020–2022 гг., рассматриваются представления, верования и обряды, связанные с медвежьим культом. Материалом для исследования стали фольклорные повествования различной жанровой принадлежности: сказки, легенды, предания, былички, устные рассказы об охоте и народной медицине.

В мировоззрении сибирских татар в прошлом бытовало почитание медведя как тотемного животного. Это нашло отражение в представлениях о происхождении отдельных родовых подразделений от медведя (сиб. тат. *айу туғум*, *бабай туғум*). Исследователи фиксировали наличие медвежьих родов у тобольских, курдакско-саргатских, ясколбинских и барабинских татар [Белич, 1989. С. 137; Еремин, 1972. С. 425; Селезнев, 1991. С. 135].

По нашим данным, родовые подразделения *айу туғум* имеются также в селах Большой Карагай и Бегитино Вагайского р-на, д. Уки Тобольского р-на, д. Ново-Атьялово Ялutorовского р-на [Бакиева, Квашнин, 2003. С. 86].

В исследованиях И.В. Белича отмечены представители нескольких фамилий в разных аулах Тобольского Заболотья, относящиеся к роду медведя: Абайдуллины, Кучумовы (с. Лайтамак), Янгучины (с. Ачиры), Хабибуллины, Садыковы (д. Иземеть), Кучумовы (д. Махли) [Белич, 1999. С. 87].

По нашим материалам, в с. Ачиры к роду медведя относили себя Нуминовы, Камалетдиновы, Мусины. При составлении генеалогических описаний этих фамилий выяснилось, что все они происходят от одного предка [Бакиева, Квашнин, 2002. С. 403; Бакиева, Квашнин, 2003. С. 87]. В д. Янгутум к *айу туғум* со стороны бабушки относит себя Г.А. Хамрава. В д. Иземеть к роду медведя относились представители двух групп семей. Первая включала фамилии Юнусовых, Садыковых, Хамзиных, Шугуровых. Изучая родословные этих фамилий, нам удалось установить, что все они находятся в родстве между собой. Вторая группа семей включала представителей двух фамилий – Турышевых и Аллагуловых, которые также родственны между собой.

Приведем отрывок из рассказа Х.А. Кульмаметьевой, уроженки д. Иземеть:

Инәм йахтан та пес айу тогом, ата йахтан та айу тогом. Карим олатам тоже Ләңченең пулган, инәмнең олатасы пулаты инте. Әмин олатам тоже Ләңченең пулган, Хафият Аллагуловның олатасы, минең олатам пер тоуганнар алар. Пран кругом тоуган пес.

Перевод:

Со стороны мамы мы медвежий род и со стороны отца тоже. Мой дедушка Карим был из Иземети, он дедушка моей мамы. Дедушка Амин тоже был из Иземети, дедушка Хафията Аллагулова и мой дедушка – родные братья. Мы кругом все родня.

Отношение к медведю как к мифическому первопредку отражено в фольклоре заболотных татар. В д. Вармахли удалось записать сказку, которая повествует о сожительстве девушки с медведем. Приведем эту сказку полностью (инф. Ф.Х. Тимергалеева):

Пер пицәнең икке кысы пулган. Перәүнең исеме Тукмах, икенчесенең – Әселцәх. Пер вахыт инәсе кысларын йылгага сыу алгалы ивәргән. Йылга султан йырагырак пулган имеш. Йылгата пылар тартышып-этешеп китхәннәр. Әселцәх тайышыф, сыуга төшөф китхән тә, цумкан. Айу авышка төгө кыртан күреп торган. Тукмах инәсенә сыхтаф, йөгөргән. Инәсе пелән йылгага төшхәннәр. Инәсе сыктайт йән: «Өстөңтәге күлмәгеңне кемнәр кейәр, Әселцәх?». Әселцәх сыутан тауыш пирәт йән: «Тукмах кейәр, инәкәү». Инәсе тагын сыуга карап сурайт йән: «Йаулыгыңны кемнәр пәйләр, Әселцәх?» Сыутан тауыш: «Тукмах пәйләр, инәкәү».

Пылар сыхтаф-сыхтаф, өйләренә цыгыф китәтләр йән. Айу авышка ул йергә, кайта кыс цумкан, парат та, айтәт йән: «Өстөңтәге күлмәгеңне кемнәр кейәр, Әселцәх?». Әселцәх сыутан айтәт йән: «Тукмах кейәр, авышха». Айу авышха тагын сурайт йән: «Йаулыгыңны кемнәр пәйләр, Әселцәх?» Әселцәх сыутан күренеф, айтәт: «Тукмах пәйләр, авышха». Өцөнцөгә Әселцәхнең сыутан пашы күренкәнәтә, айу авышха сүрәф алат йән кысны. Сүрәф алыф, Әселцәхне өйөнә алыф китәт.

Алар пергә йәшәф китәтләр, паллары тыуаты. Аңа исем пирәтләр – Кармыш. Ницәмә йыллар үтеф китәт. Пер вахыт Әселцәх айу авышхасына айтәт: «Мин туғаннарга сагынтым, палам пелән песне пушат. Осакка түгел, күрешеп, кире киләвес», – тигән. Айу авышха күнкән. Агацтан тәртнә йасаган та, паласын аңа утысхан. Туғаннарына аулга инәле-палалы китеф калганнар. Кән вахыт үтмәгән, пер саман агырыу тауыш: «Айу авышханы үлтергәннәр, айу авышханы үлтергәннәр!» Әселцәх өйөннән

йөгөрөф цыхкан та, айу йанына, йертэ йатхан, парган. Үсенең авышхасын танып, агырыф сыхтаф пәргән.

Перевод:

У одной женщины было две дочери. Одну звали Тукмак, другую – Асельцак. Как-то мать послала их на реку за водой. Река находилась далеко от деревни. Стали они друг друга толкать, Асельцак упала в воду и утонула. Заплакала Тукмак, побежала к матери, рассказала о том, что случилось. Пришли они с матерью к реке. Мать плачет и приговаривает: «Кто теперь будет твоё платье носить, Асельцак?» А из воды голос: «Тукмак будет мое платье носить, мама». Мать опять: «Кто теперь твой платок будет носить?» Из воды голос Асельцак: «Тукмак будет мой платок носить, мама». Дядюшка медведь подошел к тому месту, где упала девушка и тоже стал приговаривать: «Кто теперь будет твоё платье носить, Асельцак?» А из воды голос: «Тукмак будет мое платье носить, дядюшка». Медведь опять: «Кто теперь твой платок будет носить?» Из воды голос Асельцак: «Тукмак будет мой платок носить, дядюшка». В это время девушка показалась из воды. Медведь вытянул ее из воды и унес к себе домой. Стали они вместе жить. Вскоре родился у них сын – Кармыш. Прошло несколько лет. Как-то Асельцак говорит Медведю: «Я соскучилась по родным, отпусти нас с сыном домой. Побудем немного, увидимся с родными и обратно вернемся». Медведь согласился. Сделал санки для сына. Асельцак посадила сына на санки, и отправились они в деревню к родне. Прошло немного времени после того, как Асельцак с сыном пришли в деревню. Однажды они услышали на улице крики: «Медведя убили, медведя убили!» Выбежала Асельцак из дома, видит, лежит мертвый медведь. Узнала своего мужа Асельцак, запричитала, заплакала она горькими слезами.

Сюжет о сожительство медведя с женщиной зафиксирован у многих народов и представляет собой особую форму проявления тотемического культа. Заболотные татары свое родство с медведем выводят из предания, согласно которому кто-то из их бабушек или прабабушек вскормил грудью медвежонка.

О том, как бабушка нашей информантки Х.А. Кульмаматьевой 1940 г.р. вскормила медвежат, приведем рассказ ниже:

Өннәмнең исеме Пасила ите. Өнә ул Пасила өннәм, инәмнең инәсе, айу паланы та имесхән. Кайтан килгән охотникларны тә пеләтләр ит. Өнөтә атхан инәләрен, иккә айу пала йетем калган. Аларны ошлаганнар та алып кайтханнар. Анхайтыф парышын каты сыхтайтлар йән, каты агырайтлар йән. Имесхәле палалы пицәләрне эстәгәннәр. Палалы пицәләрне перәйентә иммәгәннәр. Өннәм аларны шиех алтына, өйнөң эценә пушатхансың, әле айу паллар өннәмнең алтына үсләре утырыф куйганнар. Аны ницек имесхәле, алар йыртып имәте куй, аның тырнах куй. Анасын брезент, иккә тишех тишхәннәр эммага, ул иккә тишехтә эммань күрсәтеп, айу палларны алай имесхәннәр. Айу пала инте йыртыф имхәннәр, айу паллар сыхтаф килеф имхәннәр. Имхән цахта каты сыхтайтлар йәнте. Өннәмнең көләкләре пөтөннәй күс йәш пулган. Өннәм әйтеп имескән имеш, туыгына утысхан цахта, йете пуынымаца, теймәрсес, тип.

Перевод:

Мою бабушку Фасиля звали. Вот она, мать моей мамы, кормила медвежонка. Раньше даже знали, откуда охотники пришли. В берлоге убили медведицу, два медвежонка сиротами остались. Их поймали и домой унесли. Когда их несли, они очень громко плакали, громко кричали. Искали женщин, которые грудью кормили. Но медвежата не хотели прикладываться к груди ни к одной из кормящих женщин. Моя бабушка впустила их к себе во двор, дом. И эти медвежата сами на колени к бабушке сели. Но как их кормить, они же когтями царапаются, когда грудь сосут. Поэтому взяли брезентовое полотно, прорезали дырочки для сосков, вот так кормила наша бабушка этих медвежат. Медвежата, когда сосали молоко, плакали сильно. У моей бабушки все платье было мокрым от их слез. И бабушка, когда кормила медвежат, якобы сказала им, чтобы они до седьмого колена не трогали ее потомков.

Информанты отмечали, что действительно, тот «договор», который был заключен между женщиной и вскормленным ею медведем о том, что зверь не тронет их род, в дальнейшем всегда соблюдался. Со слов Г.А. Хамраевой, несмотря на то, что ей и другим ее родственникам, которые ведут свое происхождение из медвежьего рода, приходилось не раз видеть в лесу медведей, не было ни одного случая нападения зверя на них. От своей бабушки она слышала, что при внезапной встрече с медведем женщине необходимо оголить грудь, чтобы медведь понял, что перед ним его родственник, которого нельзя трогать.

По сведениям наших информантов, медвежат, которых приносили из леса, какое-то время содержали в семье кормилицы, а потом отпускали на волю. Интересное дополнение к данному факту дается в статье Г.И. Еремина. Он пишет, что когда «медвежонка выпускали в лес, ему на шею привязывали голубую ленточку, которая выполняла функцию оберега “от дурного глаза” и служила опознавательным знаком, чтобы охотник случайно не подстрелил его». Такое явное «обнажение» тотемной сущности медведя, как «кормление» его грудью, «усыновление» всем родом, встречается у кетов Енисея и у нивхов Амура [Еремин, 1972. С. 438–439].

У заболотных татар было широко распространено поверье, что люди, относившиеся к роду медведя, не употребляли в пищу медвежьего мяса. По их представлениям, нарушить данный запрет можно только в исключительных случаях. Как рассказала Х.А. Кульмаметьева 1940 г.р., она однажды нарушила табу:

Менә песнеңке тогом ицкақан айу ит имәгән имеш. Мин менә нә Чулпаныма корсахлы цахта, күрше өң айу атыф килгән ите. Кереп парам аларга, оло касанта айу ит пешереп куйганнар касаныхта. Ул хәтәрле ит йыс урамка цыхкан! Ул өйнөн эәсе Хосникамал апайым, мәрғум кеше: «Ашағың килсә, пер кисәк алып аша», – тите. Кысың, тите, сәгип тоумасың. Көчхөнә пармак паиш кисәх, кисеф алыф, пер цәйнәм цәйнәтем. Кешенең ашағысы килгән нимәне ашамасаң, пала сәгип тоуаты имеш. Аны пелеф куйған.

Перевод:

Вот из нашего тугума, оказывается, никогда медвежатину не ели. Когда я была беременной моей Чулпан, сосед трех медведей подстрелил. Вхожу к ним, а у них в большом казане медвежатина сваренная. На улице такой запах сильный от мяса! Хозяйка этого дома, Хосникамал-апай, покойная уже, говорит: «Если хочешь, возьми и съешь кусочек, ребенок чтоб не родился с изъяном». Я отрезала маленький кусочек, съела его. Говорят, если женщина не поест того, что она захотела, то ребенок с физическим изъяном родится.

Представителям рода медведя нельзя было охотиться на этого зверя. Существует поверье о том, что на медведя не охотились и представители других родов, которые якобы когда-то заключили «договор» с медведем. Одно из таких преданий мы записали от уроженца д. Вармахли З.С. Талипова:

Песнең төп-олаталарым охотниклар пулганнар. Алар айу та атышханнар. Абусагит олатам соңкы та айуга парганта, аңа йөс йәш пулған. Иккә паласы аның пулған. Аларга әйтхән: «Мин менә өнө таптым, мин алтарах китерем цаңкы та, сес иртәгә китерсес, соңырак парырсыс». Киткән ул. И мылтык осечка пиргән, и айу мыңа атылған. Паллары йетеп калған. Имеш олатама айу колагына шәпшаған: «Мин сине тере калтырам, син минең туганнарымны кән үлтерсәң тә, мин сине тере калтырам. Мине кәсер үлтерерләр, мин аны пеләм. Но мынан айуга теймәсеннәр. Сес песхә теймәсәгес, пес сесхә теймәйвес. Анасын песнең алай китте поколениялар: кем песнең тогомнан үлтерәте айуны, ул кырык йәштән артык йәшә алмайте, үлеп утырат.

Перевод:

Наши прадеды были охотниками. Они и на медведей охотились. Деду Абусагиту, когда он в последний раз на медведя пошел, было сто лет. У него два сына было. Он им сказал: «Я берлогу нашел, я раньше вас пойду на лыжах, а вы завтра подойдете». Пошел. Но ружье осечку дало, и медведь набросился на него. Сыновья еле успели. Как будто медведь деду в ухо сказал: «Я тебя оставляю живым, хотя ты моих родственников много убил. Меня убьете, я это знаю. Но впредь вы нас не трогайте, и мы вас не будем трогать». После этого так и пошло в нашем роду: кто из нашего рода убивает медведя, тот дольше сорока лет не живет, умирает.

Поверье заболотных татар о том, что медведь происхождением из человеческой породы, основывается на внешнем сходстве. Действительно, если снять с него шкуру, голову отрубить, то медведь на мужчину похож, а медведица – на женщину [Белич, 1999. С. 87].

Сходство человека и медведя, по поверьям заболотных татар, проявлялось и в умственных способностях этого животного; считается, что медведи понимают речь человека, они обладают хитростью, могут предвосхищать действия человека, мстительны. О способностях медведя встречаются такие высказывания:

Айу имеш кешенең уйын пеләте имеш, айуга мылтык әсерләп цыхсалар, айу атхалы китәт кеше, әнә аны та пеләте имеш, ул вахытта ул тырнахларын әсерләп куйат имеш.

Перевод: *Говорят, медведь обладает способностью читать мысли человека, когда человек готовит ружье против него, медведь заранее об этом знает, он заранее подготавливает свои когти.*

Или: *Айу, әйтәтегеннәр пескә картлар, айу пөтөн нәрсәне эшетеп утыраты. Пөтөн кыймылтавысны, уйларывысны, нийәтләревесне, ул пөтөн нимә пелеп утыраты... Пулған случайлар, махтанып цыгып киткәннәр, мин айуны пелай кылам, ике айу пулса, пылай кылырым, тип. Но анасын ул, айу, аларны точно алай ук кылған.*

Перевод:

Нам старики говорили, что медведь все слышит. Все наши движения, мысли, намерения он знает наперед. Были такие случаи, когда люди хвастались, что с медведем они так-то и так-то поступят. Но затем случалось все наоборот, медведь с ними так обходился.

Более подробно об умственных способностях медведя, о его действиях в отношении человека рассказал З.С. Талипов 1964 г.р.:

Айу нападат кылат, если кеше, айуның йаратмайтыгын нәрсәсе, как и кешенеңке, паиштак кешене йаратмайты ул, септехне йарайтмайт. Например, мин күлтә йәшәйем. Мин палых үтләйем. Палых үтләтем тә, мин үсемнән суң алып таишамасам, айу киләт. Ул обязательно, остатокларны ашагалы

киләте ул. Килгән цагынта, ул еше сиңә тә йәне көйә паилайты, ник син алай кыйлантың, сиңең асықларның ул имәсәтә, ул кутарып таилайты. Сиңең бураның пар йәнте, ул пеләте аныңқы кайсы йагына сыйан қылгалы. Бензин бакны йыртып таилайты, кеше бензинсыс ицкалай киталмайты. Антай случайлар кән. Особенно суңқы йыллар. Мин үсемнең палларыма әйтәтеген, пер күс шикалад қағасны қалтырсағыс, айу аны пиши цағырым расстояниятан тойат йысын. Ул мынта киләт, как будто анта ашамных тип уйлап киләт, килсә мынта қағас қына йатат. Йысын ул тойаты куй. Ул йәне көйәт. Пиши цағырым расстоянияны, сасны йөсөп қызаты. Анасын ул сескә мститть қылат. Как ул мститть қылат? Ул сеснең йулығыста, ул отследит сесне, нимә сес эшләйсес, питлә салсағыс, ул питләне қырға кутарып таилайты ул, қырға сүрәп таилайты, йыртып таилайты пөтөннәй. Пуранығыс пулса, пуранығысны та, цийә қапқықларығысны пулса, аларны, косок қапқықларығысны йыртып таилайты, таратып таилайты. Ул кеиләртән паилырак и мстительныйрак.

Перевод:

Медведь нападает, если человек делает то, что не нравится ему. Он не любит неаккуратных людей, грязь. Например, я на озере нахожусь. Чищу, обрабатываю рыбу. Если я за собой не убираю, то медведь придет. Он обязательно придет есть остатки. Когда он идет, он уже начинает злиться, зачем ты так сделал. Если он твою еду и не будет есть, но все разворошит. Если у тебя «Буран» (снегоход), то он знает, как навредить. Бензиновый бак раздерет, человек никуда не сможет поехать без бензина. Таких случаев много. Особенно в последние годы. Я своим сыновьям говорил, если вы оставите обертку от шоколада, то медведь за пять километров чувствует запах. Он сюда придет, думая, что здесь еда есть, приходит, а здесь только обертка лежит, запах ведь он чувствует. Он начинает злиться. Он же пять километров по болоту сюда идет. И он начинает мстить вам. Как он мстит? Он идет по вашим следам. Если вы фитили ставите, он их вытаскивает и на берег выбрасывает, рвет их. Если «Буран», то и «Буран», если мешки с ягодами, мешки с шишками – все это медведь разорвет и то, что внутри них, разбрасывает. Он умнее людей и мстительнее.

Сакральность медведя у заболотных татар проявляется в запрете произносить слово *айу* ‘медведь’. Повсеместно у заболотных татар по отношению к нему используются термины «*пабай*, *бабай*» – дядя и «*авышка*» – старик. По мнению И.В. Белича, «в данном речевом этикете, сходным с “обычаем избегания”, актуализировались не столько статус старшего “родственника” человека, сколько нормы диалога с обитателем “иного” мира, встреча с которым была опасна и нежелательна» [Белич, 1999. С. 87].

О том, что для заболотных татар медведь – священное животное, свидетельствует тот факт, что в прошлом у заболотных татар клятва осуществлялась на медвежьем черепе (Х.А. Кульмаметьева, д. Иземеть). По материалам И.В. Белича, процедура клятвы над черепом медведя происходила следующим образом: подозреваемый в совершении преступления должен был принародно разорвать череп топором или ножом и отрицать свою вину, апеллируя к медведю, и произносил такие слова: «Я не крал. Если я украл, то пусть мне медведь голову оторвет» [Белич, 1999. С. 89]. В настоящее время в Заболотье, хотя уже и без черепа, мужчины продолжают использовать аналогичную формулу клятвы – «*Тәскә цыксам – айу пашымны йыртсын*» (перевод: «Когда в лес пойду, пусть медведь мою голову раздерет»).

Отражение представления о медведе как о тотемном предке, который может оказывать влияние на мир людей, выражалось в том, что различные части тела медведя служили для отпугивания злых духов, лечения и т.п. Для отпугивания нечистой силы, в особенности от младенцев, заболотные татары использовали когти медведя (сиб. тат. *тырнахлар*), зубы (сиб. тат. *асыу тешлар*), которые вешали на люльку (сиб. тат. *цәңкелцәх*). Для лечения бронхита, изнурительного кашля, при болезни горла использовалась желчь (сиб. тат. *үт*). При болезни горла брали небольшой кусочек желчи, клали его в воду, чтобы из нее вышла горечь, и давали пить больному. При кашле также мазали желчью шею и грудь. В лечении туберкулеза использовался жир с лапы медведя.

Культурная значимость медведя у заболотных татар ярко проявляется в рассказах об охоте на медведя. Почти в каждой деревне Заболотья нам приходилось слышать семейные истории о том, что в их роду были предки, которые «ходили» на медведя, о том, что на их счету десятки убитых медведей. Например, наша информант из д. Янгутум сообщила, что ее предок Махмут убил 60 медведей. На медведя ходил и другой ее прадед Тусмухамет (инф. Г.А. Хамраева, д. Янгутум). В д. Топкинбашево охотником на медведя был предок Г.М. Янабаевой, родной брат ее бабушки. Во время нашей первой поездки в Заболотье в 2001 г. в с. Ачиры нам удалось побеседовать с охотником Шарифуллой Турышевым, который за свою жизнь убил больше 40 медведей.

Охотники, специализирующиеся на охоте на медведя, пользовались особым отношением со стороны общества. Согласно традиции, после их смерти внутри могильной оградки ставили столб (сиб. тат. *пагана*). По представлениям заболотных татар, этот столб служил также защитным знаком, оберегавшим могилу от медведя. Считалось, что без этого опознавательного знака медведь может разрушить могилу охотника. Вместе с тем нами получена информация о том, что в случае, если охотник убил за свою жизнь

очень много медведей (например, больше ста), тогда столб внутри могилы не остановит медведя, и он раскопает могилу и съест покойного.

В д. Янгутум мы записали легенду, в которой отражены некоторые древние представления о медведе (инф. Г.А. Хамраева):

Пы хэл күптэ пулган. Песнең мыннан аултан өң цагырым уйахка карағайта порнагы сиратывыс пар. Ул порнагы сиратта песнең йахшылар йататлар. Менэ мынта сират утырат аул йанывыстагына. Сират элех өң цагырым уйахта пулган. Ауылга йагын күммэгәннәр, йарамаган. Пер павай йәшэгән мынта. Ул павай көңлө пулган. Мынта уй сираттан тура пулган, менэ мынта түмән төшөф китхән, сираттан анта аның кырасы пулган. Пескә кырларны пүлеф виргәннәр. Элех кешләргә. Ул павай тың пулган. Ул айуны палта төңтә пән үлтергән, сугыф. Мылтых пулмаган, палта төңтә пән сукхан. Мынта айу кән пулган. Суга сүрәтәтегән йерентә, павай айуны үлтерәт тә, пашын цәнцмә ваиларга элтерәф хуйат йән. Пы айулар үләнкәннәр. Пы павайның хәле пөтхәц, палларына, алтты ма йете мә паласы пулган, накас вирәт йән, – Мине, карағайга аппарыф, күмең. Павай миңә үңле, – тите йән. Йете көн мине көтөрсөс. Павай килеф, мине касыф ашаф китмәсең. Менэ мынта карағайтан цыхкац, сират менэ мынтагына, уйга тотошат. Пы арата кенә күмең, – тите йән. Паллары цәрәт пелән көтхән. Килмәйте йән павай. Аннан суң, йете көн үтхәннән суң, паллары сахлаф көтмәй паишлаганнар. Паллар көтмәй паишлагансың, улух көн павай касыф алыф, павайның пашын уйакка цыгарыф, ашаф куйган. Аның өңөн, сиратывыс инте мынта пулган. Йакынтагына.

Перевод:

Это произошло давно. От деревни нашей в трех километрах, там, где растут сосны, есть старинное кладбище. На этом кладбище наши святые похоронены. И совсем рядом с аулом есть кладбище. Раньше считали, что рядом с аулом нельзя хоронить, вот и хоронили там, в осиннике. Жил один старик в нашем селе. У него была своя пашня. В давние времена людям участок земли давали, там они хлеб сеяли. Его пашня была в низине, за нынешним кладбищем. Сильный был этот старик, обухом топора мог медведя убить. Ружья не было, убивал обухом топора. В этих местах раньше много медведей было. В том месте, где сохой боронил землю, старик убивал медведей, а их головы насаживал на острогу. Медведи затаили злобу на этого старика. Старик с годами постарел, силы стали покидать его. У него было шесть или семь сыновей. Вот он им дает наказ: «Похороните меня не в осиннике, где кладбище, а близко к деревне. Старик-медведь на меня в обиде. Как похороните меня, по очереди выходите сторожить мою могилу, чтоб медведь не раскопал меня». Умер старик. Похоронили его там, где указал отец, рядом с деревней. Сыновья по очереди семь дней выходили караулить могилу отца. Медведь не пришел. Но только сыновья старика перестали приходить на могилу, явился медведь, выкопал его и съел. Вот с того старика началось нынешнее кладбище.

О том, что местное кладбище находится около селения, нам удалось убедиться во время поездки в д. Янгутум.

Рассмотрим комплекс действий, связанных с охотой на медведя и ритуалами с убитым медведем. Как свидетельствует собранный нами материал, заболотные татары в основном практиковали «берложную» охоту на медведя. Обнаружив берлогу (сиб. тат. *өнө*), охотники (от 3 до 5 человек), взяв ружья (сиб. тат. *пасма мылтых, цахтырма мылтых*), отправлялись засветло в лес. На охоту брали обычно собаку, которая и открывала отдушину в берлоге (сиб. тат. *тыгыңцых*). Медведя сначала будили. Самый опытный охотник подходил к самой берлоге и становился так, чтобы иметь возможность сразу выстрелить в зверя, едва тот покажется. Старались с первого выстрела попасть в голову или сердце, иначе разъяренный медведь становился крайне опасным и сам мог расправиться с охотниками.

Возвращаясь с добычей к селению, примерно за 300–500 м, охотники начинали стрелять из ружей. Для жителей аула это было знаком, что «медвежья голова идет» (сиб. тат. *айу паиш киләт*). В ответ начинали стрелять из ружей мужчины села. Одновременно из домов выходили все остальные жители – и женщины, и старики, и дети. Из рассказа Г.А. Хамраевой (д. Янгутум):

Охотниклар айу атсалар, аулга йетмәй мылтых атышып паишлайтлар. Кеше уйлап куйат, айу паиш киләт, пелеф куйат. Кешләр специально мылтыкка, ук салмайтлар, тәре, порох пелән зарядыт итәтләр тә, порох пелән ататлар. Йугарга карап, мылтых атаваишлаганнар. Аулга йетмәй, мылтых атып паишлаганнар. Аларга каршы анасын пөтөн аул калыхта, кем мылтыхлы ир кеше пар, пөтөн ир кеше отора йөгөрөп цыгатлар. Аулта топ тә топ әргем. Йоклап йаткан йеревестә пала-чагы пелән йылга пуйга йөгөрәтләр. Йылгага, аны встречать итеп, мылтых атышып йөгөрәтләр. Пөтөн калых, пөтөн пала-чага, көчкөнә палларны күтәрәп әргем йылга пуйга тороп куйатлар. Встречать итәвәс пабайны. Төн пулса ма төн, караңкы ма нимә мә, кешләр фонарь йактырып цыгатлар.

Перевод:

Не доходя до деревни, охотники начинают стрелять. Люди сразу думают, что «голова медведя идет». Люди ружье порохом заряжают, не пулями. Стреляют вверх. А им навстречу потом все мужчины, у кого есть ружья, тоже в ответ начинают стрелять и бегут навстречу охотникам. В

деревне только и слышна в это время стрельба. Люди просыпаются и вместе с детьми (маленьких детей держат на руках) бегут на берег. И все там выстраиваются, все медведя встречаем. Ночь-полночь, кто с фонарями идет.

Затем начинался следующий этап обрядовых действий. Войдя в селение, охотники останавливались, укладывали убитого медведя на деревянный помост. К нему начинали подходить жители аула. Из рассказа Г.А. Хамраевой:

Кеше парып күрешәтләр. Пабайны төсәтәп салатлар, пешем май, сыйыр майны, цынайак тавага апарып, анасын пабайның пашына йагыу. Күршәсен, пылай пашыңны йышасың та, әйтәсең: «Пабай, пес кәйепле түгел, киңер песне. Песнең калыгывысны киңер, песнең ирләревескә, палларывыска, аталарывыска теймә, пес сине йаратавыс, көрмәтләйвес, сес пескә теймә». Үсем тә йөрөгән мин. Үсем тә кашымны йышып йөрөгән. Анасын ул майны калтырып куйатлар атхан кешегә, майны кисеп спайы итеп салатлар.

Перевод:

Люди идут посмотреть на него. Медведя выправляют. Из дома приносят масло сливочное на блюдечке. Затем каждый подходит к медведю и слегка смазывает маслом его голову. Наклоняясь к голове зверя, прикасаются лбом и говорят: «Мы не виноваты, прости нас. Народ наш прости. Не трогай наших мужей, отцов, детей. Мы тебя любим, уважаем». Я и сама так делала, смазывала лоб медведю. Оставшееся масло оставляли охотнику, который убил медведя.

По сведениям И.В. Белича, аналогичный ритуал проводился в доме охотника во время трапезы. Происходило это следующим образом: к лежащему на полу убитому медведю подходили по одному представителю от каждой семьи селения и смазывали ему морду сметаной или сливочным маслом, обращаясь к нему с такими словами: «Здравствуй, дедушка. Вот тебе, дедушка, я принес угощение. Ты никого из моих не трогай, если встретишь. Коров наших не трогай, если увидишь» [Белич, 1999. С. 89].

На следующее утро снимали шкуру с убитого животного и разделяли мясо на части, раздавая его всем желающим. Отдельно делили медвежье сало. Голову медведя насаживали на кол, шкуру медведя сушили прибитой к внешней стороне жилища. После того, как она полностью высохнет, убирали на чердак или в амбар.

Эти обрядовые действия и ритуалы заболотных татар, связанные со встречей с убитым медведем, имеют параллели с медвежьим праздником у других народов – башкир, обских угров, кетов, эвенков и др. Возможно, в прошлом у заболотных татар медвежий праздник включал более широкий круг ритуалов и был более продолжительным по времени.

Таким образом, анализ устных повествований о медведе, бытовавших у сибирских татар Заболотья, обнаруживает сложный комплекс представлений о нем как о священном животном, в совокупности определяемый как «культ медведя». В почитании медведя у заболотных татар сохранились пережитки многих архаичных элементов ранних форм религии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдеев И.И., Струкова И.П.* Тобольские и тюменские татары (историко-этнографический очерк) // Омская область. 1937. № 4. С. 66–73.
- Бакиева Г.Т., Квашинин Ю.Н.* К вопросу о тугумах у «заболотных» татар // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: Изд. ОмГПУ, 2002. С. 402–404.
- Бакиева Г.Т., Квашинин Ю.Н.* Тугумы у некоторых групп сибирских татар (Тобольский, Вагайский, Ялуторовский районы Тюменской обл.) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Вып. 4. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2003. С. 85–87.
- Белич И.В.* Природа в доисламских верованиях сибирских татар // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: НГПИ, 1989. С. 133–140.
- Белич И.В.* К культу медведя у сибирских татар // Обские угры: Материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: Изд. ОмГПУ, 1999. С. 86–90.
- Валеев Ф.Т.* Обереги как пережиток доисламских верований у сибирских татар // Из истории Сибири. Вып. XIX. Западносибирский сборник. Томск: ТГУ, 1976. С. 244–249.
- Васильев Б.А.* Медвежий праздник // Советская этнография. 1948. № 4. С. 78–104.
- Еремин Г.И.* Доисламские верования «заболотных» татар Западной Сибири (к вопросу об этногенезе) // Вопросы истории СССР. М.: МГУ, 1972. С. 409–439.
- Окладников А.П.* Петроглифы Горного Алтая. Новосибирск: Наука, 1980. 140 с.
- Селезнев А.Г.* К проблеме тугума сибирских татар (на материале барабинцев) // Проблемы антропологии и исторической этнографии Западной Сибири / Отв. ред. Н.А. Томилов. Омск: ОмГУ, 1991. С. 133–145.
- Селезнев А.Г.* Барабинские татары: истоки этноса и культуры. Новосибирск: Наука, 1994. 176 с.

- Соколова З.П. Общее и особенное в религии народов Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Традиционные ритуалы и верования. Ч. 1. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1995. С. 7–35.
- Столяр А.Д. «Натуральное творчество» неандертальца как основа генезиса искусства // Первобытное искусство / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1971. С. 118–164.
- Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). Томск: ТГУ, 1993. 217 с.
- Храмова В.В. Западносибирские татары // Народы Сибири / Под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М., Л.: Изд. АН СССР, 1956. С. 473–491.

REFERENCES

- Avdeev, I.I., Strukova, I.P. 1937, “Tobolsk and Tyumen Tatars (historical and ethnographic essay)”, *Omskaya oblast’* (“Omsk region”), vol. 4, pp. 66–73. (In Russ.)
- Bakieva, G.T., Kvashnin, Yu.N. 2002, “On the issue of tugums among the “swampy” Tatars”, *Tyurkskie narody: Materialy V Sibirskogo simpoziuma «Kul’turnoe nasledie narodov Zapadnoj Sibiri»* (“Turkic peoples. Materials of the V Siberian symposium “Cultural heritage of the peoples of Western Siberia”), Izd. OmGPU, Tobolsk-Omsk, pp. 402–404. (In Russ.)
- Bakieva, G.T., Kvashnin, Yu.N. 2003, “Tugums among some groups of Siberian Tatars (Tobolsk, Vagai, Yalutorovsk districts of the Tyumen region)”, *Problemy vzaimodejstviya cheloveka i prirodnoj sredy. Vyp. 4* (“Problems of interaction between man and the natural environment. Iss. 4”), IPOS SO RAN, Tyumen, pp. 85–87. (In Russ.)
- Belich, I.V. 1989, “Nature in the pre-Islamic beliefs of the Siberian Tatars”, *Kul’turnye i hozyajstvennye tradicii narodov Zapadnoj Sibiri* (“Cultural and economic traditions of the peoples of Western Siberia”), NGPI, Novosibirsk, pp. 135–138. (In Russ.)
- Belich, I.V. 1999, “To the cult of the bear among the Siberian Tatars”, *Obskie ugry: Materialy II Sibirskogo simpoziuma «Kul’turnoe nasledie narodov Zapadnoj Sibiri»* (“Ob Ugry. Materials of the II Siberian Symposium “Cultural Heritage of the Peoples of Western Siberia”), OmGPU, Tobolsk-Omsk, pp. 86–90. (In Russ.)
- Eremin, G.I. 1972, “Pre-Islamic Beliefs of the “Swampy” Tatars of Western Siberia (On the Question of Ethnogenesis)”, *Voprosy istorii SSSR* (“Questions of the history of the USSR”), MGU, Moscow, pp. 409–439. (In Russ.)
- Khramova, V.V. 1956, “West Siberian Tatars”, *Narody Sibiri* (“Peoples of Siberia”), AN SSSR, Moscow–Leningrad, pp. 473–491. (In Russ.)
- Okladnikov, A.P. 1980, *Petroglyphs of Gorny Altai*. Nauka, Novosibirsk, 140 p. (In Russ.)
- Seleznev, A.G. 1991, “To the problem of the tugum of the Siberian Tatars (based on the material of the Barabians)”, *Problemy antropologii i istoricheskoy etnografii Zapadnoj Sibiri* (“Problems of Anthropology and Historical Ethnography of Western Siberia”), OmGU, Omsk, pp. 133–145. (In Russ.)
- Seleznev, A.G. 1994, *Baraba Tatars: origins of ethnos and culture*. Nauka, Novosibirsk, 176 p. (In Russ.)
- Sokolova, Z.P. 1995, “General and Special in the Religion of the Peoples of Siberia (late 19th – early 20th century)”, *Tradicionnye ritualy i verovaniya. Ch. 1* (“Traditional rituals and beliefs. P. 1”), Institut etnologii i antropologii, Moscow, 1995, pp. 7–35. (In Russ.)
- Stolyar, A.D. 1971, “Natural creativity” of the Neanderthal as the basis of the genesis of art”, *Pervobytnoe iskusstvo* (“Primitive Art”), Nauka. Sib. otd-nie, Novosibirsk, pp. 118–164. (In Russ.)
- Tomilov, N.A. 1993, *Problems of ethnic history (based on materials from Western Siberia)*. TGU, Tomsk, 217 p. (In Russ.)
- Valeev, F.T. 1976, “Amulets as a relic of pre-Islamic beliefs among the Siberian Tatars”, *Iz istorii Sibiri. Vyp. XIX. Zapadnosibirskij sbornik* (“From the history of Siberia. Iss. XIX. West Siberian collection”), TGU, Tomsk, pp. 244–249. (In Russ.)
- Vasiliev, B.A. 1948, “Bear celebration”, *Soviet ethnography*, vol. 4, pp. 78–104. (In Russ.)

Сведения об авторе

Гульсифа Такиюлловна Бакиева, кандидат исторических наук, ФГБНУ НИИ Республиканский исследовательский научно-консультационный центр экспертизы, Российская Федерация, г. Москва. E-mail: gulsifa-bakieva@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9303-3394

Information About the Author

Gulsifa T. Bakieva, Cand. Sc. (History), Federal State Budgetary Scientific Institution Scientific Research Institute – Republican Research Scientific and Consulting Center of Expertis, the Russian Federation, Moscow. E-mail: gulsifa-bakieva@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9303-3394

ДИАЛЕКТНЫЕ ЧАСТИЦЫ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА: СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ

Мадина Раилевна Валиева

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Уфа, Россия

E-mail: valieva_1979@list.ru

Аннотация. Статья посвящена функционально-семантическому описанию частиц караидельского говора северо-западного диалекта башкирского языка. В качестве примеров были использованы полевые материалы и транскрибированные аудиозаписи автора, собранные во время экспедиций в Караидельском районе Республики Башкортостан в 2022–2023 гг. Целью экспедиций были изучение современного состояния говора и анализ морфологических показателей устной разговорной речи носителей данного ареала. В ходе обработки полевых материалов было выявлено частое употребление в речи информантов различных частиц, которые передают эмоциональное отношение к обсуждаемым событиям, происшествиям, состоянию и действиям того или иного субъекта или объекта. Сравнительно-сопоставительное исследование диалектных форм с частицами литературного (письменного) башкирского языка дало возможность классифицировать их в семантическом аспекте. В разговорной речи специфичные диалектные частицы дополняют значение той или иной лексемы, их основная функция заключается в выражении дополнительного смыслового оттенка слова. По происхождению частицы караидельского говора можно разделить на исконные, восходящие к древнетюркскому состоянию, и заимствованные, которые вошли в башкирский разговорный язык из русского в течение вековых языковых контактов. Помимо этого, в статье рассмотрена история изучения частиц, выявлено, что некоторые диалектные частицы разговорной речи наблюдаются в других тюркских языках (кыпчакских, огузских, карлукских, сибирских и т.п. группах).

Ключевые слова: караидельский говор, башкирский язык, частица, семантика, заимствование.

Цитирование: Валиева М.Р. Диалектные частицы башкирского языка: семантика и функции // Известия УФИЦ РАН. Серия: История. Филология. Культура. 2024. Т. 1. № 2. С. 148–155. DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.2.016>

Благодарности. Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00570-24-01 на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов

DIALECT PARTICLES OF THE BASHKIR LANGUAGE: SEMANTICS AND FUNCTION

Madina R. Valieva

Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

E-mail: valieva_1979@list.ru

Abstract. This article is devoted to the functional-semantic description of particles of the Karaidel subdialect of the northwestern dialect of the Bashkir language. As examples, field materials and transcribed audio recordings of the author, collected during an expedition to the Karaidel region of the Republic of Bashkortostan in 2022, 2023, were used in order to study the current state of dialect and analyze the morphological indicators of speakers' oral speech of this area. During the processing of field materials, the frequent use of various particles

in the speech of informants was revealed, which convey an emotional attitude towards the events, incidents, state and actions of a particular subject or object under discussion. A comparative study of dialect forms with particles of the literary (written) Bashkir language made it possible to classify them in a semantic aspect. Since in colloquial speech specific dialect particles complement the meaning of a particular lexeme and thus their main function is to express an additional semantic connotation of the word. Based on their origin, particles of the Karaidel subdialect can be divided into original ones, dating back to the ancient Turkic state, and borrowed ones, which entered the Bashkir spoken language from the Russian language during centuries-old language contacts. It is noteworthy that some dialect particles of vernacular are observed in other Turkic languages (Kypchak, Oguz, Karluk, Siberian, etc. groups) and are not the literary norm of the Bashkir language. In addition, the article briefly examines the centuries-old history of the study of particles of the Bashkir language. The academic grammatical tradition, dating back to antiquity, considers particles according to the following meanings, which we have supplemented with new dialect materials: 1. Interrogative particles *-мы, -ме, -мо, -мө*. These particles of the Bashkir language are always written together. 2. The restrictive particles *гына, генә, кына, кенә* distinguish this or that object or subject from others and are written separately. 3. Particles of doubt *зар, -зыр, -зер*, conveying uncertain assumptions, inaccuracy regarding an ongoing event, action, phenomenon, object. It should be noted that in the dialects of the northwestern dialect of the Bashkir language, particles of uncertainty and assumptions have only three variants *-зар, -зыр, -зер*, in contrast to the literary 4-variant affixation: *-зар, -зер, -лар, -лер, -дар, -дәр, -тар, -тәр*. 4. The particles of request *-сана, -сәнә, -сы, -се, -со, -сө, әле*, expressing exhortation, appear with verbs in the form of the imperative mood. The first two forms are used very rarely; mainly in dialects, requests are expressed in forms in *, -сы, -се, -со, -сө* and *әле*. 5. Particles of confirmation with a tinge of surprise and annoyance, expressing the emotional state of the speaker: *забаса, зәбәсә, даса, дәсә, даса(уы), дәсә(уы), дабаса, дәбәсә, табаса, тәбәсә, лабаса*. 6. Intensifying particles *ук, үк, иң, нык, за, зә, да, дә, та, тә, ла, лә* enhance the meaning of the information expressed. The constant use of particles with the interdental voiced consonant *за, зә*, conveying additional semantic shades to certain parts of speech, is a specific feature of the Karaidel dialect of the northwestern dialect of the Bashkir language and is observed only in the Bashkir language among other Turkic languages. 7. The next specific function word of this dialect is the affirmative dialect particle *кый, кей* in the meaning 'after all; So; Yes'. So, dialectal data of the Bashkir language can serve as valuable material for comparative historical studies of Turkic languages, since the dialects of the Bashkir language have morphological facts for comparison with the languages of both the Kipchak and Bulgar, Oguz, Karluk and Siberian groups. Moreover, the dialects of the Bashkir language have many features that distinguish this language from other Turkic languages, so dialect materials can be a source of some important data for clarifying a number of questions on the history of the Turkic languages.

Keywords: Karaidel dialect, Bashkir language, particle, semantics, borrowing.

Citation. Valieva, M.R., 2024, "Dialectal particles of the Bashkir language: semantics and function", *Proceedings of the UFRC RAS. Series: History. Philology. Culture*, vol. 1, no. 2, pp. 148–155. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.2.003>

Acknowledgements. This study was carried out within the framework of the state assignment of the UFRC RAS No. 075-00570-24-01 for 2024 and for the planning period of 2025 and 2026

Введение

Диалектные данные башкирского языка могут служить ценным материалом для сравнительно-исторических исследований тюркских языков, так как в диалектах башкирского языка имеются морфологические факты для сравнения с языками как кыпчакской, так и болгарской, огузской, карлукской и сибирской групп. Более того, диалекты башкирского языка имеют много особенностей, выделяющих этот язык из среды остальных тюркских языков, поэтому диалектные материалы могут стать источником некоторых важных данных для выяснения ряда вопросов по истории тюркских языков.

В данной статье рассматривается особая группа служебных слов – частицы – в караидельском говоре северо-западного диалекта башкирского языка (*далее* – СЗДБЯ). В 2022–2023 гг. научными сотрудниками отдела прикладной лингвистики и диалектологии ИИЯЛ УФИЦ РАН были проведены экспедиционные выезды в Караидельский район Республики Башкортостан, автором данной статьи собрано более 500 диалектных текстов у жителей населенных пунктов Караидель, Старый Багазы, Нижние Балмазы, Старый Акбуляк, Новый Акбуляк, Якупово, Халилово, Юлдашево, Шамратово, Сабанкуль, Новый Бердяш, Кантон, Агняш, Караяр, Абдуллино, Кадиси, Мата, Дюртюли, Карыш-Елга, Юрюзань. Основная цель заключалась в сборе живой разговорной речи носителей караидельского говора по специально составленной программе для изучения устного народного языка данного ареала

в фонетико-морфологическом аспекте. В ходе сбора лингвистического материала и расшифровки полевых аудиозаписей выявлено, что в данном говоре имеется ряд фонеморфологических отличий от литературного (письменного) башкирского языка. В этом отношении особо выделяются частицы, которые являются морфологически неизменяемой служебной частью речи и придают словам, словосочетаниям или предложениям дополнительные смысловые или эмоциональные оттенки. Их основная функция заключается в усилении смысла или выделении слова в потоке речи, которые связаны с отношением говорящего к происходящим событиям или явлениям.

История изучения частиц в башкирском языкознании

Первые сведения и научное изучение частиц башкирского языка относятся к началу XX в. Например, в 1903–1904 гг. в Будапеште публикуется работа венгерского ученого Вильмоша Преле «Исследования по башкирскому языку» в журнале «Keleti Szemle» [Pröhle, 1903; 1904], в которой дано общее описание фонетики и морфологии языка башкир, а частицы как служебная часть речи лишь упоминаются. В 1933 г. публикуется учебник А.А. Мансурова «Грамматика. 1 китеп. Морфология: Урта мәктәп өсөн дәреслек», где также даются небольшие сведения о частицах для изучающих морфологию башкирского языка [Мансуров, 1933]. Особое внимание частицам башкирского языка уделено в известном в тюркологии труде Н.К. Дмитриева «Варваризмы в башкирской речи», который был издан в 1930 г. в «Записках коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик» [Дмитриев, 1930]. В этой публикации автор представил большое количество русизмов, собранных из живой разговорной речи зауральских башкир, среди которых содержатся и анализируются значения многочисленных иноязычных частиц.

В 1940–1950-е гг. начинают появляться фундаментальные исследования по грамматике башкирского языка, именно в это время тюрколог Н.К. Дмитриев и его ученики стали интенсивно исследовать проблемы башкирской морфологии и синтаксиса. В 1948 г. издается «Грамматика башкирского языка» Н.К. Дмитриева, в которой представлен теоретически обобщенный научный материал, дается краткая характеристика употребления частиц, выделяются 8 их разновидностей [Дмитриев, 1948. С. 129]. В «Сравнительной грамматике русского и башкирского языков» Р.Н. Терегуловой и К.З. Ахмерова исследуются основные вопросы грамматики башкирского языка, в том числе рассматривается данная служебная часть речи в сопоставительном аспекте с русскими частицами [Терегулова, Ахмеров, 1953]. Помимо этого, в 1960 г. опубликована монографическая работа Б.С. Саяргалиева «Башкорт телендә ярзамсы һүзәр», где представлено описание частиц и других служебных слов башкирского языка [Сәйәргәлиев, 1960].

В 1964 г. в Блумингтоне (США) увидела свет книга известного американского тюрколога Николаса Поппе, посвященная грамматике башкирского языка «Bashkir manual. Descriptive grammar and texts with a Bashkir-English glossary». В этой описательной грамматике частицы башкирского языка классифицируются и в семантическом аспекте подразделяются на 8 разновидностей [Poppe, 1964. С. 59].

В 1960–1970-е годы углубленная разработка основных вопросов морфологии и грамматических категорий подробно излагалась в трудах Дж.Г. Киекбаева, Н.Х. Ишбулатова, М.В. Зайнуллина и многих др., где затронуты также вопросы описания частиц как неотъемлемой части разговорной речи.

В 1980-е гг. издавались многочисленные научные труды по исследованию отдельных вопросов современного состояния морфологии башкирского языка, защищались кандидатские диссертации. Например, по исторической морфологии башкирского языка публикуется книга А.М. Азнабаева и В.Ш. Псянчина (1976), в которой представлено происхождение некоторых частиц. Диалектные частицы рассмотрены также в монографиях Н.Х. Максютковой и С.Ф. Миржановой.

В 1981 г. появляется полное и обобщенное исследование по грамматике башкирского языка под редакцией А.А. Юлдашева, написанное коллективом известных башкирских лингвистов. До сих пор данный труд является одним из образцов обобщения теоретических исследований по башкирскому языку в тюркологии. В этой грамматике более расширенно дается теоретическая характеристика понятия «частица» [Грамматика..., 1981].

В последние годы появились новые диссертационные исследования, посвященные частным вопросам морфологических категорий башкирского языка. Так, в докторской диссертации Х.В. Султанбаевой (2008) изучены семантические особенности частиц и различные подходы к их классификации. Автор считает, что «частицы – служебные слова, придающие отдельным словам, членам предложения или предложению в целом различные смысловые, эмоциональные и модально-экспрессивные оттенки. Особый отличительный признак частиц – их безударность. Они не самостоятельны, не выполняют функции членов предложения. Синтаксические функции частиц – выражение отношения говорящего к содержанию высказывания. Частицы плохо поддаются классификации вследствие многообразия выражаемых ими значений. Нередко одна и та же частица передает разнообразное содержание, и тем она является сложной и многогранной единицей языка и с трудом поддается классификации на основе

традиционных подходов. Частицы в известной мере полисемантичны, значения отличаются друг от друга порой только оттенками, во многом зависят от контекста, речевой ситуации. В современном башкирском литературном языке выделяются следующие основные разряды частиц: 1) модальные; 2) указательные; 3) определительно-уточняющие; 4) вопросительные; 5) ограничительно-выделительные; 6) усилительные; 7) отрицательные [Султанбаева, 2008. С. 40–49]. Описание частиц представлено также в «Грамматике башкирского языка», которая вышла в 2018 г. в 3-х томах. Во втором томе кратко и емко излагается весь грамматический строй башкирского языка, и каждая часть речи анализируется по трем основным критериям (семантический, морфологический, синтаксический) [Грамматика..., 2018]. Таким образом, в башкирском языкознании частицы как служебная часть речи нашли отражение в трудах по морфологии А.М. Азнабаева, М.В. Зайнуллина, Н.Х. Ишбулатова, Дж.Г. Киекбаева, Н.Х. Максютковой, С.Ф. Миржановой, В.Ш. Псянчина, Х.В. Султанбаевой, в грамматиках Н.К. Дмитриева, А.А. Юлдашева, Николаса Поппе, М.Г. Усмановой и в различных учебниках.

Классификация диалектных частиц караидельского говора

В классификации частиц в грамматиках тюркских языков, а также в трудах по морфологии и учебных пособиях для вузов и сузов, нет единообразия. Все исследования и классификации о частицах тюркских языков были обобщены в трудах А.М. Щербака «Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (наречие, служебные части речи, изобразительные слова)» [Щербак, 1987] и систематизированы в последнем издании Б.А. Серебренникова и Н.З. Гаджиевой «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» [Серебренников, Гаджиева, 2010]. Их подходы основываются на анализе привносимых экспрессивных и модальных оттенков, однако в классификации частиц караидельского говора башкирского языка мы за основу взяли семантический подход авторов «Грамматики современного башкирского литературного языка» под редакцией А.А. Юлдашева, который дополнили новыми диалектными материалами:

1. Вопросительная частица *-мы* (*-ме*, *-мо*, *-мө*). Данная частица башкирского языка пишется всегда слитно. Например, *беренсеме?* ‘первый ли?’; *кайттымы?* ‘вернулся ли?’ и т.п. В говорах башкирского языка вопросительные частицы могут выражать конкретность, четкость вопроса: *Әйтмәземә?* ‘Разве не сказал?’ и т.п. Помимо этого, могут быть формы с вопросительным местоимением *ни*: *Барзымы ни?* ‘Сходил, что ли?’; *Әйтмәземә ни?* ‘Не сказал, что ли?’ и т.п. В сочетании со вспомогательным глаголом *икән* может означать неуверенность, неопределенность и сомнение в происходящем или правильность того или иного объекта или субъекта: *Шушымы икән?* ‘Этот ли?’; *Уфазамамы икән?* ‘В Уфе ли?’ и т.п. В составе выражения *-мы* (*-ме*, *-мо*, *-мө*) *ни*, *-мы* (*-ме*, *-мо*, *-мө*) *икән ни* = *микән* и т.п. представляют риторический вопрос: *Үткәннәрзе кайтарып буламы ни?* ‘Разве можно воротить прошлое?’; *Бер юлы ике койрок тотоп була микән?* ‘Разве можно поймать два хвоста одновременно?’ и т.п.

2. Частица сомнения *-зыр* (*-зер*) передает неуверенное предположение, неточность в отношении происходящего события, действия, явления, предмета. Следует отметить, что в говорах северо-западного диалекта башкирского языка частица неуверенности и предположения имеет два основных варианта *-зыр*, *-зер* в отличие от литературной 4-вариантной формы: *-зыр*, *-зер*, *-лыр*, *-лер*, *-дыр*, *-дер*, *-тыр*, *-тер*: *Алмаганзыр* ‘не взял, наверное’; *бирмәгәннәрзер* ‘не дали, наверное’; *төшөп калганзыр* ‘выпал, наверное’; *яңғыр булазыр* ‘будет дождь, наверное’; *ызбазазыр* ‘дома, наверное’ и т.п.

3. Частицы просьбы *-сана*, *-сәнә*, *-сы*, *-се*, *-со*, *-сө*, *әле*, выражающие увещание, выступают при глаголах в форме повелительного наклонения. Первые две формы используются очень редко, в основном в говорах просьбу выражают формы на *-сы*, *-се*, *-со*, *-сө* и *әле*: *тик тор әле* ‘ну стой же смиренно’; *бирсе* ‘ну дай же’; *алып кайтсы* ‘привези, пожалуйста’; *матур гына итеп фотога төшөрсө* ‘пожалуйста, красиво сфотографируй’ и т.п. Исходя из контекста, эти же показатели могут представить оттенок сожаления: *китсе-китсе*, *болмас* ‘невозможно, не может быть’; *юксы-юксы*, *алай болмаска тейеш изе* ‘нет-нет, не могло быть так’ и т.п.

4. Частицы подтверждения с оттенком удивления и досады, выражающие эмоциональное состояние говорящего, пишутся раздельно: *забаса*, *зәбәсә*, *дабаса*, *дәбәсә*, *табаса*, *тәбәсә*, *лабаса*, *заса*, *зәсә*, *даса*, *дәсә*, *даса(уы)*, *дәсә(үе)*: *күргән дәсә* ‘увидел же’; *күрөп калган даса(уы)* ‘увидел же’; *уйламаганда жомдорган дабаса* ‘неожиданно ударил же’; *әйтмәзе зәсә* ‘не сказал же’ и т.п.

5. Ограничительная частица *гына* (*генә*, *кына*, *кенә*) выделяет тот или иной объект или субъект среди других и пишется раздельно. *Апам гына белә изе* ‘Только моя сестра знала об этом’. *Әтей генә түгел инде*, *башкалар за кайтмазы* ‘Не только наш отец, но и другие не вернулись’ и т.п. Полевые материалы автора, относящиеся к данному говору, показывают, что диалектные вопросительные и ограничительные частицы совпадают с их литературными формами в башкирском языке.

6. Усилительные частицы *ук*, *үк*, *за*, *зә*, *да*, *дә*, *та*, *тә*, *ла*, *лә* усиливают смысл высказанной информации: *Бая ук китте!* ‘Уже давно ушел!’; *Хәзер үк кайт!* ‘Сразу же (прямо сейчас) возвращайся!’; *Анда әсәеүлек эшләгәннән аларның бер тулкы за булмазы* ‘Никакого толка не было от того, что там

создали посевные поля' и т.п. Данные усилительные частицы также пишутся раздельно и представляют различные экспрессивно-эмоциональные оттенки подтверждения и уверенности говорящего. Ср. примеры:

(1) *Аның шишимәсе әле зә нитеп йата // сығып* 'Его родник до сих пор это // течет'.

(2) *Ишеткән йуук анзый сүзне зә //* 'Не слышал // даже такого слова';

(3) *Йолмос булдымы һеззә? Әле зә бар / ахыры //* 'Был у вас деревянный лоток? Да, и (даже) сейчас имеется, кажется'.

В представленных примерах наблюдаются частицы *за, зә*, которые переводятся на русский язык в двух значениях и выполняют две функции: 1) частица *даже*, используемая при выделении или при усилении значения слова или словосочетания, к которому относится; 2) союз *и*, который соединяет однородные члены предложения и простые предложения в сложное, выражая перечисление однородных предметов, признаков или качеств, одновременность или последовательность действий. Элементы предложений, соединенные этим союзом, взаимно дополняют друг друга.

Постоянное употребление частиц *за, зә* с интердентальной звонкой согласной, придавая дополнительные смысловые оттенки определенным частям речи, является спецификой караидельского говора СЗДБЯ и среди прочих тюркских языков наблюдается только в башкирском языке. Подобные усилительные частицы в литературном (письменном) башкирском языке выражаются 4 фонетическими вариантами: *ла // лә* – после гласных, *та // тә* – после глухих согласных, *да // дә* – после звонких согласных, *за // зә* – после фонем й, у, ү, з, р. Однако данные варианты частицы, имеющие в своем фонетическом строении специфическую межзубную фонему башкирского языка [з], активно бытуют в живой разговорной речи носителей северо-западного диалекта. Например: *Минем әтейем укытыусы булып эшләзе // азың исеме зә Мөгәллим //* 'Мой папа работал учителем. Даже его имя – Мугаллим (означает «учитель»)'. В данном предложении притяжательное местоимение *азың 'его'* и усилительная частица *зә 'даже'* используются иначе, чем в литературной норме. Ср.:

караид. азың – лит. *уның 'его'*;

караид. исеме зә – лит. *исеме дә 'даже его имя'*.

В караидельском говоре диалектные частицы *за, зә* употребляются также в роли союза *и*, соединяющего перечисления: *Урысы за былды / татары за былды / сизаны за былды //* 'И русские были, и татары были, и цыгане были'. *Сугыштан әтей зә, абый за кайтмазы* 'С войны не вернулись ни отец, ни брат'. *Апама за, минеңә зә эләкте* 'получили и сестра, и я' и т.п.

Таким образом, в данном говоре в интервокальной позиции используется межзубная фонема *з*. Такое фоноявление наблюдается как в составе служебных, так и самостоятельных частей речи. Например, в формировании отрицательных форм глаголов прошедшего времени в составе аффиксов всегда произносится специфичный консонант башкирского языка *з* вместо сонорного консонанта *н* литературного (письменного) языка: *бармазы* – лит. *барманы* 'не ходил', *укымазы* – лит. *укыманы* 'не читал', *эшләмәзе* – лит. *эшләмәне* 'не работал', *әйтмәзе* – лит. *әйтмәне* 'не сказал' и т.п.

Таким образом, активное употребление специфической интердентальной фонемы [з] в составе усилительных частиц *за, зә* и в глагольных окончаниях прошедшего времени придает особый характер звучанию речи в этом языковом ареале.

7. В изучаемом говоре используется специфичное служебное слово – утвердительная диалектная частица *кый, кей* в значении 'ведь; так; да'. Например, *әйтте кый* 'сказал ведь'; *бармазы кый* 'не ходил ведь'; *үззем йөрәтә изем дә, бирмәй кей миңә рулда малайым* 'сама водила раньше, но ведь сын теперь не отдает мне руль'; *Карткисәк – төптән башкырт ауылы кый* 'Ведь деревня Карткисяк издревле является башкирской' и т.п. В других говорах башкирского языка вместо этой частицы чаще употребляется русская заимствованная частица *бит*, образованная от слова *ведь*. Основная функция данных частиц заключается в передаче уверенности и убеждений собеседника.

Частица *кый (кей)* в значении 'ведь; так; да' наблюдается в киргизском, казахском, каракалпакском, татарском языках, то есть данная утвердительная частица *кый (кей // куй // кой // гоӣ)* распространена в кыпчакских языках тюркской языковой семьи. В карлукских языках, таких как узбекский, уйгурский, наблюдается разновидность *ку // ку // гу*. В караидельском говоре башкирского языка данная частица также выражает предположение: *алды кый* 'кажется, взял', *сыкты кый* 'кажется, вышел' и т.п.

Большинство частиц, передающих оттенки утверждения, одобрения, выделения, являются исконными и употребляются в караидельском говоре издавна. Некоторые из них восходят к древнетюркскому периоду, распространены во многих современных тюркских языках, а в башкирском языке считаются диалектными частицами просторечия. Например, все формы вопросительной частицы восходят к древнетюркской форме **ти*; усилительные частицы также имеют древнетюркские корни *ук<*оq*, *үк<*өk*, ограничительные частицы *гына, генә, кына, кенә* образованы от древнетюркских односложных форм **уи, *gü*; появление усилительных частиц *за, зә, да, дә, та, тә, ла, лә* связано с древнетюркским

союзом **ta*. А.Н. Кононов происхождение некоторых из них сводит к общеалтайскому состоянию [Кононов, 1980. С. 207].

Частицы по функциональности близки к модальным словам и союзам. В семантическом аспекте они занимают промежуточное положение между модальными словами, союзами, аффиксами. Например, частицы, выражающие неуверенное предположение (-*зыр*, -*зер*, -*дыр*, -*дер*), вопрос (-*мы*, -*ме*, -*мо*, -*мө*), просьбу (-*сана*, -*сәнә*, -*сы*, -*се*, -*со*, -*сө*), пишутся слитно как аффиксы и добавляются после всех морфологических показателей слова, к которому относятся. См. примеры:

Таблица 1

частицы предположения		
л.	ед. ч.	мн.ч.
1	<i>барганмондыр</i> у ‘возможно, съездил’ <i>түлэгәнмендер</i> у ‘возможно, заплатил’	<i>барганбыздыр</i> у ‘возможно, съездили’ <i>түлэгәнбездер</i> у ‘возможно, заплатили’
2	<i>баргансыңдыр</i> ‘возможно, съездил’ <i>түлэгәнсеңдер</i> ‘возможно, заплатил’	<i>баргансыгыздыр</i> ‘возможно, съездили’ <i>түлэгәнсегездер</i> ‘возможно, заплатили’
3	<i>баргандыр</i> ‘возможно, съездил’ <i>түлэгәндер</i> ‘возможно, заплатил’	<i>баргандарзыр</i> ‘возможно, съездили’ <i>түлэгәндәрзер</i> ‘возможно, заплатили’

Таблица 2

вопросительные частицы		
л.	ед. ч.	мн.ч.
1	<i>барга(н)монмы</i> ‘съездила ли я?’ <i>түлэгә(н)менме</i> ‘заплатила ли я?’	<i>барга(н)бызмы</i> ‘мы съездили ли?’ <i>түлэгә(н)безме</i> ‘мы заплатили ли?’
2	<i>барга(н)соңмы</i> ‘съездил ли ты?’ <i>түлэгә(н)сеңме</i> ‘заплатил ли ты?’	<i>баргансыгызмы</i> ‘вы съездили?’ <i>түлэгәнсегезме</i> ‘вы заплатили?’
3	<i>барганмы</i> ‘съездил ли он?’ <i>түлэгәнме</i> ‘заплатил ли он?’	<i>барга(н)дармы</i> ‘съездили ли они?’ <i>түлэгәндәрме</i> ‘заплатили ли они?’

Таблица 3

частицы просьбы и намерения		
л.	ед. ч.	мн.ч.
1	<i>барайымсы</i> ‘съезжу-ка’ <i>түләймсе</i> ‘заплачу-ка’	<i>барыйксы</i> ‘съездим-ка’ <i>түләйексе</i> ‘заплатим-ка’
2	<i>барсы</i> ‘съезди-ка’ <i>түләсе</i> ‘заплати-ка’	<i>баргыссы</i> ‘съездите-ка’ <i>түләгессе</i> ‘заплатите-ка’
3	<i>барсынсы</i> ‘пусть съездит’ <i>түләсенсе</i> ‘пусть заплатит’	<i>барсындарсы</i> ‘пусть съездят’ <i>түләсендәрсе</i> ‘пусть заплатят’

В данном говоре частицы предположения и вопроса не подчиняются закону сингармонизма, также нарушается губная гармония (см. Таблицы 1, 2) в формах 1, 2-го лица единственного числа. В третьей таблице частицы просьбы и намерения присоединяются к глаголам в форме повелительного наклонения, и действие относится к будущему времени. В этой же таблице глаголы первого лица выражают намерение и даны в форме побудительного наклонения. Помимо этих разрядов частиц (предположения, вопроса, просьбы) остальные частицы (удивления и досады, утверждения, усиления, ограничения) пишутся раздельно. На письме часто допускается неправильное оформление частиц удивления и досады, когда их пишут слитно со словом, к которому они относятся.

Таблица 4

частицы удивления и досады		
л.	ед. ч.	мн.ч.
1	<i>баргайным да(ба)са</i> ‘съездил же’ <i>түлэгәйнем дәсә</i> ‘заплатил же’	<i>баргайнык та(ба)са</i> ‘съездили же’ <i>түлэгәйнек тәсә</i> ‘заплатили же’
2	<i>баргансың да(ба)са</i> ‘съездил же’ <i>түлэгәнсең дәсә</i> ‘заплатил же’	<i>баргансыгыз да(ба)са</i> ‘съездили же’ <i>түлэгәнсегез дә(бә)сә</i> ‘заплатили же’

3	<i>барған да(ба)са</i> ‘съездил же’ <i>түләгән дәсә</i> ‘заплатил же’	<i>барғандар за(ба)са</i> ‘съездили же’ <i>түләгәндәр зәсә</i> ‘заплатили же’
---	--	--

Заклучение

В статье рассмотрена история изучения частиц башкирского языка и существующие их классификации, основанные на функционально-семантическом аспекте. При систематизации диалектных частиц караидельского говора была использована академическая грамматика под редакцией А.А. Юлдашева, в которой представлен наиболее полный перечень разрядов частиц. В данной работе мы выделяем 7 смысловых разрядов частиц: вопросительные частицы *-мы, -ме, -мо, -мө*; частицы сомнения *-зар, -зыр, -зер*; частицы просьбы *-сана, -сэнә, -сы, -се, -со, -сө, әле*, частицы подтверждения с оттенком удивления и досады *забаса, зәбәсә, даса, дәсә, даса(уы), дәсә(уы), дабаса, дәбәсә, табаса, тәбәсә, лабаса*; ограничительные частицы *ғына, генә, кына, кенә*; усилительные частицы *ук, үк, за, зә, да, дә, та, тә, ла, лә*; утвердительные диалектные частицы *кый, кей, бит*. В целом, эти служебные слова вносят различные эмоциональные и семантические оттенки в предложения или помогают образовывать полную семантику слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Грамматика башкирского языка*: в 3-х томах. Т. II. Морфология / Отв. ред. Х.В. Султанбаева. Уфа: Китап, 2018. 312 с. (на башк. яз.).
- Грамматика современного башкирского литературного языка* / Отв. ред. А.А. Юлдашев. М.: Наука, 1981. 495 с.
- Дмитриев Н.К.* Варваризмы в башкирской речи // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук Союза Советских Социалистических Республик. Том IV. Ленинград: Изд. АН СССР, 1930. С. 73–105.
- Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. М.; Л.: Изд. Академии наук СССР, 1948. 276 с.
- Древнетюркский словарь*. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Закирьянов К.З.* Сопоставительная грамматика русского и башкирского языков. Уфа: Гилем, 2004. 227 с.
- Зайнуллин М.В.* Хәзерге башкорт әзәби теле: Морфология. Өфө: БДУ, 2002. 388 б. (на башк. яз.).
- Ишбулатов Н.Х., Зайнуллин М.В.* Хәзерге башкорт әзәби теле. Фонетика. Морфология. Өфө, 1986. 155 б. (на башк. яз.).
- Киекбаев Дж.Г.* Современный башкирский язык. Уфа: БГУ, 1966. 146 с.
- Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–XI вв. Л.: Наука, 1980. 255 с.
- Мансуров А.А.* Грамматика. 1 китеп. Морфология: урта мәктәп өсөн дәреслек. Өфө, 1933. 94 б. (на башк. яз.).
- Серебрянников Б.А., Гаджиева Н.З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 304 с.
- Султанбаева Х.В.* Служебные слова в системе частей речи башкирского языка. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2008. 55 с.
- Сәйәргәлиев Б.С.* Башкорт телендә яззамсы һүззәр. Өфө, 1960. 106 б. (на башк. яз.).
- Терегулова Р.Н., Ахмеров К.З.* Сравнительная грамматика русского и башкирского языков. Уфа, 1953. 208 с.
- Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (наречие, служебные части речи, изобразительные слова). Л.: Наука, 1987. 149 с.
- Poppe N.N.* Bashkir manual. Descriptive grammar and texts with a Bashkir-English glossary. Bloomington, 1964. 181 p. (на англ. яз.).
- Pröhle V.* Bashkir nuelvtanulmanyok // Keleti Szemle. T. IV. Budapest, 1903. Pp. 194–214; T. V. Budapest, 1904. Pp. 228–271. (на венгерск. яз.).

REFERENCES

- Ancient Turkic dictionary*. Nauka, Leningrad, 1969, 676 p. (In Russ.)
- Dmitriev, N.K. 1930, “Barbarisms in Bashkir speech”, *Notes of the Board of Orientalists at the Asian Museum of the Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republics*, vol. IV. Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Leningrad, pp. 73–105. (In Russ.)
- Dmitriev, N.K. 1948, *Grammar of the Bashkir language*. Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Moscow, Leningrad, 276 p. (In Russ.)

- Grammar of the Bashkir language*: in 3 vol. Vol. II. Morphology. Kitap, Ufa, 2018. 312 p. (In Bash.)
- Grammar of the modern Bashkir literary language*. Nauka, Moscow, 1981. 495 p. (In Russ.)
- Ishbulatov, N.X., Zaynullin, M.V. 1986, *The modern Bashkir literary language. Phonetics. Morphology*. BSU, Ufa, 155 p. (In Bash.)
- Kiekbaev, J.G. 1966, *Modern Bashkir language*. BSU, Ufa, 146 p. (In Bash.)
- Kononov, A.N. 1960, *Grammar of the language of Turkic runic monuments of the 7th-9th centuries*. Nauka, Leningrad, 256 p.
- Mansurov, A.A. 1933, *Grammar. P. 1. Morphology: for secondary schools*. Ufa, 94 p. (In Bash.)
- Poppe, N.N. 1964, *Bashkir manual. Descriptive grammar and texts with a Bashkir-English glossary*. Bloomington, 181 p. (In Eng.)
- Pröhle, V. 1903–1904, “Bashkir nuelvtanulmanyok” *Keleti Szemle*, vol. IV. Budapest, 1903, pp. 194–214; vol. V. Budapest, 1904, pp. 228–271. (In Hang.)
- Sayargaliev, B.S. 1960, *Function words in the Bashkir language*. Ufa, 106 p. (In Bash.)
- Serebrennikov, B.A., Gadzhieva, N.Z. 2010, *Comparative-historical grammar of the Turkic languages*. Book house “Librocom”, Moscow, 304 p. (In Russ.)
- Shcherbak, A.M. 1987, *Essays on the comparative morphology of Turkic languages (adverbs, auxiliary parts of speech, figurative words)*. Nauka, Leningrad, 149 p. (In Russ.)
- Sultanbaeva, Kh.V. 2008, *Function words in the system of parts of speech of the Bashkir language: abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Philology*. BSU, Ufa, 55 p. (In Russ.)
- Teregulova, R.N., Akhmerov, K.Z. 1953, *Comparative grammar of Russian and Bashkir languages*. Ufa, 208 p. (In Russ.)
- Zakiryaynov, K.Z. 2004, *Comparative grammar of Russian and Bashkir languages*. Gilem, Ufa, 227 p. (In Russ.)
- Zaynullin, M.V. 2002, *The modern Bashkir literary language: Morphology*. BSU, Ufa, 388 p. (In Bash.)

Сведения об авторе

Мадина Раилевна Валиева, кандидат филологических наук, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: valieva_1979@list.ru, ORCID: 0000-0002-4549-3553

Information About the Author

Madina R. Valieva, Cand. Sc. (Philology), Order of the Badge of Honour of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, the Russian Federation, Ufa. E-mail: valieva_1979@list.ru, ORCID: 0000-0002-4549-3553

ФОЛЬКЛОР ЧЕЛЯБИНСКИХ БАШКИР: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Фанира Фасхетдиновна Гайсина

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Уфа, Россия

E-mail: gais73@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются фольклор и традиционные обычаи челябинских башкир. Цель исследования: показать степень изученности фольклора башкир данной области. В качестве источников используются архивные данные, материалы экспедиций, публикации фольклористов, посвященные народному творчеству и культуре населения этого региона, выделяются уникальные особенности различных фольклорных жанров. Наиболее распространенными здесь являются исторические, бытовые предания, песни, песни-плачи сенляу (*сеңләу*), мунаджаты (религиозные песнопения). Автор приходит к выводу, что достаточно системно изучен фольклор трех районов: Аргаяшского, Кунашакского и Сосновского, поэтому есть необходимость в организации научных экспедиций по сбору фольклорного и этнографического материала и в остальные районы области, где компактно проживают башкиры.

Ключевые слова: башкирский фольклор, Челябинская область, жанры, обряды, песни

Цитирование: Гайсина Ф.Ф. Фольклор челябинских башкир: история и перспективы изучения // Известия УФИЦ РАН. Серия: История. Филология. Культура. 2024. Т. 1. № 2. С. 156–162. DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.2.017>

Благодарности. Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00570-24-01 на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов

UDC 398(=512.141)(470.55)

FOLKLORE OF THE CHELYABINSK BASHKIRS: HISTORY AND PROSPECTS OF STUDY

Fanira F. Gaisina

Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

E-mail: gais73@mail.ru

Abstract. The article is devoted to folklore and traditional customs of the Chelyabinsk Bashkirs. The purpose of the study is to show the degree of knowledge of Bashkir folklore in this area. Archival data, expedition materials, publications of folklorists devoted to folk art and culture of the population of this region are used as sources, unique features of various folklore genres are highlighted. Many of the texts recorded by folklorists in this region have already been published in the volumes “Bashkir Folk Art”, at the same time there are many unpublished ones. The folklore of the Bashkirs of the Chelyabinsk region today is represented mainly by the following genres: rituals, religious and mystical legends, songs, lament songs, munajats, spiritual poems, proverbs, sayings, beliefs, omens, prohibitions, ditties. Calendar holidays such as *Rook porridge*, *goose help*, as well as *sabantui*, held in honor of the end of sowing, have been preserved in the villages. Of the religious rites, the most stable are *Ayat ukutyu* (reading the ayats of the Quran), *Nikah ukutyu* (reading nikah), *Korban bayram* (Feast of Sacrifice), and the performance of funeral rites in accordance with the canons of Islam. One of the peculiar rituals of the local Bashkirs is the holiday “*Aumala bayramy*” (Aumal Holiday). Of the family rituals, the wedding ceremony is most different, which has many features. For example, holding a *kuresh* fight during a wedding is associated with the ancient custom of choosing a groom. As it is known from Bashkir epics and fairy tales, in ancient times, a girl chose the husband of the one who won the *kuresh* fight. As evidenced by

© Гайсина Ф.Ф., 2024.

the materials of recent expeditions, informants well remember toponymic legends, anecdotes-kulyamas, riddles, proverbs, sayings, beliefs, omens and prohibitions. However, genres such as fairy tales, historical legends and legends, baits, and games have become less common. The author concludes that the folklore of three districts has been studied more systematically: Argayashsky, Kunashaksky and Sosnovsky, therefore there is a need to organize scientific expeditions to collect folklore and ethnographic material to the rest of the region, where Bashkirs live compactly.

Keywords: Bashkir folklore, Chelyabinsk region, genres, rituals, songs

Citation. Gaisina, F.F. 2024, "Folklore of the Chelyabinsk Bashkirs: history and prospects of study", *Proceedings of the UFRC RAS. Series: History. Philology. Culture*, vol. 1, no. 2, pp. 156–162. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.2.017>

Acknowledgements. This study was carried out within the framework of the state assignment of the UFRC RAS No. 075-00570-24-01 for 2024 and for the planning period of 2025 and 2026

Введение

Территория современной Челябинской области объединяет земли, где издавна проживали и продолжают жить башкиры. Благодаря непростой многовековой истории эта местность богата самобытным народным творчеством. Районами компактного проживания башкир являются Аргаяшский, Кунашакский, Сосновский, Кусинский, Красноармейский, Нязепетровский, Октябрьский, Каслинский, Чебаркульский, Уйский, Кизильский, Агаповский, Ашинский, Кыштымский и др. районы области. Первоначально, в 1918 г., Аргаяш был объявлен Аргаяшским кантоном, который с 1919 г. по 1930-е гг. существовал в составе Башкирской АССР, а в 1930–1934 гг. был разделен на два кантона: Аргаяшский и Кунашакский. 17 января 1934 г. по постановлению ВЦИК (Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета) без оповещения населения эти районы были переданы Челябинской области [Валеев, 1996. С. 3].

Особый научный интерес представляют не только исторические, этнографические, демографические, социологические материалы о жизни башкир края, но и устное поэтическое творчество народа и история изучения фольклора населения указанной области.

Основная часть

Башкиры Челябинской области все эти годы жили, стараясь сохранить свою национальную идентичность, самобытность, культуру, традиции. В этот регион в разные годы были организованы экспедиции и командировки научных сотрудников Института истории, языка и литературы БФ АН СССР по сбору материалов народного творчества. Собранные ими материалы в настоящее время хранятся в научном архиве УФИЦ РАН. Судя по архивным фондам, первая экспедиция состоялась еще в 1929 г., после чего Б. Альметьевым были переданы в архив тексты многих сказок и песен (на арабской графике) [Научный архив..., Ф. 3, Оп. 2, Д. 474]. Однако в записанных им материалах не указаны названия деревень и имена информантов.

В 1931 г. известным лингвистом З. Шакировым были собраны тексты легенд, сказок, загадок, песен и т.п. Сохранился его краткий отчет (на латинской графике) [Научный архив..., Ф. 3. Оп. 2. Д. 8]. В нем приводятся ценные сведения об истории башкирских племен, населявших земли Ялан-Катай и Аргаяш. В научном архиве сохранилась также тетрадь с текстами (на арабской графике), записанными И. Рахметовым и состоящими в основном из загадок [Научный архив..., Ф. 3. Оп. 2. Д. 245].

В 1960–1962 гг. состоялась научная экспедиция в Челябинскую область для сбора фольклорного материала под руководством А.Н. Киреева (Кирея Мэргэна) с участием С.А. Галина, Ф.А. Надршиной, Н.Д. Шункарова. Многие записанные ими тексты уже опубликованы в томах «Башкирское народное творчество». Среди них можно отметить эпос «*Кузыйкурпәс менән Маянһылыу*» («Кузкурпяч и Маянхылу») [Башкирское..., 1999. С. 126], вариант эпоса «*Сура батыр*», «*Мамай хан хикәйәте*» («Сказание Мамай-хана»), кубаир «*Ялп-йолп иткән яңғыз ябалак*» («Одинокая сова») [Башкирское..., 1981]; сказки «*Ике кәләшле хан*» («Хан и его две жены»), «*Дәруиш менән мосафир батша*» («Дервиш и царь-странник»), «*Бер бүрәнәгә – бер кыз*» («За одно бревно – невесту») и др. [Башкирское..., 2008]. В то же время осталось и много неопубликованных текстов.

Г.Р. Хусаинова подчеркивает, что фольклорные экспедиции 1959–1963 гг. под руководством А.Н. Киреева и других ученых в соседние области, в том числе в Челябинскую область, «внесли весомый вклад в пополнение сокровищницы башкирского фольклора» [Хусаинова, 2024. С. 91].

В архиве УФИЦ РАН также хранятся фольклорные материалы, собранные Р.В. Нафиковой в Аргаяшском и Кунашакском районах Челябинской области в 1978 г. [Научный архив..., Ф. 3. Оп. 2. Д. 865].

Позднее, в 1992 г., в Аргаяшский район была организована очередная экспедиция по сбору фольклора, в которой приняли участие студенты восточного отделения филологического факультета Челябинского государственного университета [Муртазин, 2012. С. 201].

В конце XX – начале XXI в. изучение фольклора башкир Челябинской области продолжилось. Были опубликованы труды по фольклору М. Харисова [Харисов, 1972. С. 118–119], Л.И. Нагаевой [Нагаева, 1995. С. 52, 68], С.А. Галина [Галин, 2003. С. 3], К.Д. Муртазина [Муртазин, 2012. С. 200–206] и др.

Сбором и популяризацией фольклора аргаяшских башкир занимался и известный ученый-философ Д.Ж. Валеев [Валеев, 1980. С. 20–27; 1981. С. 156–162; 1996; 1999. С. 111–118; 2001. С. 142–154; 2002]. Написанные им работы, а также статьи в соавторстве с М.С. Алкиным и Р.Ю. Мухамедьяновым опубликованы в книге «Фольклор народов РСФСР» [Валеев, 1979] и на страницах газет. В дальнейшем Д.Ж. Валеев продолжил работу и издал несколько книг о народном творчестве башкир Аргаяшского района [Валеев, 1996; 2002]. Многогранное творчество народа, общая история и культура Аргаяшского района отражены и в сборнике трудов конференции, которая была приурочена к юбилею Д.Ж. Валеева [Духовность..., 2010]. На наш взгляд, есть необходимость в систематизации многочисленных научных статей ученого, посвященных башкирскому фольклору, опубликованных в разных книгах и журналах, и в издании в виде отдельного сборника.

В 2005 г. вышел труд историка-краеведа Р.Ш. Хакимова об истории и современном состоянии Аргаяшского района [Хакимов, 2005], в 2012 г. увидела свет книга «Духовный мир аргаяшских башкир», составленная К.Д. Муртазиным, в которую вошли образцы песен и пословиц, записанные от местного населения [Духовный..., 2012]. О песенном фольклоре аргаяшских башкир были опубликованы и другие не менее важные и интересные исследования. Например, в свое время музыковед Л.К. Сальманова подготовила специальную статью о протяжных песнях [Сальманова, 1999. С. 199–222]. Изучению песенного наследия рассматриваемого региона посвящены статьи Н.М. Сиражетдиновой [Сиражетдинова, 2008. С. 108; 2009. С. 190–192].

Свой вклад в историю изучения фольклора челябинских башкир внесли и научные сотрудники отдела фольклористики Института истории, языка и литературы УНЦ РАН. Ими было организовано несколько командировок и экспедиций по сбору материалов народного творчества. В 2001 г. состоялась научная командировка в Аргаяшский район Ф.Ф. Гайсиной, в 2009 г. – экспедиция в Сосновский и Кунашакский районы с участием Г.Р. Хусаиновой (руководитель экспедиции), Г.В. Юлдыбаевой, Ф.Ф. Гайсиной. Результатом этих поездок стало издание сборника «Фольклор челябинских башкир» (на башкирском языке) [Фольклор..., 2012], в который вошли полевые записи фольклористов, отражающие прошлое и современное состояние народного творчества башкир трех районов Челябинской области (Аргаяшского, Кунашакского, Сосновского). Можно также отметить и другие работы башкирских фольклористов, посвященные данной теме [Хусаинова, 2012. С. 36–46; Юлдыбаева, 2012. С. 29–36; Гайсина, 2010. С. 180–185; 2011. С. 301–310]. История изучения фольклора челябинских башкир упоминается и в статьях И.Р. Шараповой и Г.Р. Хусаиновой [Шарапова, Хусаинова, 2023. С. 1–9].

Фольклор башкир Челябинской области сегодня представлен в основном следующими жанрами: обрядами, религиозно-мистическими преданиями, песнями, песнями-плачами, мунаджатами, духовными стихами, пословицами, поговорками, поверьями, приметами, запретами, такмаками и т.д. Особый интерес представляет фольклор Аргаяшского района. В этой местности издревле обитали роды айлинского племени (салъют, табын, катый).

В деревнях сохранились такие календарные праздники, как *Карга буткаһы* (Грачиная каша), *Каз өмәһе* (Гусиная помочь), а также сабантуи (*набантуй*), проводимые в честь окончания посева. Из религиозных обрядов наиболее устойчивыми являются *Аят укытыу* (чтение аятов), *Никах укытыу* (чтение никаха), *Корбан байрамы* (Праздник жертвоприношения), исполнение погребальных обрядов в соответствии с канонами ислама.

В обрядовых жанрах встречаются некоторые региональные особенности. Например, в деревне Таскино Сосновского района существует обычай дарить гусей белого цвета родившемуся днем [Фольклор..., 2012. С. 11], что является отголоском древнего культа птиц и символического значения белого цвета.

Одним из своеобразных обрядов челябинских башкир является праздник «*Әүмәлә байрамы*» (Праздник аумалы), во время которого собирают сметану (*әүмәлә*) у населения и выпекают лепешки для совместного чаепития (Полевые материалы (далее – ПМ) Г.В. Юлдыбаевой, записанные в 2009 г. от Байгазиной Фании Ситдиковны (1933 г.р.) в д. Махмутово Кунашакского района Челябинской области) [Фольклор..., 2012. С. 62]. О рецепте блюда, которое готовят во время этого праздника, рассказали и автору статьи (ПМ Ф.Ф. Гайсиной, записанные в 2009 г. от Динмухаметовой Зифы Шихабетдиновны (1935 г.р.) в д. Махмутово Кунашакского р-на) [Фольклор..., 2012. С. 96].

Отличительные особенности наблюдаются и в свадебном обряде. Например, в день сватовства девушка не возвращается домой, а ночует у подруги. На следующий день подруги провожают ее домой

под кошмой (посадив на войлочный ковер), причем девушки тянут ее в одну сторону, а снохи – в другую (ПМ Ф.Ф. Гайсиной, записанные в д. Султыево Сосновского района в 2009 г. от Галии Хуббихузиновны Гиниятовой (1937 г.р.) [Фольклор..., 2012. С. 75]. В данном обычае наблюдается намек на смену и повышение статуса, переход из девичества в статус невесты. Этот обычай (сажание на войлочный ковер) в районах Башкортостана не встречается.

Свадебный обряд включает в себя и другие элементы. Как только жених выплачивает родителям невесты калым, устраивается «*һөйәк һатыу*» (букв. продажа костей). Со стороны жениха привозят живого барана, который называется «*тере туй*» (живая свадьба). Его режут утром следующего дня, обряд сопровождается соревнованиями по национальной борьбе (*көрәш*), победителям дарят голову и ноги барана [Фольклор..., 2012. С. 118]. В данном обряде отслеживается отголосок древнего обычая «выбор жениха». Как известно из башкирских эпосов и сказок, в древности девушка выбирала себе в мужья того, кто победил в борьбе курэш.

Во время проводов невесты в дом мужа девушка обеими руками хваталась за дверной косяк и не отпускала руки до тех пор, пока родители не обещали подарить ей скотину. Этот обычай проводился для того, чтобы материально поддержать молодоженов.

У местных башкир существует обычай, во время которого назначаются «названные» родители. Свекровь, встречая свадебную процессию у ворот, после того как невеста наступает на подушку, завязывает на ее поясе платок, который должна развязать «*морондок инәһе*» (посаженная (назначенная) мать). Назначение «названных» родителей делается для того, чтобы в будущем духовно и морально поддержать молодую семью. Данный обычай широко распространен и в районах Башкортостана, в особенности на северо-востоке и юге республики.

Далее гостям свадьбы мать жениха раздает курнис (гостинцы), происходит взаимообмен подарками. Оказавшись в доме родителей мужа, невеста вешает на входную дверь *һөлгө* (полотенце), которое символизирует ее готовность связать свою судьбу с родиной мужа и его семьей. По дороге к роднику и во время проводов невесты принято разбрасывать деньги и конфеты (*кот һибегү*) для умиловливания местных духов-хозяев с пожеланиями благополучия, богатства.

Как свидетельствуют материалы последних экспедиций, информанты хорошо помнят топонимические предания, анекдоты-кулямасы, загадки, пословицы, поговорки, поверья, приметы и запреты. Однако такие жанры, как сказки, исторические легенды и предания, байты, игры стали встречаться реже. Все же автору удалось записать предания об известных исторических личностях З. Расулеве и Е. Пугачеве, религиозно-мистические предания о святом Хызыр-Ильясе [Фольклор..., 2012. С. 80, 104, 106].

В песенном жанре челябинских башкир можно отметить песни «*Азаматов*», «*Ашкадар*», «*Касим-Тура*», «*Кизяяс*», «*Миасс буйы*», «*Сермен буйы*», «*Кумкуль*», «*Кулуй-кантон*», «*Аргужа*». О некоторых из них были опубликованы статьи в республиканских журналах и газетах. Встречаются и предания с песнями, например, «*Кобагош ауылынан Моталип йыры*» (Песня Муталипа из деревни Кубагушево). Информант рассказала историю беглеца и его песню, которая поется на мотив песни «Тевкилев» (*Тәфтиләү*) (ПМ Ф.Ф. Гайсиной, записанные в 2001 г. в д. Ново-Соболево Аргаяшского района от Мухаметшиной Гильминисы Садикувны) [Фольклор..., 2012. С. 113–114].

Огромную часть местного фольклора составляют мунаджаты. В 2001 г. от аргаяшских башкир нам удалось записать более тридцати мунаджатов и религиозных стихов, среди которых «*Ураза тураһында мөнәжәт*», «*Сабырлык мөнәжәте*», «*Салауат әйтеү*», «*Мәрхәбә, хуш*», «*Донъя һүзәрән куйып торайык*», «*Сәхәр торзом*», «*Илаһия мөнәжәте*», «*Аллаға һығыныу*», «*Тәңре Арслан*» и другие. Некоторые из них были впервые зафиксированы и опубликованы в сборнике «Фольклор челябинских башкир» [Фольклор..., 2012] и многотомнике «Башкирское народное творчество. Мунаджаты» [Башкирское..., 2018].

Многие из записанных нами в 2001 г. мунаджатов («*Лә илаһа иллаллаһу*», «*Әй, Хозайым, бир, Хозайым*», «*Аллаһына ялбарыу*», «*Уза гүмер*», «*Үлем хәле*», «*Үлем мөнәжәте*», «*Бу ни гәжәп, бу ни хайран*», «*Салауат мөнәжәте*», «*Шәфәгәт йә Рәсүлүллаһ*», «*Рәсүл*», «*Зөһрә мөнәжәте*», «*Мәүлит айында укыла торған мөнәжәт*», «*Фатима мөнәжәте*») были переписаны из тетради Гульфиры Мухаметшиной (из д. Биккулово), подаренной Ульмаскуловой Юлии Кашаповне (1976 г.р., из д. Ново-Соболево Аргаяшского района). Следует отметить, что записывание фольклорных текстов помогает сохранять, распространять и популяризировать народное творчество. Эти мунаджаты в основном сохранились на старотюркском языке, с вкраплениями арабских и персидских слов. Такие мунаджаты, как «*Сабырлык мөнәжәте*», «*Укыйык Аятел-көрсине*», байт «*Манара*» распространены и на северо-востоке Башкортостана – в Салаватском, Дуванском, Кигинском районах. Кстати, байты «*Яңгыз ана бәйте*» (Байт одинокой матери), «*Ана васыяты*» (Завещание матери) известны в каждом регионе. Более устойчивая распространенность именно мунаджатов и других религиозных жанров (духовных стихов, религиозно-мистических преданий и т.п.) говорит о стремлении народа к сохранению своих традиций.

Несмотря на то, что духовное богатство Аргаяшского, Кунашакского и отчасти Сосновского районов изучено достаточно хорошо, фольклор других районов Челябинской области до сих пор системно не исследован.

Как известно, экономические проблемы и социальные процессы влияют на жизнь, быт, духовный мир, культуру народа. В 1957 г. после чрезвычайной ситуации техногенного характера на химкомбинате «Маяк» под Челябинском многие жители башкирских селений были переселены из опасной зоны. При сборе экспедиционных материалов выяснилось, что переселенцы не знали названий географических объектов новых мест (водоемов, гор, полян, связанных с ними легенд и преданий), не помнили фольклорное наследие и историю своих деревень. Отсутствие изучения башкирского языка в школах (либо его недостаточное преподавание), периодических изданий на родном языке, рост числа смешанных браков и другие факторы способствовали постепенному отчуждению челябинских башкир от родного языка и культуры. В настоящее время на башкирском языке говорят в основном представители старшего поколения, снижается уровень владения языком в молодежной среде. Безусловно, утрата языка ведет к постепенному исчезновению народного творчества.

Заключение

Таким образом, рассматривая историю сбора и изучения творчества аргаяшских башкир, можно отметить следующее: в отчетах фольклорных экспедиций и в архивных материалах содержится анализ устно-поэтического творчества башкир этого края, отличающегося самобытными жанрами. Народное творчество башкир ряда районов Челябинской области периодически изучалось учеными г. Уфы, Челябинска, журналистами и местными краеведами. Башкирский фольклор региона является богатым и самобытным, и есть надежда, что в будущем его удастся сохранить. Экспедиции в Кунашакский, Аргаяшский и Сосновский районы Челябинской области внесли свою лепту в изучение и сохранение фольклорного и этнографического материала. Сегодня есть необходимость в организации научных экспедиций (совместно с фольклористами, этнографами, языковедами-диалектологами) и в другие районы области, где компактно проживают башкиры, тем более, что интерес ученых и краеведов к фольклору народов, населяющих многонациональный край, в том числе башкир, растет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Башкирское народное творчество.* Мунаджаты. Том XV. Уфа: Китап, 2018. 296 с. (на башк. яз.)
- Башкирское народное творчество.* Эпос. Т. 4 / Сост. М. Сагитов, Б. Баймов. Уфа: Китап, 1999. 400 с. (на башк. яз.)
- Башкирское народное творчество.* Эпос. Кн. 3. / Сост., автор вступ. ст. Н.Т. Зарипов. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1981. 344 с. (на башк. яз.)
- Башкирское народное творчество.* 11 том. Новеллистические сказки / Сост., автор вступ. ст. и коммент. А.М. Сулейманов. Уфа: Китап, 2008. 568 с. (на башк. яз.)
- Валеев Д.Ж.* Аргаяшские башкиры и их исторические корни // Ватандаш. 1999. № 12. С. 111–118.
- Валеев Д.Ж.* Башкирские песни Аргаяшского района Челябинской области по записям 1978 года // Фольклор народов РСФСР. Межвузовский научный сборник. Уфа: БашГУ, 1980. С. 20–27.
- Валеев Д.Ж.* Духовное наследие аргаяшских башкир: народные песни, мифы, легенды / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Д.Ж. Валеев. Уфа: Гилем, 1996. 76 с. (на башк. яз.)
- Валеев Д.Ж.* Новые записи башкирских исторических песен // Фольклор народов РСФСР. Межвузовский научный сборник. Уфа: БашГУ, 1981. С. 156–162.
- Валеев Д.Ж.* Судьба аргаяшских башкир: история и современность. Уфа: Гилем, 2002. 156 с.
- Валеев Д.Ж.* Устное народное творчество аргаяшских башкир // Ватандаш. 2001. № 5. С. 142–154. (на башк. яз.)
- Валеев Д.Ж., Алкин М.С., Мухаметжанов Р.С.* Новые записи башкирских исторических песен // Фольклор народов РСФСР. Межвузовский научный сборник. Уфа: БашГУ, 1979. С. 161–165.
- Гайсина Ф.Ф.* Аргаяшский регион – источник духовного наследия // Ватандаш. 2010. № 2. С. 180–185. (на башк. яз.)
- Гайсина Ф.Ф.* Дамир Валеев – фольклорист // Духовность и красота как явление культуры в образовательном процессе: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Д.Ж. Валеева и 90-летию К. Киньябулатовой / Отв. ред. Г.Р. Муллагалямова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. С. 28–34.
- Гайсина Ф.Ф.* К вопросу изучения фольклора аргаяшских башкир // Башкирский фольклор: исследования и материалы. Вып. VI. Уфа: Гилем, 2011. С. 301–310. (на башк. яз.)
- Галин С.А.* Фольклор башкир Челябинской области // Язык и литература как способы проявления национального менталитета: Материалы межрегиональной научной конференции. Челябинск, 2003. С. 3.

Духовность и красота как явление культуры в образовательном процессе: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Д.Ж. Валеева и 90-летию К. Киньябулатовой / Отв. ред. Г.Р. Муллагалеева. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. 336 с.

Духовный мир аргаяшских башкир / Сост. К.Д. Муртазин, Р.Ю. Мухаметьянов. Челябинск, 2012. 80 с. (на башк. яз.).

Муртазин К.Д. Фольклор башкир Челябинской области // Ватандаш. 2012. № 3. С. 200–206.

Нагаева Л.И. Башкирская народная хореография. Уфа: Китап, 1995. 144 с.

Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3, Оп. 2, Д. 8, 245, 474, 865.

Сальманова Л.К. Заметки на темы аргаяшских протяжных песен // Башкирский фольклор: исследования и материалы. Вып. III. Уфа: Гилем, 1999. С. 199–222.

Сиражетдинова Н.М. Башкирские народные песни о любви и их образная символика на примере песен, зафиксированных на территории Челябинской области // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 1. С. 190–192.

Сиражетдинова Н.М. Отражение семейных традиций в песенном фольклоре аргаяшских башкир // Семья и семейные традиции у народов Башкортостана: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной «Году социальной защиты семьи». Учалы, 2008. С. 108.

Сиражетдинова Н.М. Песенное творчество челябинских башкир. Уфа: Башк. энцикл., 2018. 204 с.

Фольклор челябинских башкир (материалы и исследования) / Сост. Г.Р. Хусаинова, Г.В. Юлдыбаева, Ф.Ф. Гайсина. Уфа, 2012. 204 с. (на башк. яз.).

Хакимов Р.Ш. Аргаяшская земля: история и современность. Челябинск: Книга, 2005. 310 с.

Харисов А. Сказание о Мамай-хане // Агидель. 1972. № 5. С. 118–119. (на башк. яз.).

Хусаинова Г.Р. Башкирская фольклористика в системе современной гуманитарной науки (опыт собирания, издания, исследования) // Известия УФИЦ РАН. Серия: История. Филология. Культура. 2024. Т. 1. № 1. С. 89–96.

Хусаинова Г.Р. О современном состоянии фольклора челябинских башкир // Хусаинова Г.Р., Юлдыбаева Г.В. Современное состояние башкирского фольклора (сборник научных трудов). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 36–46.

Шарапова И.Р., Хусаинова Г.Р. Из истории собирания и изучения фольклора башкир Российской Федерации // Genesis: исторические исследования. 2023. № 12. С. 1–9.

Юлдыбаева Г.В. Современное состояние народного творчества башкир Челябинской области // Хусаинова Г.Р., Юлдыбаева Г.В. Современное состояние башкирского фольклора (сборник научных трудов). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 29–36. (на башк. яз.).

REFERENCES

Bashkir folk art. Epic. Vol. 4. Kitap, Ufa, 1999. 400 p. (In Bash.)

Bashkir folk art. Epos. Book 3. Bashkortostan Book Publishing House, Ufa, 1981. 344 p. (In Bash.)

Bashkir folk art. Munajats. Vol. XV. Kitap, Ufa, 2018. 296 p. (In Bash.)

Bashkir folk art. Vol. 11. Short-story fairy tales. Kitap, Ufa, 2008. 568 p. (In Bash.)

Folklore of the Chelyabinsk Bashkirs (materials and research). Comp. G.R. Khusainova, G.V. Yuldybaeva, F.F. Gaisina. Ufa, 2012. 204 p. (In Bash.)

Gaisina, F.F. 2010, “Argayash region – a source of spiritual heritage”, *Vatandash*, no. 2, pp. 180–185. (In Bash.)

Gaisina, F.F. 2010, “Damir Valeev is a folklorist”, *Dukhovnost' i krasota kak yavleniye kul'tury v obrazovatel'nom protsesse: Materialy III Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu so dnya rozhdeniya D.J. Valeyeva i 90-letiyu K. Kin'yabulatovoy*, (“Spirituality and Beauty as a cultural phenomenon in the educational process: Materials of the III All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 70th anniversary of the birth of D.J. Valeev and the 90th anniversary of K. Kinyabulatoeva”), RIC Bashgu, Ufa, pp. 28–34. (In Bash.)

Gaisina, F.F. 2011, “On the issue of studying the folklore of the Argayash Bashkirs”, *Bashkirskiy fol'klor: issledovaniya i materialy* (“Bashkir folklore: research and materials”), vol. VI, Gilem, Ufa, pp. 301–310. (In Bash.)

Galina, S.A. 2003, “Folklore of the Bashkirs of the Chelyabinsk region”, *Yazyk i literatura kak sposoby proyavleniya natsional'nogo mentaliteta. Materialy mezhtseoblastnykh nauchnykh konferentsiy* (“Language and literature as ways of expressing the national mentality. Materials of the interregional scientific conference”), Chelyabinsk, p. 3. (In Bash.)

Khakimov, R.S. 2005, *Argayash land: history and modernity*. Kniga, Chelyabinsk, 310 p. (In Russ.)

Kharisov, A. 1972, “The legend of Mamai Khan”, *Agidel*, no. 5, pp. 118–119. (In Bash.)

Khusainova, G.R. 2012, “About the current state of folklore of the Chelyabinsk Bashkirs”, *Khusainova, G.R., Yuldybaeva, G.V. Sovremennoye sostoyaniye bashkirskogo fol'klora (sbornik nauchnykh statey)* (Khusainova,

G.R., Yuldybaeva, G.V. “The current state of Bashkir folklore (collection of scientific articles)”, IYal UNC RAN, Ufa, pp. 36–46. (In Russ.)

Khusainova, G.R. 2024, “Bashkir folklore studies in the system of modern humanities (experience of collecting, publishing, research)”, *Proceedings of the UFRC RAS. Series: History. Philology. Culture*, vol. 1. no. 1, pp. 89–96. (In Russ.)

Murtazin, K.D. 2012, “Folklore of Bashkirs of the Chelyabinsk region”, *Vatandash*, no. 3, pp. 200–206. (In Bash.)

Nagaeva, L.I. 1995, *Bashkir folk choreography*. Kitap, Ufa, 144 p. (In Russ.)

Salmanova, L.K. 1999, “Notes on the themes of Argayash long-drawn songs”, *Bashkirskiy fol'klor: issledovaniya i materialy*. Vyp. 3 (“Bashkir folklore: research and materials. Vol. III”), Gilem, Ufa, pp. 199–222. (In Russ.)

Scientific Archive of the UFRC RAS: f. 3, inv. 2, c. 8, 245, 474, 865. (In Bash.)

Sharapova, I.R., Khusainova, G.R. 2023, “From the history of collecting and studying folklore of the Bashkirs of the Russian Federation”, *Genesis: historical research*, no. 12, pp. 1–9. (In Russ.)

Sirazhetdinova, N.M. 2008, “Reflection of family traditions in the song folklore of the Argayash Bashkirs”, *Sem'ya i semeinyye traditsii u narodov Bashkortostana: Materialy Mezhhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchonnoy «Godu sotsial'noy zashchity sem'i»* (“Family and family traditions among the peoples of Bashkortostan: Materials of the Interregional scientific and practical conference dedicated to the “Year of Social protection of the family””), Uchaly, p. 108. (In Russ.)

Sirazhetdinova, N.M. 2009, “Bashkir folk love songs and their figurative symbolism on the example of songs recorded on the territory of the Chelyabinsk region”, *Bulletin of Bashkir University*, vol. 14, no. 1, pp. 190–192. (In Russ.)

Sirazhetdinova, N.M. 2018, *Songwriting of the Chelyabinsk Bashkirs*. Bashkir encyclopedia, Ufa, 204 p. (In Russ.)

Spirituality and beauty as a cultural phenomenon in the educational process: Materials of the III All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 70th anniversary of the birth of D.J. Valeev and the 90th anniversary of K. Kinyabulatova. RIC Bashgu, Ufa, 2010, 336 p. (In Russ.)

The spiritual world of the Argayash Bashkirs. Chelyabinsk, 2012. 80 p. (In Bash.)

Valeev, D.J. 1980, “Bashkir songs of the Argayashsky district of the Chelyabinsk region according to the records of 1978”, *Fol'klor narodov RSFSR. Mezhhvuzovskiy nauchnyy sbornik* (“Folklore of the peoples of the RSFSR. Interuniversity scientific collection”), Bashgu, Ufa, pp. 20–27. (In Russ.)

Valeev, D.J. 1981, “New recordings of Bashkir historical songs”, *Fol'klor narodov RSFSR. Mezhhvuzovskiy nauchnyy sbornik* (“Folklore of the peoples of the RSFSR. Interuniversity scientific collection”), Bashgu, Ufa, pp. 156–162. (In Russ.)

Valeev, D.J. 1996, *The spiritual heritage of the Argayash Bashkirs: folk songs, myths, legends*, Gilem, Ufa, 76 p. (In Bash.)

Valeev, D.J. 1999, “Argayash Bashkirs and their historical roots”, *Vatandash*, no. 12, pp. 111–118. (In Russ.)

Valeev, D.J. 2001, “Oral folk art of the Argayash Bashkirs”, *Vatandash*, no. 5, pp. 142–154. (In Bash.)

Valeev, D.J. 2002, *The fate of the Argayash Bashkirs: history and modernity*. Gilem, Ufa, 156 p. (In Russ.)

Valeev, D.J., Alkin M.S., Mukhametzhano, R.S. 1979, “New recordings of Bashkir historical songs”, *Fol'klor narodov RSFSR. Mezhhvuzovskiy nauchnyy sbornik* (“Folklore of the peoples of the RSFSR. Interuniversity scientific collection”), Bashgu, Ufa, pp. 161–165. (In Russ.)

Yuldybaeva, G.V. 2012, “The current state of folk art of Bashkirs of the Chelyabinsk region”, *Khusainova, G.R., Yuldybaeva, G.V. Sovremennoye sostoyaniye bashkirskogo fol'klora (sbornik nauchnykh statey)* (Khusainova, G.R., Yuldybaeva, G.V. “The current state of Bashkir folklore (collection of scientific articles)”, IYal UNC RAN, Ufa, pp. 29–36. (In Bash.)

Сведения об авторе

Фанира Фасхетдиновна Гайсина, кандидат филологических наук, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: gais73@mail.ru. ORCID: 0000-0002-1589-9771

Information about the author

Fanira F. Gaisina, Cand. Sc. (Philology), Order of the Badge of Honour of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, the Russian Federation, Ufa. E-mail: gais73@mail.ru. ORCID: 0000-0002-1589-9771

ПРОФСОЮЗЫ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В.

Шамиль Наилевич Исянгулов

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Уфа, Россия

E-mail: isangul-schamil@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается динамика общественного мнения в отношении профсоюзных организаций в Башкортостане в постсоветский период. Анализ научной литературы свидетельствует о недостаточной изученности проблемы. Основными источниками, используемыми в статье, кроме архивных документов, стали материалы периодической печати. В работе отмечается, что в период перехода к рыночным отношениям профсоюзы перестроили свою работу с упором на усиление защиты прав наемных работников, начали взаимодействовать со всеми ветвями государственной власти, вели переговоры с работодателями и заключали соглашения и коллективные договоры. Невыполнение соглашений со стороны предприятий и государства вынуждало профсоюзы организовывать коллективные акции: митинги, забастовки, пикеты. В начале 1990-х гг., как показали социологические исследования, доверие граждан к профсоюзам оставалось высоким, парадоксально сочетаясь в то же время с недоверием ко всем политическим силам. Скорее всего, именно недоверием к профсоюзам объясняются попытки создания новых общественных организаций в 1990-е гг., объединяющих рядовых тружеников. Многие работники высказывали недовольство нерешительными действиями профсоюзов, призывали их обращать внимание на защиту интересов трудящихся. Специальные исследования констатировали снижение авторитета профсоюзов среди работников с начала 1990-х по начало 2010-х гг. В то же время профсоюзные лидеры отмечали пассивность и инертность рядовых членов профсоюзов, их неучастие в коллективных акциях. Таким образом, с одной стороны, трудящиеся признавали профсоюзы единственными защитниками своих интересов, с другой – оценивали их деятельность критически, неохотно участвовали в коллективных мероприятиях.

Ключевые слова: профсоюзы, общественное мнение, Башкортостан, постсоветский период, коллективные акции

Цитирование: Исянгулов Ш.Н. Профсоюзы и общественное мнение в Республике Башкортостан в конце XX – начале XXI в. // Известия УФИЦ РАН. Серия: История. Филология. Культура. 2024. Т. 1. № 2. С. 163–170. DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.2.018>

Благодарности. Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00570-24-01 на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов

UDC 94(470.57)«19/20»

TRADE UNIONS AND PUBLIC OPINION IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN AT THE END OF THE 20TH – BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

Shamil N. Isyangulov

Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

E-mail: isangul-schamil@mail.ru

Abstract. The article examines the dynamics of public opinion regarding trade union organizations in Bashkortostan in the post-Soviet period. The analysis of the scientific literature indicates that the problem is insufficiently studied. The main sources used in the article, in addition to archival documents, were the materials

of the periodical press. The work notes that during the transition to market relations, trade unions restructured their work with an emphasis on strengthening the protection of the rights of employees, began to interact with all branches of government, negotiated with employers and concluded agreements and collective agreements. Non-fulfillment of agreements by enterprises and the state forced trade unions to organize collective actions: rallies, strikes, pickets. In the early 1990s, as sociological studies showed, citizens' trust in trade unions remained high, paradoxically combined, however, with distrust of all political forces. Most likely, it is precisely distrust of trade unions that explains the attempts to create new public organizations in the 1990s, uniting ordinary workers. Many workers expressed dissatisfaction with the indecisive actions of the trade unions, urging them to pay attention to protecting the interests of workers. Special studies have found a decrease in the authority of trade unions among workers from the early 1990^s to the early 2010^s. At the same time, trade union leaders noted the passivity and inertia of ordinary trade union members, their non-participation in collective actions. Thus, on the one hand, the workers recognized the trade unions as the only defenders of their interests, on the other, they assessed its activities poorly, reluctantly participated in collective events.

Keywords: The Republic of Bashkortostan, trade unions, public opinion, the state, collective actions, the post-Soviet period

Citation. Isyangulov, Sh.N., 2024, "Trade unions and public opinion in the Republic of Bashkortostan at the end of the 20th – beginning of the 21st century", *Proceedings of the UFRC RAS. Series: History. Philology. Culture*, vol. 1, no. 2, pp. 163–170. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.2.018>

Acknowledgements. This study was carried out within the framework of the state assignment of the UFRC RAS No. 075-00570-24-01 for 2024 and for the planning period of 2025 and 2026

Введение

В век информационного общества, бурного развития Интернета и средств коммуникаций общественное мнение как оценочное выражение общественных настроений способно серьезно повлиять на общественно-политическую обстановку в стране и мире. В связи с этим одной из актуальных задач исторической науки остается изучение общественных настроений, в том числе общественного мнения, в свете общественно-политического развития регионов России в современный период, анализ его эволюции с начала 1990-х гг. по сегодняшний день [Сулейманова, 2024. С. 41]. Интерес вызывают и общественное мнение в связи с деятельностью профсоюзных организаций в Башкортостане, и оценка их деятельности гражданами в наше время.

История профсоюзного движения в Башкортостане, особенно в 1990-е – начале 2000-х гг., изучена достаточно хорошо в работах М.А. Филимонова, в которых получили освещение практически все стороны деятельности профсоюзов, в том числе проведение массовых коллективных акций: митингов, забастовок и др. [Филимонов, 2002; 2009; Социальному партнерству..., 2004]. Отношение рядовых граждан к деятельности профсоюзов получило отражение также в работах социологов [Труд..., 2015. С. 266–273; Лукиянов, Бондаренко, 2015]. Однако общественные настроения граждан республики в связи с деятельностью профсоюзов в Башкортостане в конце XX – начале XXI вв. остаются недостаточно изученными.

Данная работа посвящена анализу динамики общественного мнения в отношении деятельности профсоюзных организаций в Башкортостане в постсоветский период.

Основными источниками, кроме архивных документов, стали материалы периодической печати. Мнение народа о деятельности профсоюзов, жалобы трудящихся, информация о коллективных акциях, законодательных инициативах профсоюзных организаций в 1990-е гг. периодически публиковались в газетах. Намного меньше таких материалов становится в 2000-е гг.

Результаты исследования

В условиях кризисных явлений в политической и социально-экономической сфере в стране в конце 1980-х – начале 1990-х гг. существенно изменились роль и функции профсоюзов в общественной жизни. В период перехода к рыночным отношениям профсоюзы перестроили свою работу с упором на усиление защиты прав наемных работников. Они начали взаимодействовать со всеми ветвями государственной власти, вели переговоры с работодателями, заключали соглашения и коллективные договоры и пр. [Сулейманова, 1991. С. 133–134; Филимонов, 2002. С. 235–236]. Профсоюзы участвовали в законодательной деятельности республиканских органов власти. В 1993 г. были приняты законы «О коллективных договорах и соглашениях в Республике Башкортостан» (14 июля), «О правах

профессиональных союзов Республики Башкортостан и гарантиях их деятельности» (5 ноября). Они имели большое значение в условиях отсутствия российского закона о профсоюзах.

В конце 1994 г. в Совете Федерации профсоюзов Республики Башкортостан был вновь создан отдел правовой защиты. Правовые инспекции проверяли предприятия, учреждения и организации, направляли работодателям представления об устранении нарушений трудового законодательства, участвовали в рассмотрении трудовых споров, проводили работу по взысканию задолженности заработной платы работников и т.д.

С 1991 г. Совет Министров (Кабинет министров) республики и Совет Федерации профсоюзов Республики Башкортостан заключали Соглашения по основным направлениям социальной защиты населения. С 1994 г. соглашения стали трехсторонними. В социальное партнерство вовлекалось и объединение работодателей. Невыполнение Генеральных и отраслевых соглашений со стороны предприятий и государства вынуждало профсоюзы организовывать коллективные акции: митинги, забастовки, пикеты.

Однако в условиях развала экономики, огромных долгов по заработной плате профсоюзы часто не имели возможности использовать свои права для привлечения виновных к ответственности, редко обращались в прокуратуру и судебные органы для решения принципиальных вопросов жизни трудовых коллективов и каждого работника в отдельности. Коллективные договоры на предприятиях в 1990-е гг. не выполнялись: прежде всего не выплачивалась вовремя заработная плата [Законы..., 1996]. Рабочий завода «Электроаппарат», председатель республиканского фонда рабочей солидарности А. Шолохов говорил: *«Каждому трудовому коллективу надо более полно использовать возможности и права, предоставляемые колдоговорами. Нужно требовать от администрации обязательной предоплаты в виде аванса, проводить регулярную хозяйственно-финансовую проверку их деятельности, а все назначения, перемещения согласовывать с рабочими»* [Шолохов, 1994].

Члены профсоюзов часто обращались в Совет Федерации профсоюзов Республики Башкортостан, рескомы с различными просьбами. Обращения в основном касались трудовых отношений: пенсионного обеспечения, вопросов оплаты труда, увольнения, трудоустройства, перевода на другую работу, претензий по жилищным вопросам и др. В 1990-е гг. рабочие в своих жалобах и письмах зачастую выражали свое несогласие с экономической политикой государства. Так, швея Уфимской швейной фабрики им. 8 Марта Т. Положенцева в 1994 г. писала: *«Исполняется год, как наше предприятие стало акционерным. В связи с этим наши рабочие, можно сказать, потеряли все права: не стало очереди на жилье, нормальной зарплаты, нет и нормальных условий труда и отдыха... Администрация же предприятия... не желает считаться с профсоюзом... Люди, оказавшиеся в невыносимых условиях, вынуждены увольняться с фабрики...»* [Положенцева, 1994].

В декабре 1991 – январе 1992 г. областной совет профсоюзов изучил общественное мнение по проблемам рабочего движения. 75 % опрошенных отмечали, что рабочее движение сегодня не является ведущей политической силой в стране. На вопрос «кто, на ваш взгляд, сегодня формулирует задачи, лозунги рабочего движения?» 55,8 % ответили: «профсоюзные лидеры», 37,5 % – «наиболее грамотные в политическом отношении рабочие», 6,3 % – «мафия, бывшая партийная номенклатура, дельцы теневой экономики». Швея Уфимского производственного швейного объединения им. 8 Марта Р. Галина говорила: *«Профсоюзы сегодня – единственная сила, в которую пока верят наши рабочие. А кто еще, скажите, поможет нам в это трудное время? Почти каждый живет в страхе за завтрашний день...»*. В то же время 89 % опрошенных не доверяли никому из известных авторитетов не только рабочего движения, но и политической жизни в целом. Лишь 9,7 % респондентов доверяли стачечным комитетам, некоторым из руководителей независимых профсоюзов Башкортостана. Рабочих в первую очередь волновали следующие проблемы: рост цен (73,0 %), нехватка продовольствия и товаров повседневного спроса (64,3 %), рост преступности (52,0 %), в меньшей степени – опасность нового переворота (7,1 %), диктатуры (7,3 %), распад СССР (17,1 %). Относительно форм массового протеста 34,2 % опрошенных считали, что лучше всего протестовать мирно, не выходить за рамки переговоров, 26 % – что главной формой массового протеста являются забастовки, 25 % – стачки, от 3 % до 7 % – демонстрации, обращения в суд, голодовки, пикетирования [Гордиенко, 1992. 21 февр.]. Таким образом, общественное сознание рабочих было противоречивым. Доверие к профсоюзам оставалось высоким, но парадоксально сочеталось с недоверием ко всем политическим силам.

В то же время общественное мнение констатировало изменения в положении профсоюзов. Председатель рескома профсоюза работников народного образования и науки С.Н. Пронина в 1994 г. утверждала, что в 1990-е гг. «профсоюз стал более уверенным». *«Мы научились отстаивать интересы на основе действующих законов. Люди почувствовали, что профсоюз нужен. У нас раньше не было социального партнерства ни с администрацией, ни с Министерством народного образования, ни с правительством республики на основе коллективных договоров и соглашений... Профсоюз начал участвовать в законотворчестве... Раньше в нашей работе больше было формализма, надуманных*

вопросов. Сегодня больше стало оперативности в решении конкретных проблем, и в первую очередь нас интересует человек с его радостями и заботами». Примерно такого же мнения придерживались и другие руководители республиканских комитетов профсоюзов [От конференции к конференции, 1994].

Однако социально-экономическое положение трудящихся в 1990-е гг. продолжало ухудшаться. Токарь Ю.С. Федоров (г. Белебей) на Учредительном съезде движения «Трудовая Башкирия» в июле 1992 г. заявил: *«Идет банкротство, сокращение людей с предприятий. Рабочие уже не хозяева предприятий, разговор об их акционировании смешон. «Народные» избранники приготовили народу новые испытания, лишения и потери, отняв право на труд, бесплатное здравоохранение, образование и культуру. Власть Советов отдана неизвестно кому, людей труда там нет. Рабочему классу надо брать власть на предприятиях в свои руки...»* [Гордиенко, 1992. 25 июля]. Бывший сменный мастер УМПО Л. Кривцова говорила: *«Сегодня нас не защищает ни власть, ни профсоюз... Нынешние профсоюзы продались администрации. Надо создавать свои новые профсоюзы, Советы снизу в бригадах, отделах, цехах»* [Еварестов, 1992]. Фрезеровщик Белорецкого металлургического комбината М. Ганин считал: *«И сегодня профсоюзы могли бы стать мощной силой, противостоящей некомпетентным действиям властей в экономической сфере, и опорой демократических сил, противостоящих автократическим поползновениям новой номенклатуры. Но старая привычка потрафлять власть имущим берет свое. Думается, нужно новое поколение профсоюзов»*. По его мнению, в ходе отчетно-выборной кампании создать новый профсоюз было вполне реально [Ганин, 1994]. Ведь в отличие от советского периода многие профкомы теперь в ходе отчетно-выборных кампаний получали неудовлетворительную оценку своей работы.

С ухудшением положения предприятий и учреждений, падением жизненного уровня членов профсоюза снижались и доверие людей к профсоюзам, вера в их возможность выполнить защитные функции. В 1998 г. даже генеральный директор одного из акционерных обществ обращался к председателю профкома: *«Ну, где же вы, профсоюзы? Почему не защищаете нас, почему не поддержали горняков в их последних выступлениях?»* [Андреев, 1998].

Материалы опроса, проведенного на промышленных и строительных предприятиях республики в марте 2001 г., показали низкую эффективность деятельности профсоюзов. На вопрос *«как Вы оцениваете роль профсоюзов в защите прав и интересов трудящихся?»* 54,7 % респондентов ответили, что *«защита осуществляется, но недостаточно»*, 17,7 % указали, что *«профсоюз фактически ничего не делает»*, и лишь 18,8 % признались, что *«профсоюз хорошо защищает наши интересы»*. На вопрос *«как Вы оцениваете действия профсоюзного комитета в кризисных, конфликтных ситуациях с администрацией предприятия (цеха)»* утвердительно ответили 11,5 % опрошенных, 24,8 % считают, что профком идет на поводу у администрации, а 45,7 % – ищет компромиссные решения [Филимонов, 2002. С. 269].

В 2009 г. социологический опрос среди рабочей молодежи показал, что лишь 26,4 % респондентов считали, что профсоюз защищает права и интересы молодых работников, а более трети являлись членами профсоюза по инерции. На вопрос о том, чем должен заниматься профсоюз, опрошенные ответили следующим образом: повышать заработную плату (48,4 %), решать жилищные проблемы (35,2 %), не допускать незаконных увольнений (30,8 %), бороться с задержкой выплаты зарплаты (18,6 %). Однако эти ожидания не всегда оправдывались: только 0,3 % посчитали, что профком занимается установлением достойной зарплаты для молодых работников. Лишь 5,7 % отметили, что улучшаются жилищные условия [Филимонов, 2009. С. 32–33].

По данным социологических исследований за 2012 г., профсоюзы играли все меньшую роль на предприятиях. На вопрос *«согласны ли Вы с мнением, что профсоюзы сегодня играют все меньшую роль на предприятиях»* 40,5 % опрошенных полностью согласились, 31,1 % ответили *«скорее согласен»*, а 14,3 % – *«скорее не согласен»* и *«полностью не согласен»*. По мнению респондентов, профсоюзы выполняют в основном организационные и социально-экономические функции (распределение путевок, организация спортивных и культурно-массовых мероприятий, проведение диспансеризации). Такое восприятие у населения, как считают исследователи, сохранилось с советских времен. Только 5,9 % опрошенных упомянули, что профсоюз оказывал юридическую помощь, 9,6 % респондентов указали, что профсоюз улаживал конфликты работников с руководством. Более половины респондентов считали, что профсоюз не помогает защищать права работников. 20 % опрошенных ничего не знали о деятельности профсоюзов. Большинство трудящихся не было склонно обращаться в профсоюзы для защиты своих прав [Труд..., 2015. С. 270–271; Лукиянов, Бондаренко, 2015. С. 18–20]. Таким образом, социологические исследования показали, что с конца XX в. вплоть до начала 2010-х гг. происходило неуклонное уменьшение авторитета профсоюзов в республике.

В то же время, несмотря на заключение коллективных договоров и соглашений с Правительством РБ, объединениями работодателей, их невыполнение, как уже было отмечено, вынуждало профсоюзы идти на крайние меры. С 1991 г. ежегодными становятся коллективные акции профсоюзов. Весной и осенью в ходе Дней единства действий профсоюзов, во время которых проводились собрания

трудовых коллективов, выдвигались требования и обращения к руководству РФ и республики. Однако и в эти дни лидеры профсоюзов искали компромисса с руководством республики и работодателями. По данным социологических опросов 1994 г., подавляющее большинство профактива внесло предложение сосредоточить усилия профсоюзов в дни коллективных действий не на проведении митингов, манифестаций, забастовок, а вести конструктивный диалог с Правительством РБ, главами администраций городов и районов, работу с депутатами республики [Информация..., Л. 65]. Накануне весенней коллективной акции в марте 1997 г. с руководителями профсоюзов республики встретился Президент РБ М.Г. Рахимов. Он признал обоснованность ряда требований профсоюзов: *«Душой и мыслями я с теми, кто собирается 27 марта выйти на улицы. Несмотря на многочисленные заверения, улучшений ни в производстве, ни в социальной сфере не наступает, простые люди живут все хуже и хуже. Пока не будет поддержки отечественного производителя на уровне федерального правительства, улучшений ждать не приходится. Разумеется, не все проблемы решаются в Москве: не дорабатывают и руководители на местах. Как бы мы ни пытались искоренить факты злоупотреблений, их еще достаточно много. Возмутительно, когда директор получает десятки миллионов, а рабочие свою мизерную зарплату видят не каждый месяц»* [Цит. по: Социальному партнерству..., 2004. С. 110–111]. В то же время президент РБ на ряде примеров показал иждивенчество и безынициативность ряда коллективов и профсоюзных организаций, которые мало что делали сами.

Отметим некоторые итоги коллективных акций профсоюзов республики за отдельные годы. Так, в октябре 1992 г. по республике было проведено более 14 тыс. профсоюзных собраний и митингов трудовых коллективов, на которых обсуждено Обращение Совета Федерации профсоюзов РБ к Президенту РФ Б.Н. Ельцину с конкретными требованиями в защиту прав трудящихся, всего населения, выражен решительный протест против продолжающегося развала экономики, обнищания народа, роста преступности и процветания спекуляции [Требования..., 1992]. В рамках акции профсоюзов 9 апреля 1998 г. в республике была приостановлена работа на 889 предприятиях с участием более 125 тыс. трудящихся. Всего состоялось 2327 собраний, активов, круглых столов, на которых рассмотрены социально-экономические процессы. В них приняли участие свыше 273 тыс. человек [Кочергин, 1998]. Одним из основных требований коллективной акции профсоюзов осенью 1998 г. стало и требование отставки Президента РФ Б.Н. Ельцина [Резолюция..., Л. 1–3; Требования..., 1998]. 16 декабря 2000 г. Совет Федерации профсоюзов РБ провел митинг представителей трудовых коллективов республики под лозунгом *«Нет правительственному варианту Трудового кодекса Российской Федерации!»*, *«Нет произволу работодателей!»*. Журналист Ю. Никифоров накануне акции высказывал сильные сомнения в ее действенности: *«Руководители профсоюзов намерены всколыхнуть, поднять народ на защиту проекта восьми. Задача архисложная. Большинство людей имеют очень смутное представление как об этом проекте, так и о трех остальных. Это во-первых. А во-вторых, немало граждан и сегодня, при старом КЗоТе, вынуждены терпеть самоуправство распоясавшихся, зарвавшихся работодателей. Они боятся оказаться на улице и потому предпочитают не протестовать, а молчать»* [Никифоров, 2000]. В итоге правительственный вариант Трудового кодекса был отозван из Государственной Думы и обсуждался в более поздние сроки [Социальному партнерству..., 2004. С. 113–114].

Профсоюзные лидеры учитывали, что *«большинство рядовых членов профсоюза, делегируя свои права профсоюзам, занимают сами пассивную позицию»* [Информация..., Л. 66]. Инертность и пассивность граждан даже в бурные 1990-е гг. оставались весьма значительными [История Башкортостана..., 2005. С. 185]. Председатель профкома предприятия авиационной промышленности накануне 1 мая 1999 г. сокрушался: *«Профсоюзу приходится отдуваться и за простаивание предприятия, и за невыплату зарплаты, и за вояжи заводского начальства за границу... Досаднее всего, что при этом, вместо того, чтобы поддержать профсоюзы акциями протеста, многие предпочитают отсиживаться дома. Профком, конечно, и на Первомай выйдет в полном составе, но на результативность наших акций можно рассчитывать только тогда, когда они будут действительно всенародными...»* [Захаров, 1999].

Рабочие же предъявляли свои претензии к профсоюзам. Электрик Уфимского производственного объединения «Геофизприбор» Н. Гайсин накануне осенней коллективной акции в 1994 г. говорил: *«А профсоюзам нашим надо быть настойчивее и требовательнее в защите интересов рабочего человека. Хватит просить подачки у правительства. Мы требуем своего, заработанного. Акцию протеста профсоюзов поддерживаю. Но что-то сомневаюсь в ее положительных результатах»*. Старший мастер этого предприятия Г. Жданов отмечал: *«Хорошо, что профсоюзы не только требуют от правительства, но и предлагают свои варианты выхода из кризиса, смягчения напряженности. Думаю, не хватает им последовательности и настойчивости»* [Михайлов, 1994].

Накануне осенних коллективных действий в 1998 г. токарь Н. Исламов говорил: *«Основной лозунг предстоящей акции профсоюзов должен быть «Нет – губительному курсу реформ!»* Думаю, что он не станет единственным. Проблем назрело много, и о них люди скажут свое слово. Хотелось бы, чтобы все поняли: только массовые выступления дадут какой-то результат» [Ваше отношение..., 1998; Ваше

отношение к Всероссийской акции..., Л. 5]. Оператор Н.С. Рахматуллин отмечал: «*Забастовка так забастовка, только вот у нас профком очень робкий, а настоящего лидера нет*» [Вот что сказали..., 1998]. Основные требования в 1990-е гг. предъявлялись к Президенту и Правительству РФ. В то же время критике подвергались и республиканские органы власти. Так, осенью 1998 г. ответственный секретарь Совета Федерации профсоюзов Башкортостана А. Гордиенко писал, что «...нас удивляет законотворческая политика парламентариев РБ. Законы, касающиеся интересов небольшой категории граждан (скажем, предпринимателей), принимаются, как правило, без задержек, а законы, внесенные профсоюзами, от которых зависит жизнь миллионов трудящихся, застревают...» [Гордиенко, 1998].

Заключение

Таким образом, профсоюзы в постсоветский период стали одним из главных механизмов, защищающих права рабочих – наемных работников. Главное внимание в своей деятельности они уделяли заключению трехсторонних коллективных договоров и соглашений, контролю за их выполнением. Невыполнение условий договоров вынуждало профсоюзы проводить коллективные акции: митинги, забастовки, пикеты. Однако рядовые члены профсоюзов сами не всегда выходили на эти акции. В то же время общественное мнение, что парадоксально, критически оценивало деятельность профсоюзов по защите прав работников. Скорее всего, данным обстоятельством объясняются попытки создания новых общественных организаций вне профсоюзов в 1990-е гг., которые бы объединили работников (движение «Трудовая Башкирия» и др.). Специальные исследования констатировали снижение авторитета профсоюзов среди граждан с начала 1990-х по начало 2010-х гг. Преобладание иждивенческих настроений, патерналистских ожиданий, надежд на решение трудовых и экономических проблем со стороны профсоюзов – характерные черты общественных настроений и в постсоветский период. Все это свидетельствует о продолжении доминирования в общественном мнении традиционных взглядов, уходящих корнями в историю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев П. Единство – главное условие // Известия Башкортостана. 1998. 25 авг.
«*Ваше отношение к акции профсоюзов 7 октября 1998 года?*» // Известия Башкортостана. 1998. 24 сент.
Ваше отношение к Всероссийской акции профсоюзов 7 октября 1998 года // Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. П-10207. Оп. 1. Д. 9. Л. 4–5.
Вот что сказали прохожие нашему корреспонденту // Известия Башкортостана. 1998. 25 авг.
Ганин М. Хватит застоя // Известия Башкортостана. 1994. 24 июня.
Гордиенко А. Кредит доверия не беспределен // Известия Башкортостана. 1998. 1 окт.
Гордиенко А. Мы против забастовок, но... // Советская Башкирия. 1992. 21 февр.
Гордиенко А. Рабочим – рабочий союз // Советская Башкирия. 1992. 25 июля.
Еварестов С. «Защитим свои интересы!» – заявили рабочие Уфы // Советская Башкирия. 1992. 2 сент.
Законы есть, и вроде бы их нет, или как используют свои права профсоюзы // Известия Башкортостана. 1996. 23 февр.
Захаров И. Первомай: каким он видится сегодня? // Известия Башкортостана. 1999. 22 апр.
Информация о работе Совета Федерации профсоюзов Республики Башкортостан с марта 1993 года // Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. П-8897. Оп. 4. Д. 3124. Л. 49–66.
История Башкортостана. 1917–1990-е годы: в 2-х т. / Отв. ред. Р.Н. Сулейманова. Т. 2: 1945–1990. Уфа: Гилем, 2005. 313 с.
Кочергин Н. Акция протеста – результат социальных проблем // Известия Башкортостана. 1998. 16 апр.
Лукиянов М.Ю., Бондаренко А.В. Роль профсоюзов в системе трудовых отношений в Республике Башкортостан: социологический анализ // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2015. № 4. С. 17–20.
Михайлов Н. Как живешь, рабочий? // Известия Башкортостана. 1994. 14 окт.
Никифоров Ю. У последней черты // Вечерняя Уфа. 2000. 6 дек.
От конференции до конференции // Известия Башкортостана. 1994. 9 дек.
Положенцева Т. Кому нужна такая приватизация // Известия Башкортостана. 1994. 29 апр.
Резолюция участников республиканского митинга профсоюзов 7 октября 1998 года // Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. П-10207. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–3.
Социальному партнерству в Республике Башкортостан – 10 лет: История, опыт, проблемы. Уфа: Багира, 2004. 128 с.
Сулейманова Р.Н. Историческая наука в Башкортостане: становление, итоги и перспективы развития // Известия УФИЦ РАН. Серия: История. Филология. Культура. 2024. № 1. С. 37–43.

Сулейманова Р.Н. Общественные организации Башкирии на современном этапе: новые аспекты деятельности // Страницы истории Башкирской республики: новые факты, взгляды, оценки. Уфа: Изд-во Башкортостан, 1991. С. 131–141.

Требования профсоюзов поддержаны // Советская Башкирия. 1992. 29 окт.

Требования участников пикетирования здания Кабинета Министров Республики Башкортостан в поддержку Всероссийской акции протеста 7 октября 1998 года // Известия Башкортостана. 1998. 15 окт.

Труд, занятость и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан / Под общ. ред. Р.М. Валиахметова, Г.Р. Баймурзиной, Н.М. Лавренюк. Уфа: Восточная печать, 2015. 360 с.

Филимонов М.А. Профсоюзы Башкортостана в XX веке: социальные ориентиры и опыт практической деятельности. Уфа: УГАТУ, 2002. 294 с.

Филимонов М.А. Профсоюзы в системе социальных институтов защиты трудовых прав российской молодежи // Социальная политика и социология. 2009. № 8. С. 26–34.

Шолохов А. Я так считаю... // Известия Башкортостана. 1994. 15 апр.

REFERENCES

Andreev, P. 1998, “Unity is the main condition”, *Izvestiya Bashkortostana* (“News of Bashkortostan”), August 25. (In Russ.)

“Demands of participants in the picketing of the building of the Cabinet of Ministers of the Republic of Bashkortostan in support of the All-Russian protest action on October 7, 1998”, *Izvestiya Bashkortostana* (“News of Bashkortostan”), 1998, October 15. (In Russ.)

Evarestov, S. 1992, “Let’s protect our interests!” – said the workers of Ufa”, *Sovetskaya Bashkiriya* (“Soviet Bashkiria”), September 2. (In Russ.)

Filimonov, M.A. 2009, “Trade unions in the system of social institutions for the protection of labor rights of Russian youth”, *Social policy and sociology*, no. 8, pp. 26–34. (In Russ.)

Filimonov, M.A. 2002, *Trade unions of Bashkortostan in the 20th century: social guidelines and practical experience*. UGATU, Ufa, 294 p. (In Russ.)

“From conference to conference”, *Izvestiya Bashkortostana* (“News of Bashkortostan”), 1994, December 9. (In Russ.)

Ganin, M. 1994, “Enough of stagnation”, *Izvestiya Bashkortostana* (“News of Bashkortostan”), June 24. (In Russ.)

Gordienko, A. 1998, “Credit of trust is not unlimited”, *Izvestiya Bashkortostana* (“News of Bashkortostan”), October 1. (In Russ.)

Gordienko, A. 1992, “For workers – a workers’ union”, *Sovetskaya Bashkiriya* (“Soviet Bashkiria”), July 25. (In Russ.)

Gordienko, A. 1992, “We are against strikes, but...”, *Sovetskaya Bashkiriya* (“Soviet Bashkiria”), February 21. (In Russ.)

History of Bashkortostan. 1917–1990^s: in 2 volumes. Vol. 2: 1945–1990. Gilem, Ufa, 2005. 313 p. (In Russ.)

Information on the work of the Council of the Federation of Trade Unions of the Republic of Bashkortostan since March 1993. National Archives of the Republic of Bashkortostan, f. P-8897, inv. 4, c. 3124, l. 49–66.

Kochergin, N. 1998, “Protest action is the result of social problems”, *Izvestiya Bashkortostana* (“News of Bashkortostan”), April 16. (In Russ.)

Labor, employment and human development. Report on the development of human potential in the Republic of Bashkortostan. Eastern Press, Ufa, 2015. 360 p. (In Russ.)

Lukiyanov, M.Yu., Bondarenko, A.V. 2015, “The role of trade unions in the labour relations system in the Republic of Bashkortostan: a sociological analysis”, *News from higher educational institutions. Sociology. Economics. Politics*, no. 4, pp. 17–20. (In Russ.)

Mikhailov, N. 1994, “How are you living, worker?”, *Izvestiya Bashkortostana* (“News of Bashkortostan”), October 14. (In Russ.)

Nikiforov, Yu. 2000, “At the last line”, *Vechernyaya Ufa* (“Evening Ufa”), December 6. (In Russ.)

Polozhentseva, T. 1994, “Who needs such privatization”, *Izvestiya Bashkortostana* (“News of Bashkortostan”), April 29. (In Russ.)

Resolution of the participants of the republican meeting of trade unions on October 7, 1998. National Archives of the Republic of Bashkortostan, f. P-10207, inv. 1, c. 7, l. 1–3.

Sholokhov, A. 1994, “I think so...”, *Izvestiya Bashkortostana* (“News of Bashkortostan”), April 15. (In Russ.)

Social partnership in the Republic of Bashkortostan is 10 years old: History, experience, problems. Bagira, Ufa, 2004. 128 p. (In Russ.)

Suleimanova, R.N. 2024, “Historical science in Bashkortostan: formation, results and prospects of development”, *Proceedings of the UFRC RAS. Series: History. Philology. Culture*, vol. 1, no. 1, pp. 37–43. (In Russ.)

Suleimanova, R.N. 1991, “Public organizations of Bashkiria at the present stage: new aspects of activity”, *Pages of the history of the Bashkir Republic: new facts, views, assessments*, Bashkortostan Publishing House, Ufa, pp. 131–141. (In Russ.)

“There are laws, but it seems they are not, or how trade unions use their rights”. *Izvestiya Bashkortostana* (“News of Bashkortostan”), 1996, February 23. (In Russ.)

“This is what passersby told our correspondent”, *Izvestiya Bashkortostana* (“News of Bashkortostan”), 1998, August 25. (In Russ.)

“Trade union demands supported”, *Sovetskaya Bashkiriya* (“Soviet Bashkiria”), 1992, October 29. (In Russ.)

“What is your attitude towards the trade union action on October 7, 1998?”, *Izvestiya Bashkortostana* (“News of Bashkortostan”), 1998, September 24. (In Russ.)

Your attitude to the All-Russian action of trade unions on October 7, 1998. National Archives of the Republic of Bashkortostan, f. P-10207, inv. 1, c. 9, l. 4–5. (In Russ.)

Zakharov, I. 1999, “May Day: how is it seen today?”, *Izvestiya Bashkortostana* (“News of Bashkortostan”), April 22. (In Russ.)

Сведения об авторе

Шамиль Наилевич Исянгулов, кандидат исторических наук, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: isangul-schamil@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5691-5566

Information About the Author

Shamil N. Isyangulov, Cand. Sc. (History), Order of the Badge of Honour of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, the Russian Federation, Ufa. E-mail: isangul-schamil@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5691-5566

**ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНОВ
В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ КАЗАХСКОГО, ТУРЕЦКОГО, АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО,
УЗБЕКСКОГО И БАШКИРСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Сарсенбай Куантаевич Кулманов

Институт языкознания им.А. Байтурсынова, Алматы, Казахстан

E-mail: k.k.sarsen@mail.ru

Акмарал Зинол-Габденкызы Бисенгали

Институт языкознания им. А. Байтурсынова, Алматы, Казахстан

E-mail: sarestek@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматриваются процесс заимствования, адаптация и особенности употребления иноязычных терминов в тюркских языках. Исследование было проведено на материале современного казахского, турецкого, азербайджанского, узбекского и башкирского языков. В результате исследования выделены основные особенности употребления иноязычных терминов в рассматриваемых тюркских языках: употребление с сохранением формы языка-источника либо языка-посредника; перевод иноязычных терминов посредством исконных слов тюркских языков; употребление терминов в соответствии с фонеморфологическими особенностями тюркских языков; оригинальное формообразование тюркских языков. Было установлено, что одним из главных факторов употребления иноязычных терминов в тюркских языках является экстралингвистический фактор, а именно употребление иноязычных терминов в казахском, узбекском и азербайджанском языках с сохранением формы языка-источника либо языка-посредника можно объяснить тем, что эти государства входили в состав бывшего Советского Союза. Башкортостан – регион России, и влияние на башкирский язык русского языка как государственного было и остается сильным. Языковая ситуация в Турции (с совершенно иной политической системой) развивалась по своим канонам. Как известно, в Турции меры по сохранению национального языка начались давно. Под строгим надзором Ататюрка многие меры, предпринятые во время «языковой революции», начавшейся в 1928 году и охватившей всю страну, были направлены на очищение турецкого языка от элементов, заимствованных из арабского и персидского языков.

Целью работы является выявление особенностей употребления иноязычных терминов в лексике рассматриваемых тюркских языков.

Методом исследования были избраны метод сбора, систематизации, анализа сопоставления данных, сравнительно-исторический метод, классификация и интерпретация.

Актуальность данной статьи заключается в рассмотрении особенностей освоения и адаптации иноязычных терминов в рассматриваемых тюркских языках.

Ключевые слова: тюркские языки, иноязычные термины, заимствованные слова, фонеморфологические особенности, формообразование тюркских языков

Цитирование: Кулманов С.К., Бисенгали А.З. Особенности употребления иноязычных терминов в тюркских языках (на материале казахского, турецкого, азербайджанского, узбекского и башкирского языков) // Известия УФИЦ РАН. Серия: История. Филология. Культура. 2024. Т. 1. № 2. С. 171–178. DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.2.019>

Благодарности. Исследование выполнено в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК «АР19679140 Сравнительное изучение лингвокогнитивных основ и процессов терминизации «тюркского мира» в казахском и турецком языках»

**FEATURES OF THE USE OF FOREIGN TERMS
IN TURKIC LANGUAGES
(BASED ON MATERIALS FROM KAZAKH, TURKISH, AZERBAIJANI,
UZBEK AND BASHKIR LANGUAGES)**

Sarsenbay K. Kulmanov

Institute of Linguistics named after A. Baitursynov, Almaty, Kazakhstan
E-mail: k.k.sarsen@mail.ru

Akmaral. Z. Bissengali

Institute of Linguistics named after A. Baitursynov, Almaty, Kazakhstan
E-mail: sarestek@gmail.com

Annotation. This article examines the process of borrowing, adaptation and peculiarities of the use of foreign language terms in the Turkic languages. The study was conducted on the material of modern Kazakh, Turkish, Azerbaijani, Uzbek and Bashkir languages. As a result, the main features of the use of foreign-language terms in the Turkic languages under consideration are highlighted: use with preservation of the form of the source language or interlingua; translation of foreign language terms using native words of Turkic languages; the use of terms in accordance with the phonomorphological features of the Turkic languages; the original formation of the Turkic languages. It has been determined that one of the main factors in the use of foreign language terms in the Turkic languages is the extralinguistic factor. Namely, the use of foreign language terms in the Kazakh, Uzbek and Azerbaijani languages while preserving the form of the source language or interlingua can be explained by the fact that these states were part of the former Soviet Union, and the Bashkir people are still part of Russia and influence on them. The Russian language was (and remains) strong. Türkiye, with a completely different political system, avoided a similar fate. As is known, in Türkiye, measures to preserve the national language began a long time ago. Under the strict supervision of Atatürk, many of the measures taken during the “language revolution” that began in 1928 and swept the whole country were aimed at cleansing the Turkish language of elements borrowed from Arabic and Persian.

The purpose of the work is to identify the peculiarities of the use of foreign terms in the vocabulary of the Turkic languages under consideration.

The method of collection, systematization, analysis, comparison of data, comparative historical method, classification and interpretation were chosen as the research method.

The relevance of this article is to consider the features of the development and adaptation of foreign language terms in the Turkic languages under consideration.

Keywords: Turkic languages, foreign language terms, loanwords, phonomorphological features, formation of Turkic languages

Citation. Kulmanov, S.K., Bissengali, A.Z., 2024, “Features of the use of foreign terms in turkic languages (based on materials from Kazakh, Turkish, Azerbaijani, Uzbek and Bashkir languages)”, *Proceedings of the UFRC RAS. Series: History. Philology. Culture*, vol. 1, no. 2, pp. 171–178. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.2.019>

Acknowledgements. This study was published as part of the grant financing of the CS MSHE RK «AP19679140 Comparative study of the linguistic and cognitive foundations and the processes of terminization of the "Turkic world" in the Kazakh and Turkish languages».

Введение

Известно, что любой язык мира заимствует слова из иностранных языков. Такие заимствованные слова делятся на две группы в зависимости от фонеморфологической адаптации принимающего языка: 1) слова, которые пишутся (произносятся) так же, как они пишутся на языке-источнике либо языке-посреднике; 2) слова, изменившие свой фонетико-морфологический облик и приспособившиеся к закономерностям принимающего языка.

В результате исследования выявлено, что использование лексики родного языка в качестве альтернативы иноязычным терминам хорошо развито в турецком языке, аналогичная ситуация наблюдается и в азербайджанском языке, а в казахском, узбекском и башкирском языках этот процесс все

еще на стадии разработки. Это объясняется тем, что в Турции языковая реформа, во главе которой стоял сам Ататюрк, началась гораздо раньше, в начале XX века в 1928 году, и в настоящее время она принесла свои плоды. В результате проведенных в ходе реформы основных мероприятий были достигнуты основные цели «языковой революции», нацеленной на обновление лексики, грамматики и стилистики турецкого языка: уменьшились различия между разговорным и литературным языком, увеличен запас исконно тюркских основ в литературном языке на 70–80%, расширилось поле социальной деятельности языка за счет развития терминологического фонда и стилистики турецкого языка [Öger, 2002].

Примерно то же самое можно сказать об азербайджанском языке. Языковые реформы в Азербайджане начались даже раньше, чем в Турции, в 1918 году. К слову, за последние сто лет азербайджанский алфавит менялся четыре раза. В 1991 году после распада СССР и обретения Азербайджаном независимости азербайджанский язык вновь был переведен на латинский алфавит. Как и во всех рассматриваемых нами языках, в лексике азербайджанского языка много слов, заимствованных из других языков, в том числе и европейских. Все эти слова вошли в азербайджанский язык через русский язык [Məmmədli, 2017].

В последнее время в тюркских языках наблюдается процесс «вживления» заимствованных слов согласно их нормам произношения. Например, в казахском языке термины в основном заимствуются через русский язык (пишутся и произносятся так же, как в русском). Тем не менее в последнее время можно наблюдать процесс замены русских букв удобными для казахского произношения звуками (буквами). Например: на английском – *euro*, на русском – *евро*, на казахском – *еуро*; на английском – *eurobank*, на русском – *евробанк*, на казахском – *еуробанк* и т.д.

В турецком, азербайджанском и узбекском языках это явление более распространено по сравнению с казахским и башкирским языками. Адаптация иноязычных терминов к фонеморфологическим особенностям родного языка преобладает в турецком языке, за ним следует азербайджанский язык, а в казахском, узбекском и башкирском языках эта тенденция встречается не так часто.

Основная часть

В современной орфографии казахского языка к заимствованным словам применяются два разных принципа: 1) исконно казахские слова и заимствованные слова из арабо-персидского языка пишутся (произносятся) согласно закономерностям казахского языка; 2) слова, поступающие из иностранных языков через русский язык, пишутся (произносятся) с учетом орфографии этого языка. В связи с этим: а) все заимствованные слова (в том числе и термины) следует писать согласно закономерностям казахского языка; б) существует противоречивое мнение, что заимствованные слова следует писать согласно русской орфографии. Исследование показывает, что в рассматриваемых тюркских языках, за исключением турецкого, преобладает второй принцип.

Известно, что ряд тюркоязычных государств, входивших в состав бывшего Советского Союза и получивших независимость, перешли на латиницу. Однако нельзя сказать, что в терминологии этих языков полностью решена проблема транслитерации и транскрипции терминов, заимствованных из иностранных языков. Исследование показывает, что эта проблема продолжает существовать во всех современных тюркских языках.

Большинство терминов, относящихся к науке и технике, вошедших в турецкий литературный язык, заимствованы без изменений, потому что они обычно означают «первоначальные названия понятий». В последние годы, в связи с процессом интеграции и глобализации, в турецкий язык в большом количестве вошли новые слова из европейских языков, как правило, их основу составляют латинские и итальянские слова [Гасанли, 2009. С. 15].

Термины, заимствованные в турецкий из иностранных языков, в основном классифицируются следующим образом: 1) термины науки и техники: а) медицинские термины: *stres (stress)* – *стресс*; *epikriz (epicrisis)* – *эпикриз*; *liposuction (liposuction)* – *липосакция*; б) компьютерные термины: *bit (bit)* – *бит*; *cobol (Cobol)* – *Кобол*; *çet (chat)* – *чат*; *haker (haker, hacker)* – *хакер*; *internet (internet)* – *интернет*; в) термины, связанные с флорой и фауной: *buldok (bulldog)* – *бульдог*; *flamingo (flamingo)* – *фламинго*; *çarliston (charleston)* – *чарльстон*; *greypprut (grape fruit)* – *грейпфрут*; г) искусство: *caz (jazz)* – *джаз*; *foktrot (fox-trott)* – *фокстрот*; *folk (folk)* – *фолк*; *hit (hit)* – *хит* и т.д.; 2) экономические термины: *bar (bar)*; *akseptans (acceptance)*; *banknot (bank-note)* – *банкнот*; *çek (check, cheque)* – *чек*; *fob (free on board)* – *фоб*, *kliring (clearing)* – *клиринг*; *aktüeryal (aktuarial)*; *marketing (marketing)* – *маркетинг*; *partner (partner)* – *партнер*; *brokir (broker)* – *брокер* и т.д.; 3) общественно-политическая лексика: *apartheyd (apartheid)* – *апартеид*; *boykot (boycott)* – *бойкот*, *dominyon (dominion)* – *доминион*, *lider (leader)* – *лидер*, *lord, lort (lord)* – *лорд* и т.д.; 4) спортивные термины: *ralli (rally)* – *ралли*; *sprint (sprint)* – *спринт*; *hokey (hockey)* – *хоккей*; *kriket (cricket)* – *крикет*; *kros (cross)* – *кросс* и т.д.; 5) термины шоу-бизнеса (мода, культура, музыка, кино, телевидение): *blazer (blazer)* – *блейзер*; *frak (frock)* – *фрак*; *kep (cap)* – *кепи*; *tabloid (tabloid)* – *таблоид*; *rating (rating)* – *рейтинг*, *soundtrack* – *саундтрек* и т.д. [Кахарманов, 2002. С. 137–142].

Как отмечают исследователи, термины, заимствованные в азербайджанский язык из иностранных языков, в основном адаптируются к закономерностям языка. Например, *infrastruktur* (инфраструктура), *magistral* (магистральный), *bakterial* (бактериальный), *industriya* (индустрия), *hidro-inşaat* (гидростроительство), *deaktivləşdirmək* (деактивизировать), *etnografiya* (этнография), *makrobentos* (макробентос), *makrofauna* (макро-фауна) и т.д. [Пашаева, 2014. С. 135–138].

Точно так же и в узбекский язык иноязычные термины в основном проникли через русский язык. Сегодня наблюдаются попытки приблизить их к произношению родного языка. Однако этот процесс не является глобальным, так, 30% терминов банковско-финансовой сферы в узбекском языке не адаптированы к родному языку. Например, *akkreditiv* (аккредитив), *aktiv* (актив), *aktsiya* (акция), *alimant* (алимент), *amortizatsiya* (амортизация), *arxiv* (архив), *auditor* (аудитор), *budget* (бюджет), *integratsiya* (интеграция), *fyuchers* (фьючерс), *resurs* (ресурс) и т.д. Большинство из этих терминов считаются «усвоенными» и «освоенными», поскольку они широко используются в общественной жизни [Ширинова, 2013. С. 70–72].

Заимствованные термины в башкирском языке классифицируются лингвистами как: 1) слова, структура которых соответствует иноязычным аналогам; 2) слова, частично оформленные средствами принимающего языка (сокращение либо выпадение аффиксальных элементов) [Кагарманов, 1981. С. 19].

По мнению исследователей, научно-техническая терминология современного башкирского языка развивается путем заимствования языковых единиц полностью либо их частей (корней, аффиксальных морфем, сокращенных слов и т. д.) из иностранных языков. Хотя некоторые термины были усвоены путем присоединения словообразовательных средств башкирского языка к корневым морфемам и путем калькирования, например *комбайнсы*, *нефтсе*, *подрядсы*, *тракторсы* и т.д., в разговорной и письменной речи параллельно употребляются слова *комбайнер*, *нефтяник*, *подрядчик*, *тракторист* [Зайнуллин, 1994. С. 51].

В башкирском языке термины, вошедшие в любую отрасль из иностранных языков, заимствуются по закономерностям языка-посредника, которым является русский язык (пишутся и произносятся одинаково). Например, термины спортивной отрасли: *софтбол*, *фристайл*, *кикбоксинг*, *пауэр-лифтинг*, *полиатлон*, *мини-футбол* и т.д.

Г.Г. Кагарманов, изучавший специальную лексику (профессиональную и терминологическую) башкирского языка, считает, что 60–65 % научной терминологии в башкирском языке заимствовано из русского языка и других иностранных языков через русский язык. Статистические данные по Толковому словарю башкирского языка («Башкорт теленен һүзлегә») (М., 1993) показывают следующую картину заимствования терминов: из латинского (328), греческого (225), русского (201), арабского (99), французского (86), немецкого (37), итальянского (31), английского (28), голландского (14) языков. Однако анализ башкирско-русского словаря («Башкортса-русса һүзлек») показывает преобладание исконно башкирской специальной лексики в области этнографии, ботаники, зоологии, истории и т.д. [Кагарманов, 2002. С. 129].

Все термины иноязычного происхождения в рассматриваемых тюркских языках по способам употребления условно подразделены нами на следующие группы:

- термины, употребленные с сохранением формы языка-источника либо языка-посредника;
- термины, являющиеся переводом иноязычных терминов посредством исконных слов;
- термины, употребленные в соответствии с фонеморфологическими особенностями тюркских языков;
- термины, имеющие оригинальное формообразование тюркских языков.

Употребление иноязычных терминов в тюркских языках с сохранением формы языка-источника либо языка-посредника

Как известно, внедрение иноязычных терминов в любой язык обусловлено прежде всего развитием науки и техники.

В казахский язык иноязычные термины были заимствованы через русский язык и «адаптированы» к норме произношения русского языка. Например: на английском – *agent*, на русском – *агент*, на казахском – *агент*; на английском – *bank*, на русском – *банк*, на казахском – *банк*; на английском – *grant*, на русском – *грант*, на казахском – *грант*; на английском – *deposit*, на русском – *депозит*, на казахском – *депозит*; на английском – *journal*, на русском – *журнал*, на казахском – *журнал*; на английском – *impeachment*, на русском – *импичмент*, на казахском – *импичмент*; на английском – *capital*, на русском – *капитал*, на казахском – *капитал*; на английском – *license*, на русском – *лицензия*, на казахском – *лицензия*; на английском – *memorandum*, на русском – *меморандум*, на казахском – *меморандум*; на английском – *oligarchy*, на русском – *олигархия*, на казахском – *олигархия*; на английском – *patent*, на русском – *патент*, на казахском – *патент*; на английском – *resident*, на русском – *резидент*, на казахском – *резидент*; на английском – *standard*, на русском – *стандарт*, на казахском – *стандарт*; на английском – *transit*, на русском – *транзит*, на казахском – *транзит*; на английском – *franchise*, на русском – *франшиза*, на казахском – *франшиза*.

казахском – *франшиза*; на английском – *hedge*, на русском – *хедж*, на казахском – *хедж*; на английском – *cedel*, на русском – *цедел*, на казахском – *цедел*; на английском – *cent*, на русском – *цент*, на казахском – *цент*; на английском – *charter*, на русском – *чартер*, на казахском – *чартер*; на английском – *cipher*, на русском – *шифр*, на казахском – *шифр*; на английском – *export*, на русском – *экспорт*, на казахском – *экспорт*; на английском – *usance*, на русском – *юзанс*, на казахском – *юзанс*; на английском – *yard*, на русском – *ярд*, на казахском – *ярд* и т.д.

подавляющее большинство иноязычных терминов, вошедших в сравниваемые тюркские языки, относятся к сфере науки и техники. Например: на английском – *accessory*, на турецком – *aksesuar*, на азербайджанском – *aksesuar*, на узбекском – *aksesuar*; на английском – *bank*, на турецком – *bank*, на азербайджанском – *bank*, на узбекском – *bank*; на английском – *index*, на турецком – *indeks*, на азербайджанском – *indeks*, на узбекском – *indeks*; на английском – *code*, на турецком – *kod*, на азербайджанском – *kod*, на узбекском – *kod*; на английском – *credit*, на турецком – *kredit*, на азербайджанском – *kredit*, на узбекском – *kredit*; на английском – *office*, на турецком – *ofis*, на азербайджанском – *ofis*, на узбекском – *ofis*; на английском – *patent*, на турецком – *patent*, на азербайджанском – *patent*, на узбекском – *patent*; на английском – *sertificate*, на турецком – *sertifikat*, на азербайджанском – *sertifikat*, на узбекском – *sertifikat*; на английском – *trance*, на турецком – *trans*, на азербайджанском – *trans*, на узбекском – *trans*; на английском – *softball*, на русском – *софтбол*, на башкирском – *софтбол*; на английском – *freestyle*, на русском – *софтбол*, на башкирском – *фристайл*; на английском – *kickboxing*, на русском – *кикбоксинг*, на башкирском – *кикбоксинг*; на английском – *power lifting*, на русском – *пауэр-лифтинг*, на башкирском – *пауэр-лифтинг*; на английском – *polyatlon*, на русском – *полиатлон*, на башкирском – *полиатлон*; на английском – *mini football*, на русском – *мини-футбол*, на башкирском – *мини-футбол* и т.д.

Употребление иноязычных терминов в казахском, узбекском и азербайджанском языках с сохранением формы языка-источника либо языка-посредника можно объяснить тем, что эти государства входили в состав бывшего Советского Союза. Башкортостан является регионом России, и влияние на башкирский язык русского как государственного языка Российской Федерации остается сильным. Языковая система Турции, поскольку политическая система там иная, развивалась по своим канонам.

Перевод иноязычных терминов посредством исконных слов

Употребление слов родного языка в качестве альтернативы иноязычным терминам в казахском языке началось еще в начале XX века с трудов Алашской интеллигенции, оно ослабло под влиянием языковой ситуации во времена Советского Союза и получило определенный импульс в годы самостоятельности. С развитием новых отношений в общественно-политической жизни была проведена работа по быстрому внедрению в казахский язык новых слов, отражающих жизнь самого общества. Изучение национальной языковой сокровищницы, эффективно применяемой в ходе осуществления этой деятельности, несомненно, обеспечит укрепление национального самосознания в обществе через язык и укрепление культурно-духовной автономности государства. Например: на английском – *authority*, на русском – *авторитет*, на казахском – *бедел*; на английском – *administration*, на русском – *администрация*, на казахском – *әкімшілік*; на английском – *blocking*, на русском – *блокировка*, на казахском – *бұғат*; на английском – *version*, на русском – *версия*, на казахском – *нобай*; на английском – *diversification*, на русском – *диверсификация*, на казахском – *әртараптандыру*; на английском – *document*, на русском – *документ*, на казахском – *құжат*; на английском – *initiative*, на русском – *инициатива*, на казахском – *бастама*; на английском – *collective*, на русском – *коллектив*, на казахском – *ұжым*; на английском – *method*, на русском – *метод*, на казахском – *әдіс*; на английском – *modernization*, на русском – *модернизация*, на казахском – *жаңғырту*; на английском – *motivation*, на русском – *мотивация*, на казахском – *уәжділік*; на английском – *neutrality*, на русском – *нейтральность*, на казахском – *бейтараптық*; на английском – *optimization*, на русском – *оптимизация*, на казахском – *оңтайландыру*; на английском – *organizer*, на русском – *организатор*, на казахском – *ұйымдастырушы*; на английском – *plan*, на русском – *план*, на казахском – *жоспар*; на английском – *privatization*, на русском – *приватизация*, на казахском – *жекешелендіру*; на английском – *region*, на русском – *регион*, на казахском – *өңір*; на английском – *recommendation*, на русском – *рекомендация*, на казахском – *ұсыным*; на английском – *season*, на русском – *сезон*, на казахском – *маусым*; на английском – *situation*, на русском – *ситуация*, на казахском – *жағдаят*; на английском – *sponsor*, на русском – *спонсор*, на казахском – *демеуші*; на английском – *structure*, на русском – *структура*, на казахском – *құрылым*; на английском – *sovereignty*, на русском – *суверенитет*, на казахском – *егемндік*; на английском – *unification*, на русском – *унификация*, на казахском – *біріздендіру*; на английском – *financing*, на русском – *финансирование*, на казахском – *қаржыландыру*; на английском – *fund*, на русском – *фонд*, на казахском – *қор*; на английском – *form*, на русском – *форма*, на казахском – *нысан*; на английском – *expert*, на русском – *эксперт*, на казахском – *сарапшы* и т.д.

В результате исследования установлено, что использование лексики родного языка в качестве альтернативы иноязычным терминам преобладает в турецком языке, за ним следует азербайджанский

язык, а в казахском, узбекском и башкирском языках это явление встречается не так регулярно и часто. Например: на английском – *act*, на турецком – *hareket*, на узбекском – *harakat*; на английском – *audit*, на турецком – *denetim*; на английском – *auditor*, на турецком – *denetçi*; на английском – *auctioner*, на турецком – *mezatçı*; на английском – *balance*, на турецком – *denge*, на азербайджанском – *balans*, на узбекском – *muvozanat*; на английском – *businessman*, на турецком – *işadamı*, на азербайджанском – *biznesmen*, *iş adamı*, на узбекском – *tadbirkor*; на английском – *debit*, на турецком – *borç*, на азербайджанском – *debet*, на узбекском – *debet*; на английском – *deposit*, на турецком – *mevduat*, на азербайджанском – *depozit*, *əmanət*, на узбекском – *depozit*; на английском – *dealer*, на турецком – *satici*, *toptancı*, *borsa ajanı*, на азербайджанском – *diler*, на узбекском – *sotuvchi*; на английском – *dualism*, на турецком – *ikilik*, на азербайджанском – *dualizm*, на узбекском – *dualizm*; на английском – *import*, на турецком – *ithalat*, на азербайджанском – *idخال*, на узбекском – *import*; на английском – *indicator*, на турецком – *gösterge*, на азербайджанском – *indiqator*, на узбекском – *belgisi*; на английском – *industry*, на турецком – *endüstri*, на азербайджанском – *sənaye*, *industri*, на узбекском – *sanoat*; на английском – *innovation*, на турецком – *yenilik*, на азербайджанском – *innovasiya*, *yenilik*, на узбекском – *yangilik*; на английском – *capital*, на турецком – *sermaye*, на азербайджанском – *kapital*, на узбекском – *sarmoya*; на английском – *client*, на турецком – *müşteri*, на азербайджанском – *müşteri*, на узбекском – *mijozlar*; на английском – *company*, на турецком – *şirket*, на азербайджанском – *şirkət*, на узбекском – *kompaniya*; на английском – *coefficient*, на турецком – *katsayi*, *koefitsyan*, на азербайджанском – *əmsal*, на узбекском – *nisbati*; на английском – *lot*, на турецком – *parça*, *tür*, *parti (mal)*, на азербайджанском – *lot*; на английском – *memorandum*, на турецком – *muhtıra*, на азербайджанском – *memorandum*, на узбекском – *memorandum*; на английском – *memorial*, на турецком – *anıt*, на азербайджанском – *memorial*, *xatirə*, на узбекском – *yodgorlik*; на английском – *manager*, на турецком – *yönetmen*, на азербайджанском – *menecer*, на узбекском – *menejer*; на английском – *monopoly*, на турецком – *tekel*, *tek satıcı*, на азербайджанском – *inhisarçılıq*, на узбекском – *monopoliya*; на английском – *order*, на турецком – *sipariş*, *talimat*, на азербайджанском – *order*, на узбекском – *buyurtma*; на английском – *offset*, на турецком – *dengeleme*, на азербайджанском – *ofset*, на узбекском – *ofset*; на английском – *resident*, на турецком – *oturan*, на азербайджанском – *rezident*, на узбекском – *rezident*; на английском – *reform*, на турецком – *reform*, на азербайджанском – *islahat*, на узбекском – *islohotlar*; на английском – *summit*, на турецком – *zirve*, на азербайджанском – *sammit*, *zırva*, на узбекском – *sammit*; на английском – *sanction*, на турецком – *yaptırım*, на азербайджанском – *sanksiya*, на узбекском – *sanksiya*; на английском – *swing*, на турецком – *sallamak*, на азербайджанском – *sving*, на узбекском – *tebraniş*; на английском – *switch*, на турецком – *şalter*, *değiştirmek*, на азербайджанском – *svitç*, на узбекском – *switch*; на английском – *tender*, на турецком – *ihale*, на азербайджанском – *tender*, на узбекском – *tender*; на английском – *urbanization*, на турецком – *kentleşme*, на азербайджанском – *urbanizasiya*, на узбекском – *urbanizatsiya*; на английском – *factor*, на турецком – *etken*, на азербайджанском – *faktor*, *amil*, на узбекском – *omil*; на английском – *economist*, на турецком – *iktisatçı*, на азербайджанском – *iqtsadçı*, өзбек – *iqtsodchi*; на английском – *jurisdiction*, на турецком – *yargı*, на азербайджанском – *yurisdiksiya*, на узбекском – *yurisdiktsiya* и т.д.

Употребление терминов в соответствии с фономорфологическими особенностями тюркских языков

Несмотря на то, что термины в казахском языке в основном заимствуются через русский язык (пишутся и произносятся так же, как в русском), в последнее время наблюдается процесс их «вживления» в произношение языка. Например: на английском – *euro*, на русском – *евро*, на казахском – *еуро*; на английском – *eurobank*, на русском – *евробанк*, на казахском – *еуробанк* и т.д.

По сравнению с казахским и башкирским языками такое явление более распространено в сравниваемых турецком, азербайджанском и узбекском языках. Например: на английском – *agent*, на турецком – *ajan*, на азербайджанском – *agent*, на узбекском – *agent*; на английском – *base*, на турецком – *baz*, на азербайджанском – *başa*, на узбекском – *baza*; на английском – *devaluation*, на турецком – *devalüasyon*, на азербайджанском – *devalvasiya*, на узбекском – *devalvatsiya*; на английском – *dynamic*, на турецком – *dinamik*, на азербайджанском – *dinamika*, на узбекском – *dinamika*; на английском – *logistics*, на турецком – *lojistik*, на азербайджанском – *lojistik*, на узбекском – *logistika*; на английском – *policy*, на турецком – *poliçe*, на азербайджанском – *polis*, на узбекском – *siyosat*; на английском – *sector*, на турецком – *sektör*, на азербайджанском – *sektor*, на узбекском – *sektor*; на английском – *strategy*, на турецком – *strateji*, на азербайджанском – *strategiya*, на узбекском – *strategiya*; на английском – *cipher*, на турецком – *şifre*, на азербайджанском – *şifr*, на узбекском – *shifr*; на английском – *directive*, на турецком – *direktif*, на русском – *директива*, на башкирском – *директива* и т.д.

Как видим, адаптация иноязычных терминов к фономорфологическим особенностям родного языка преобладает в турецком языке, за ним следует азербайджанский язык, а в казахском, узбекском и башкирском языках это встречается не так часто.

Оригинальное формобразование тюркских языков

Данное явление встречается во всех языках мира. Например, если суффикс английского языка *-tion* на русский язык переводится с суффиксом *-ция*, то русский вариант перенимается в казахском языке как есть (*-ция*), либо к русской версии добавляется казахский суффикс *-лау*; если суффикс английского языка *-ization* на русский переводится с суффиксом *-изация*, то русский вариант перенимается в казахском языке как есть (*-изация*), либо к русскоязычному варианту добавляются казахские суффиксы *-деу / -дау / -леу, -ландыру, -тану, -тендіру*; точно так же, если суффикс английского языка *-ing* на русский язык переводится с суффиксами *-ние, -инг*, то русский вариант перенимается в казахском языке как есть (*-ние, -инг*), либо к русскоязычному варианту добавляются казахские суффиксы *-тау / -дау / -деу / -леу / -лау* и т.д.

Другие примеры: а) имя существительное: на английском – *importer*, на русском – *импортер*, на казахском – *импорттаушы*; на английском – *agency*, на русском – *агентство*, на казахском – *агенттік*; на английском – *bankruptcy*, на русском – *банкротство*, на казахском – *банкроттық*; на английском – *bootlegging*, на русском – *бутлегерство*, на казахском – *бутлегерлік*; на английском – *keynesianism*, на русском – *кейнсианство*, на казахском – *кейншілдік*; б) имя прилагательное: на английском – *absolute*, на русском – *абсолютный*, на казахском – *абсолюттік*; на английском – *abstract*, на русском – *абстрактный*, на казахском – *абстракттілі*; на английском – *affiliated*, на русском – *аффилированный*, на казахском – *аффилирленген*; на английском – *audited*, на русском – *аудируемый*, на казахском – *аудиттелетін*; на английском – *proportional*, на русском – *пропорциональный*, на казахском – *пропорционалды*; на английском – *autocratic*, на русском – *автократический*, на казахском – *автократиялық* и т.д.

Данный подход используется и в других тюркских языках. Например, на английском – *amortization*, на турецком – *amortisman*, на азербайджанском – *amortizasiya*, на узбекском – *amortizatsiya*; на английском – *reformer*, на русском – *реформатор*, на казахском – *реформалаушы*, на турецком – *reformcu*, на азербайджанском – *islahatçı*, на узбекском – *islohotchi*; на английском – *idealism*, на русском – *идеализм*; на английском – *ratify*, на русском – *ратифицировать*, на казахском – *ратификациялау*, на башкирском – *ратификациялау* и т. д.

Заключение

Проведенный анализ позволил сделать выводы, что основными особенностями употребления иноязычных терминов в тюркских языках являются:

– употребление иноязычных терминов в тюркских языках с сохранением их написания на языке-источнике либо языке-посреднике. Данное явление можно объяснить экстралингвистическими факторами (политические, идеологические, экономические и т.д.);

– перевод иноязычных терминов посредством исконных слов;

– использование словарного запаса родного языка в качестве альтернативы иноязычным терминам и адаптация его к фонеморфологическим особенностям родного языка. Этот подход преобладает в турецком языке, за ним следует азербайджанский, а в узбекском, казахском и башкирском языках встречается не так регулярно;

– собственное формобразование, то есть преобразование иноязычных терминов в оригинальные формы тюркских языков (существительное, глагол, имя прилагательное) на базе родного языка, во всех тюркских языках представлено одинаково.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гасанли Ш. Заимствованные слова в турецком литературном языке // Вопросы терминологии. Баку: Эльм, 2009. С. 14–22.

Зайнуллин М.В. Вопросы развития научно-технической терминологии современного башкирского литературного языка // Актуальные проблемы башкирской лексикологии и лексикографии / Отв. ред. З.Г. Ураксин. Уфа: УНЦ РАН, 1994. С. 51–54.

Кагарманов Г.Г. Вопросы нормализации общественно-политической терминологии башкирского языка // Развитие терминологии башкирского литературного языка (Исследования и материалы) / Отв. ред. З.Г. Ураксин. Уфа: БФАН СССР, 1981. С. 16–28.

Каһарманов F.F. Башкорт теленең лексикаһы һәм терминологияһы. Укыу эсбабы. Стәрлетамак: Стәрлетамак дәүләт педагогия институты, 2002. 318 б. (на башк. яз.).

Пашаева Г.Б. Функциональные особенности терминов (на материале азербайджанского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42). Ч. II. С. 135–138.

Ширинова Е. Заимствование как способ обогащения банковско-финансовой терминологии узбекского языка // Verbal culture of the Humanity through the prism of ages. Materials digest of the LVII International Research and Practice Conference and stage of the Championship in philological sciences. London, 2013. P. 70–72.

Məmmədli N. Azərbaycan dilində alınma terminlər. Bakı: Elm və təhsil, 2017. 342 b. (на азерб. яз.).

Öger V. Soyut kavramlar ve Türkçe // Türkçenin dünü, bugünü, yarını. Uluslararası bilgi şöleni. Bildiriler. Ankara: Kültür Bakanlığı. B. 265–269. (на турец. яз.).

REFERENCES

Hasanli, Sh. 2009, “Borrowed words in the Turkish literary language”, *Voprosy terminologii* (“Terminology issues”), Elm, Baku, pp. 14–22. (In Russ.)

Kagarmanov, G.G. 1981, “Questions of the normalization of the socio-political terminology of the Bashkir language”, *Razvitie terminologii bashkirskogo literaturnogo yazyka (Issledovaniya i materialy)*, (“Development of the terminology of the Bashkir literary language (Studies and materials)”). BFAN SSSR, Ufa, pp. 16–28. (In Russ.)

Kagarmanov, G.G. 2002, *Vocabulary and terminology of the Bashkir language. Tutorial*. Sterlitamak State Pedagogical University, Sterletamak, 318 p. (In Bash.)

Mammadli, N. 2017, *Terms of acquisition in Azerbaijani*. Alm, Baku, 342 p. (In Azer.)

Oger, V. 2002, “Turkish abstract concepts and Turkish”, *Türkçenin dünü, bugünü, yarını. Uluslararası bilgi şöleni. Bildiriler* (“Yesterday, today, tomorrow of Turkish. International information festival. The Papers”), Kültür Bakanlığı, Ankara, pp. 265–269. (In Turk.)

Pashayeva, G.B. 2014, “Functional features of terms (on the material of the Azerbaijani language)”, *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Ch. 2* (“Philological sciences. Questions of theory and practice. P. II”), Gramota, Tambov, no. 12 (42), pp. 135–138. (In Russ.)

Shirnova, E. 2013, “Borrowing as a way of enriching the banking and financial terminology of the Uzbek language”, *Verbal culture of the Humanity through the prism of ages. Materials digest of the LVII International Research and Practice Conference and stage of the Championship in philological sciences*, London, pp. 70–72. (In Russ.)

Zainullin, M.M. 1994, “Questions of development of scientific and technical terminology of the modern Bashkir literary language”, *Aktual'nye problemy bashkirskoj leksikologii i leksikografii* (“Actual problems of the Bashkir lexicology and lexicography”), UNC RAN, Ufa, pp. 51–54. (In Russ.)

Сведения об авторах

Сарсенбай Куантаевич Кулманов, кандидат филологических наук, Институт языкознания им. А. Байтурсынова, Казахстан, г. Алматы. E-mail: k.k.sarsen@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8289-9299

Акмарал Зинол-Габденкызы Бисенгали, PhD, Институт языкознания им. А. Байтурсынова, г. Алматы, Казахстан. E-mail: sarestek@gmail.com, ORCID: 0000-0002-1964-9948

Information About the Authors

Sarsenbay K. Kulmanov, Cand. Sc. (Philology), Institute of Linguistics named after A. Baitursynov, Kazakhstan, Almaty. E-mail: k.k.sarsen@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8289-9299

Akmaral Z. Bissengali, PhD, Institute of Linguistics named after A. Baitursynov, Kazakhstan, Almaty. E-mail: sarestek@gmail.com, ORCID: 0000-0002-1964-9948

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ ЕРЭН 'РЫЖИЙ' В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Римма Талгатовна Муратова

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Уфа, Россия

E-mail: bairima@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению происхождения, исторического развития и семантики слова *ерэн* 'рыжий' в башкирском языке. Актуальность исследования заключается в том, что данное цветообозначение впервые в башкирском языкознании подвергается комплексному этимологическому, сравнительно-историческому и лексико-семантическому анализу. В ходе научного анализа выявлено, что лексема *ерэн* 'рыжий' характеризуется древним происхождением: учеными восстановлены ее пратюркская (**jεgre-n* 'рыжий (о масти лошади); олень, джейран, антилопа'), праалтайская (**negre* 'вид оленя') формы. Установлено, что первая фиксация слова приходится на древнетюркский период. Слово встречается практически во всех тюркских языках в значении 'рыжая масть лошади или других животных', в кыпчакских – в обозначении рыжего цвета волос, усов, бороды, в некоторых тюркских языках – как названия животных 'косуля, джейран, антилопа' ('косуля', 'джейран', 'антилопа'). Предполагается, что *jεgren* 'каштановый' в тюркских языках изначально обозначало цвет шкуры лошади, со временем семантика слова расширилась – оно стало применяться по отношению к цвету волос человека, затем постепенно ко всем предметам рыжего цвета, рыжеватого оттенка. В башкирском *ерэн*, как и рефлекс **jεgre-n* во многих тюркских языках, функционирует в значениях 'рыжий (о масти, о волосах, усах, бороде)'. Родственные лексемы встречаются в других алтайских языках: в корейском и тунгусо-маньчжурских языках они употребляются в значениях 'косуля', 'важенка (самка северного оленя)'. В монгольских и тунгусо-маньчжурских языках значение слова 'рыжая масть лошади' является тюркским заимствованием. Тюркское слово вошло и в русский язык: игрений 'светло-рыжий (о лошадиной масти)'.

Ключевые слова: цветообозначение рыжий, башкирский язык, этимология, лексика, семантика

Цитирование: Муратова Р.Т. Происхождение и лексико-семантическая характеристика цветообозначения *ерэн* 'рыжий' в башкирском языке // Известия УФИЦ РАН. Серия: История. Филология. Культура. 2024. Т. 1. № 2. С. 179–185. DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.2.020>

Благодарности. Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00570-24-01 на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов

THE ORIGIN AND LEXICAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF THE *ERAN* 'RED' COLOR DESIGNATION IN THE BASHKIR LANGUAGE

Rimma T. Muratova

Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

E-mail: bairima@yandex.ru

Abstract. The article examines the origin, historical development and semantics of the word *yeran* 'red' in the Bashkir language. The relevance of the study lies in the fact that for the first time in Bashkir linguistics, this color designation is subjected to a comprehensive etymological, comparative historical, and lexico-semantic

analysis. During the scientific analysis, it was revealed that the *yeran* ‘red’ lexeme is characterized by an ancient origin: scientists have restored its proto-Turkic (**jegre-n* ‘red (about the color of a horse); deer, gazelle, antelope’), proto-Altai (**negre* ‘type of deer’) forms. It is established that the first fixation of the word falls on the ancient Turkic period. The word is found in almost all Turkic languages in the meaning of ‘red color of a horse or other animals’, in Kipchak – in the designation of red hair, mustache, beard, in some Turkic languages – as the names of animals ‘roe deer, gazelle, antelope’ (‘roe deer’, ‘gazelle’, ‘antelope’). It is assumed that *jagren* ‘chestnut’ in the Turkic languages originally meant the color of the horse’s skin, over time the semantics of the word expanded – it began to be applied to the color of human hair, then gradually to all objects of reddish color, reddish hue. In Bashkir, *eran*, like the reflexes **jegre-n* in many Turkic languages, functions in the meanings of ‘red (about the suit, about the hair, mustache, beard)’. Related lexemes are found in other Altaic languages: in Korean and Tungusic-Manchurian languages, they are used in the meanings of ‘roe deer’, ‘*vazhenka* (female reindeer)’. In the Mongolian and Tungusic-Manchu languages, the meaning of the word ‘red horse color’ is a Turkic loan. The Turkic word entered the Russian language as well: *Igreny* ‘light red (about horse color)’.

Keywords: color term ‘red’, Turkic languages, etymology, comparative historical lexics

Citation. Muratova, R.T., 2024, “The origin and lexical and semantic characteristics of the *eran* ‘red’ color designation in the bashkir language”, *Proceedings of the UFRC RAS. Series: History. Philology. Culture*, vol. 1, no. 2, pp. 179–185. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.2.020>

Acknowledgements. This study was carried out within the framework of the state assignment of the UFRC RAS No. 075-00570-24-01 for 2024 and for the planning period of 2025 and 2026

Введение

Рыжий цвет представляет собой оттенок оранжевого цвета, который получается при добавлении к нему коричневого. Рыжий цвет имеет оттенки от золотистого и медного до бронзового. Обычно под рыжим цветом подразумевается цвет волос человека и шерсти животного. Другие предметы, имеющие аналогичную окраску, описываются словом ‘оранжевый’. Данная характеристика рыжего цвета вызывает интерес к изучению его названий в разных языках и выявлению особенностей употребления цветообозначения в речи.

В башкирском языке рыжий цвет выражен лексемой *ерән*. Как показывают исследования, лексема *ерән* ‘рыжий’ в башкирском языке также первоначально применялась только по отношению к цвету волос, бороды, усов, масти животных. С развитием языка она постепенно начинает употребляться по отношению и к цвету других предметов.

Данная статья посвящена изучению происхождения, исторического развития и семантики слова *ерән* ‘рыжий’ в башкирском языке. Несмотря на то, что тюркское цветообозначение **jegre-n* в разных аспектах рассматривалось в трудах ученых, не было работ, посвященных комплексному анализу этимологии слова и его значений как в синхронии, так и в диахронии, что и обуславливает актуальность данного исследования. В данном исследовании, во-первых, анализируется развитие лексемы от происхождения слова до современности: если этимология основывается на трудах ученых, в которых восстанавливаются древние формы, то эволюция значений слова прослеживается по имеющимся письменным источникам, которые хронологически начинаются с древнетюркского периода; во-вторых, функционирование значений слова рассматривается в сравнительно-историческом аспекте – привлекается материал из других тюркских языков.

Основная часть

Слово в тюркских и алтайских языках

В тюркских языках слово встречается в разных фонетических вариантах: башк. *ерән*, сиб.-тат. *йерән*, кр.-тат. *джийрен*, тат., уйг. *жирән*, ног. *иййрен*, ккалп., кум. *жйирен*, каз. *жирен*, кирг. *жейрен*, *жээрде*, узб. *жйирон*, алт. *јеерен*, хак. *чигирен*, шор. *чегрен*, як. *сиэр*, чув. *сүрен* [Балакина, Дедеева, 2015. С. 44; Бектаев, 1995. С. 200; КРС, 1958. С. 251; КРС, 1985. С. 243, 285; Магомедов, 1969. С. 140; Марганова, 2019. С. 109; НРС, 1963. С. 123; РЯС, 1968. С. 556; ТРС, 2007. С. 401; УРС, 1959. С. 153; УРС, 1961. С. 269; Усеинов, 2007. С. 596; ХРС, 2006. С. 962; ЧРС, 1985. С. 430]. В вышеперечисленных языках оно употребляется в значении ‘рыжий’ и в большинстве из них обозначает рыжую масть лошади.

В некоторых языках рефлексы **jegre-n* являются названием таких животных, как джейран, антилопа, газель, косуля и т.д., которые имеют шкуру рыжего цвета и близких к нему оттенков: кум. *жайран* ‘джейран’, тав *жайран* ‘серна’, каз. *жайран* ‘джейран (дикая коза)’, ккалп. *жайран* ‘джейран’, кирг. *жейрен* ‘джейран, газель’, аз. *сеуран* ‘джейран (парнокопытное животное рода газелей; лань, небольшая

антилопа), тур. *ceran / ceylan* ‘газель’, туркм. *жѣрен* ‘джейран, газель’, узб. *жайрон* ‘джейран’, уйг. *жѣрэн* ‘джейран’, алт. *jeepen* ‘джейран, антилопа, косуля’, тув. *чээрэн* ‘антилопа, джейран’ [АРС, 2006. С. 417; Балакина, Дедеева, 2015. С. 44; Бектаев, 1995. С. 172; КРС, 1958. С. 213; КРС, 1985. С. 243; Магомедов, 1969. С. 138; ТРС, 1968. С. 324; ТРС, 1977. С. 150, 152; ТувРС, 1968. С. 561; УРС, 1961. С. 271; УРС, 1989. С. 67].

Как показывают примеры, в тюркских языках для обозначения рыжей масти или животных рода газелей, антилоп представлены три основы (*жерен, жерде, йегер*), которые, возможно, составляют одну лексическую основу, что является фонетически закономерным. Трудность представляют лишь конечные элементы *-ен, -де*, которые морфологически неясны. В связи с этим в научной литературе существует ряд предположений по поводу исходной лексемы: одни ученые считают, что эти формы восходят к разным основам, другие относят их к родственным лексемам [Севортян, Левитская, 1989. С. 22–24].

Слово восходит к пратюркскому **jegre-n* ‘рыжий (о масти лошади); олень, джейран, антилопа’. Праалтайская форма восстановлена как **negre* ‘вид оленя’ [EDAL, 2003. С. 966].

Рефлексы праалтайского **negre* встречаются в монгольских, тунгусо-маньчжурских и корейском языках. В тунгусо-маньчжурских языках и корейском слово функционирует как название животного: эвенк. *negdi* ‘важенка (самка северного оленя)’, кор. *niraŋi* ‘косуля’ [EDAL, 2003. С. 966]. В монгольских оно считается тюркским заимствованием и употребляется в значениях ‘рыжий (о лошади)’, ‘косуля’: халх.-монг. *зээрд*, бур. *зээрдэ*, калм. *зеерд*, даг. *джэрдэ* ‘рыжий (о лошади)’, халх.-монг., бур. *зээрэн*, калм. *зеерн*, даг. *джэ рэн* ‘антилопа, серна, джейран’ [Санжеев, Орловская, Шевернина, 2016. С. 66]. Встречающееся в тунгусо-маньчжурских языках слово в значениях ‘рыжий’, ‘косуля, коза дикая’, возможно, является заимствованием из монгольского: эвенк., маньчж. *жэрдэ* ‘рыжий (о масти лошади)’, маньчж. *жэрен* ‘косуля, коза дикая’, удэг. *жэли* ‘косуля, коза дикая’ [ССТМЯ, 1975. С. 282, 285].

Как предполагает Дж. Клосон, *jegren* ‘каштановый’ в тюркских языках изначально обозначал цвет шкуры лошади, затем слово было заимствовано монгольским – в форме *žegere* оно употреблялось в значении ‘джейран’. Производная от нее форма *žegerde* стала обозначать цвет и обратно заимствована тюркскими языками [Молчанова, 1988. С. 99; Clauson, 1972. С. 914].

Название рыжей масти в форме *jägrän* встречается в древнетюркском памятнике Кули-Чуру (VIII в.): *sünjüsdükä Küli čur özlüki jägrän at binip* ‘в сражении Кули-чур сел на собственную рыжую лошадь’ [Малов, 1959. С. 27, 29]. Оно также зафиксировано в памятнике, найденном на Горном Алтае: *й(е)гр(е)н (а)дг(и)р* ‘коричневый жеребец’ (памятник Горного Алтая) [Тыбыкова, Невская, Эрдал, 2012. С. 140, 141]. В словаре В.В. Радлова значение слова *järän / jägrän* дается как ‘рыжий (о масти лошади)’ [Радлов, 1905. С. 338].

В современных тюркских языках, в том числе и башкирском, слово функционирует не только как название масти лошади, но и как цветообозначение. Оно применяется по отношению к цвету волос, а также к окраске других предметов: например, башк. *ерэн сәс* ‘рыжие волосы’, *ерэн һакал* ‘рыжая борода’, *ерэн корт* ‘рыжий червь’ [БРС, 1996. С. 186], ккалп. *жыйрен сақаллы* ‘рыжебородый’ [КРС, 1958. С. 251], кирг. *жэйрен сакал* ‘рыжебородый’ [КРС, 1985. С. 243].

В отдельных языках для рыжей масти могут применяться другие цветообозначения: тур. *al* (< ПТю. **Al* ‘красный, алый’), туркм. *чыпар* (< ПТю. **çorur* ‘пестрый, рябой’), тув. шилги, як. *кугас* [БРТС, 2009. С. 461; КРТС, 1968. С. 402; ТувРС, 1968. С. 573; ЯРС, 1972. С. 185].

Семантика слова в башкирском языке

2.1. В башкирском языке распространенное значение слова – обозначение рыжего цвета волос, усов, бороды человека: *ерэн һакал* ‘рыжая борода’, *ерэн мыйык* ‘рыжие усы’; *Өсөнсөһө – Бөркөтләл берзән-бер ерэн сәсле, һипкелле малай Айзар* ‘Третий из них – единственный в Буркутлах рыжеволосый, веснушчатый мальчик Айдар’ (М. Карим) [МФБЛ]. В фольклоре некоторых кыпчакских народов, в том числе и башкирского, существует персонаж *Ерэнсә сәсэн*, поэт и импровизатор, который отличался смелостью, находчивостью и умом. Судя по имени, предполагается, что герой легенд и преданий был рыжеволосым.

Значение ‘рыжий (о цвете волос)’ встречается в основном в кыпчакских языках: тат. *жырэн сақаллы* ‘рыжебородый’, *жырэн чәчле* ‘с рыжими волосами’ [ТРС, 2007. С. 401], ккалп. *жыйрен сақаллы* ‘рыжебородый’ [КРС, 1958. С. 251], кирг. *жэйрен сакал* ‘рыжебородый’ [КРС, 1985. С. 243], *жээрде сакал* ‘рыжая борода’ [КРС, 1985. С. 285].

Оттенки рыжего цвета в башкирском языке образуются несколькими способами. Производная со значением высокой степени проявления признака имеет форму *еп-ерэн* ‘ярко-рыжий’, обозначающую насыщенный рыжий цвет, употребляется редко. Производная со значением недостаточной степени проявления признака, с помощью которого отмечают ненасыщенные оттенки рыжего цвета и рыжеватые оттенки других цветов, представлена как *ерәнһыу*: *ерәнһыу сәс* ‘рыжеватые волосы’, *ерәнһыу һоро* ‘рыжеватато-серый’.

Степень насыщенности рыжего цвета также образуется аналитическим способом: *сагыу ерэн* ‘ярко-рыжий’, *тонок ерэн* ‘тускло-рыжий’.

Названия оттенков цветов по светлоте образуются аналитическим путем с помощью цветообозначений *ак / акһыл* ‘белый / беловатый / светлый’, *кара / караһыу / карагускыл* ‘черный / темный’: *ак ерэн* ‘бледно-рыжий’, *кара / карагускыл ерэн* ‘темно-рыжий’.

Оттенки по цветовому тону образуются добавлением к цветообозначению *ерэн* ‘рыжий’ названия предмета-эталона оттенка или названия цвета, к которому близок оттенок: *кан ерэн* ‘красно-рыжий, медно-красный’, букв. ‘кроваво-рыжий’, *кызгылт ерэн* ‘красновато-рыжий’.

2.2. Рыжий (о масти лошади, а также других животных). Рыжей называется масть лошади, у которой корпус, конечности, грива, хвост имеют равномерную красно-желтую окраску. Иногда хвост и грива могут быть на пару оттенков темнее или светлее, чем корпус.

Оттенки данной масти выражаются следующими сочетаниями: *ак ерэн* ‘бледно-рыжий’, *бурыл ерэн* ‘рыже-чалый’, *күк ерэн* ‘сиво-рыжий’, *кан ерэн* ‘красно-рыжий, медно-красный’, букв. ‘кроваво-рыжий’, *кара / карагускыл ерэн* ‘темно-рыжий’, *кола ерэн* ‘булано-рыжий’, *кыугыл ерэн* ‘бледно-рыжая лошадь’, *сагыу ерэн* ‘ярко-рыжий’. Встречается название *ерэн ала* ‘рыже-пегий’, которое подчеркивает присутствие рыжей окраски, а также *ерэн кашка* ‘рыжий с белой звездочкой’, которое подтверждает, что для рыжей масти характерно наличие белой проточины на лбу.

Слово *ерэн* активно используется в обозначении рыжей масти лошади, что можно проследить в фольклорных и художественных произведениях: *Бына ерэн айгыр, башын югары күтәрен, колактарын торгоззо ла дәрәтле итеп бер кеһнәп ебәрзе* ‘Вот рыжий жеребец, высоко подняв голову, наострил уши и весело заржал’ (Д. Юлтый) [КБЯП]; *Ерэн атым, ай, ялхайын алтын тарак менән дә тарайым шул, ай-һай гөлкәйем* букв. ‘Мой рыжий конь, ай, гриву его расчесу золотым гребешком, ай-хай, мой цветочек’ (Народная песня «Ай-гөлкәйем») [МФБЛ].

Значение ‘рыжая масть (лошади)’ является пратюркским явлением, так как оно встречается во всех подгруппах тюркских языков [Севортьян, Левитская, 1989. С. 22–24]: тат. *жирән кашка* ‘рыжий конь с белой звездочкой на лбу’, *кызыл жирән* ‘медно-красный’ [ТРС, 2007. С. 401], ног. *иййрен ат* ‘конь рыжей масти’ [НРС, 1963. С. 123], ккалп. *жыйрен ат* ‘рыжий конь’ [КРС, 1958. С. 251], кум. *жыйрен ат* ‘лошадь рыжей масти’ [Магомедов, 1969. С. 140], кирг. *жээрде ат* ‘рыжий конь’ [КРС, 1985. С. 285], алт. *јеерен* ‘рыжий’ [Балакина, Дедеева, 2015. С. 44], узб. *жыйрон* ‘рыжий’ [УРС, 1959. С. 153], хак. *чигрен ат* ‘рыжий конь’ [ХРС, 2006. С. 962], чув. *сүрен* ‘рыжий’, *сарй сүрен* ‘каурый’ [ЧРС, 1985. С. 430].

Лексема *ерэн* используется в обозначении цвета и окраски и других животных, птиц, насекомых: *ерэн төлкө* ‘рыжая лиса’, *ерэн тейен* ‘рыжая белка’, *ерэн баркылдак* ‘рыжий дрозд’, *ерэн кырмыска* ‘рыжий муравей’.

Как известно, тюркское слово вошло и в русский язык: *игрений / игрневый* ‘светло-рыжий (о лошадиной масти)’. М. Фасмер отмечает, что в источниках оно встречается уже с XVI в. [Фасмер, 1986. С. 116–117]. Здесь следует отметить, что рыжей называется масть лошади, которая имеет равномерную красно-желтую окраску корпуса, конечностей, гривы, хвоста, а лексемой ‘игрневый’ обозначаются лошади рыжего цвета со светлыми, белыми гривой и хвостом. Игрневая масть лошади в тюркских языках обозначается заимствованным монгольским термином (< прамонгольский **čabidar* ‘желтоватый, игрневый’): башк. *саптар*, каз., ккалп. *шабдар*, тат. *чаптар*, кирг. *чабдар*, хак. *сабдар*, чув. *чуптар* ‘соловый, игрневый’ (тат. заимств.).

2.3. Рыжий цвет (по отношению к артефактам). С развитием языка лексема *ерэн* получает более широкий смысл и семантику – сегодня она применяется не только по отношению к масти лошади и цвету волос, но и ко всем предметам рыжего цвета, рыжеватого оттенка. Это можно проследить в текстах художественных произведений: *Ерэн костюм кейгән мыкты азәм* ‘Человек крепкого телосложения в рыжем костюме’ (З. Султанов); *Саңға күмелеп, ерэн төскә ингән «Волга» колхоз идараһы алдына сыйлап килеп тукта[ны]* ‘«Волга», которая стала рыжей от пыли, остановилась перед правлением колхоза’ (Р. Киньябаев) [КБЯП]. Как видим, в художественной литературе встречаются примеры употребления слова *ерэн* в обозначении цвета одежды, автомобиля и т.д.

Употребление слова в образовании терминологических названий также является более поздним явлением: *ерэн бәшмәк* ‘рыжик’. Ср. в других тюркских языках: тат. *жирән гәмбә* ‘рыжик’ [ТРС, 2007. С. 401].

Заключение

Таким образом, рассмотрев происхождение, развитие и функционирование слова *ерэн* ‘рыжий’ в башкирском языке, можно прийти к следующим выводам.

Слово восходит к пратюркскому **jegre-n* ‘рыжий (о масти лошади); олень джейран, антилопа’. Праалтайская форма восстановлена как *negre* ‘вид оленя’. Рефлексы праалтайского слова наблюдаются в корейском и тунгусо-маньчжурских языках в значениях ‘косуля’, ‘важенка (самка северного оленя)’. В монгольских и тунгусо-маньчжурских языках значение слова ‘рыжая масть лошади’ является тюркским заимствованием.

Слово встречается практически во всех тюркских языках в значении ‘рыжая масть лошади или других животных’, в кыпчакских – в обозначении рыжего цвета волос, усов, бороды, в некоторых тюркских языках – как названия животных ‘косуля, джейран, антилопа’. Считается, что *jegren* ‘каштановый’ в тюркских языках изначально обозначало цвет шкуры лошади, затем было заимствовано монгольским в форме *žegere* ‘косуля’. Производная от нее форма *žegerde* стала обозначать цвет и обратно заимствована тюркскими языками. Со временем семантика слова расширилась: оно сначала стало применяться по отношению к цвету волос, затем постепенно ко всем предметам рыжего цвета, рыжеватого оттенка.

Название рыжей масти *jägrän* ‘рыжий’ встречается уже в древнетюркских памятниках.

В башкирском ерэн, как и рефлексы **jegre-n* во многих тюркских языках, функционирует в значениях ‘рыжий (о масти, волосах)’, а также наблюдается его применение по отношению к артефактам.

Итак, отметим, что название для рыжего цвета в башкирском языке имеет пратюркскую и праалтайскую основы, в формировании и развитии семантики слова ерэн ‘рыжий’ преобладает пратюркская специфика, в то же время выделяются кыпчакские особенности.

Список сокращений

аз. – азербайджанский, алт. – алтайский, АРС – Азербайджанско-русский словарь, башк. – башкирский, БРС – Башкирско-русский словарь, БРТС – Большой русско-турецкий словарь, бур. – бурятский, даг. – дагурский, каз. – казахский, калм. – калмыцкий, КБЯП – Корпус башкирского языка. Проза, кирг. – киргизский, ккалп. – каракалпакский, кор. – корейский, КРС 1958 – Каракалпакско-русский словарь, КРС 1985 – Киргизско-русский словарь, кр.-тат. – крымскотатарский, КРТС – Краткий русско-туркменский словарь, кум. – кумыкский, маньчж. – маньчжурский, МФБЯ – Машинный фонд башкирского языка, ног. – ногайский, НРС – Ногайско-русский словарь, РЯС – Русско-якутский словарь, сиб.-тат. – сибирскотатарский, ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, тат. – татарский, ТРС 1968 – Туркменско-русский словарь, ТРС 1977 – Турецко-русский словарь, ТРС 2007 – Татарско-русский словарь, тув. – тувинский, ТувРС – Тувинско-русский словарь, тур. – турецкий, туркм. – туркменский, удэг. – удэгейский, узб. – узбекский язык, уйг. – уйгурский, УРС 1959 – Узбекско-русский словарь, УРС 1961 – Уйгурско-русский словарь, ХРС – Хакасско-русский словарь, халх.-монг. – халха-монгольский, хак. – хакасский, ЧРС – Чувашско-русский словарь, чув. – чувашский, шор. – шорский, эвенк. – эвенкийский, як. – якутский, ЯРС – Якутско-русский словарь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азербайджанско-русский словарь*. В 4-х т. / Гл. ред. М.Т. Тагиев. Т. 1 (А–D). Баку: Şərq-Qərb, 2006. 896 с.
- Балакина О.Н., Дедеева В.С.* Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск: РОО «Лепта», 2015. 168 с.
- Башкирско-русский словарь* / Под ред. З.Г. Ураксина. М.: Дигора, Рус.яз., 1996. 884 с.
- Бектаев К.* Большой казахско-русский, русско-казахский словарь. Алматы: Алтын Қазына, 1995. 703 с.
- Большой русско-турецкий словарь* / Сост. Н.Н. Богочанская, А.С. Торғашова. М.: ООО «Дом славянской книги», 2009. 608 с.
- Каракалпакско-русский словарь* / Под ред. Н.А. Баскакова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. 892 с.
- Киргизско-русский словарь*. В 2-х кн. / Сост. К.К. Юдахин. Кн. 1. А–К. Фрунзе: Главная редакция Киргизской Советской энциклопедии, 1985. 504 с.
- Корпус башкирского языка*. Проза. Электронный ресурс. URL: 212.193.132.98/bashcorp /bashcorp. Дата обращения: 15.04.2024.
- Краткий русско-туркменский словарь* / Под ред. М.Я. Хамзаева и С. Алтаева. Ашхабад: Ылым, 1968. 526 с.
- Магомедов А.Г.* Кумыкско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1969. 408 с.
- Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 112 с.
- Марганова Ф.Ф.* Сибирскотатарско-русский словарь. Тюмень: Тюменский дом печати, 2019. 470 с.
- Машинный фонд башкирского языка*. Лексикографическая база. – <http://mfb12.ru:8080/mfb1/bashlex>. Дата обращения: 15.04.2024.

Молчанова О.Т. Серые, красные, синие, промежуточные цвета в ономастиконе некоторых тюркских народов // Ареальные исследования по башкирской диалектологии и ономастике Башкирии / Под ред. Н.Х. Максютковой, А.А. Камалова. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 89–103.

Ногайско-русский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963. 562 с.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 3. Ч. 1. СПб.: Типография Российской Императорской Академии Наук, 1905. 1260 стлб.

Русско-якутский словарь / Под ред. П.С. Афанасьева и Л.Н. Харитонова. М.: Советская энциклопедия, 1968. 720 с.

Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. Т. II. G–P. М.: ИВ РАН, 2016. 232 с.

Севортян Э.В., Левитская Л.С. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы “Ж”, “Ж”, “Й”. М.: Наука, 1989. 292 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. В 2-х т. / Отв. ред. В.И. Цинциус. Т. I (A–H). Л.: Наука, 1975. 672 с.

Татарско-русский словарь. В 2-х томах / Ш.Н. Асылгараев, Ф.А. Ганиев, М.З. Закиев, К.М. Миннуллин, Д.Б. Рамазанова. Т. 1 (A–L). Казань: Магариф, 2007. 726 с.

Тувинско-русский словарь / Под ред. Э.Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. 648 с.

Турецко-русский словарь / Сост. Н.А. Баскаков, Н.П. Голубева, А.А. Кямилаева и др. М.: Русский язык, 1977. 966 с.

Туркменско-русский словарь / Под общ. ред. Н.А. Баскакова, Б.А. Каррыева, М.Я. Хамзаева. М.: Советская энциклопедия, 1968. 832 с.

Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М. Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2012. 152 с.

Узбекско-русский словарь / Под ред. А.К. Боровкова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1959. 840 с.

Уйгурско-русский словарь / Под ред. Ш. Кибирова и Ю. Цунвазо. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1961. 328 с.

Усеинов С.М. Русско-крымскотатарский, крымскотатарско-русский словарь. Симферополь: Издательский дом «Тезис», 2007. 640 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стереотип. Т. 2 (E–Muzh). М.: Прогресс, 1986. 672 с.

Хакасско-русский словарь / Под общ. ред. О.В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

Чувашско-русский словарь / Под ред. М.И. Скворцова. Чебоксары: Русский язык, 1985. 712 с.

Якутско-русский словарь / Под ред. П.А. Слепцова. М.: Советская энциклопедия, 1972. 606 с.

Clauson G. An Etymological dictionary of the Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. 989 p.

Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. An Etymological dictionary of Altaic Languages. Leiden: Brill, 2003. 1556 p.

REFERENCES

A short Russian-Turkmen dictionary. Ylym, Ashkhabad, 1968. 526 p.

Azerbaijani-Russian dictionary. In 4 v. Vol. 1 (A–D). Şərq-Qərb, Baku, 2006. 896 p.

Balakina, O.N., Dedeeva, V.S. 2015, *Altaian-Russian dictionary.* ROO «Lepta», Gorno-Altaysk, 168 p.

Bashkir-Russian dictionary. Digore, Russkij jazyk, Moscow, 1996. 884 p.

Bektaev, K. 1995, *Great Kazach-Russian, Russian-Kazach dictionary.* Altyn Kazyna, Almaty, 703 p.

Chuvash-Russian dictionary. Russkiy yazyk Press, Cheboksary, 1985. 712 p.

Clauson, G. 1972, *An Etymological Dictionary of the Pre-Thirteenth-Century Turkish.* Clarendon Press, Oxford, 989 p.

Corpus of the Bashkir language. Prose. Available at: 212.193.132.98/bashkorp /bashkorp (accessed 14 April 2024)

Comparative dictionary of the Tungusic-Manchu languages. Materials for the etymological dictionary. In 2 v. Vol. 1 (A–H). Nauka, Leningrad, 1975. 672 p.

Fasmer, M. 1986, *Etymological dictionary of the Russian language.* In 4 v. Vol. 2 (E–Muzh). Progress, Moscow, 672 p.

Kara-Kalpak-Russian dictionary. Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey, Moscow, 1958. 892 p.

Khakass-Russian Dictionary. Nauka, Novosibirsk, 2006. 1114 p.

- Kirghiz-Russian dictionary*. In 2 v. Vol. 1. A–K. Glavnaya redaktsiya Kirgizskoy Sovetskoy entsiklopedii, Frunze, 1985. 480 p.
- Magomedov, A.G. 1969, *Kumyk-Russian dictionary*. Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, 408 p.
- Malov, S.E. 1959, *Monuments of the ancient Turkic script of Mongolia and Kyrgyzstan*. Izd-vo Akademii nauk SSSR, Moscow; Leningrad, 112 p. (In Russ.)
- Machine fund of the Bashkir language. Lexicographic database*. <http://mfbl2.ru:8080/mfbl/bashlex>. Available at: 212.193.132.98/bashkorp /bashkorp (accessed 14 April 2024).
- Marganova, F.F. 2019, *Siberian Tatar-Russian dictionary*. Tyumenskiy dom pechati, Tyumen, 470 p.
- Molchanova, O.T. 1988, “Gray, red, blue, intermediate colors in the onomasticon of some Turkic peoples”, *Areal'nye issledovaniya po bashkirskoy dialektologii i onomastike Bashkirii* (“Areal studies on Bashkir dialectology and onomastics of Bashkiria”), BNTs UrO AN SSSR, Ufa, pp. 89–103. (In Russ.)
- Nogai-Russian Dictionary*. Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey, Moscow, 1963. 562 p.
- Radlov, V.V. 1905, *Experience of the dictionary of Turkic dialects*. Tipografija Rossijskoj Imperatorskoj Akademii Nauk, Saint Petersburg, 1260 p.
- Russian-Yakut dictionary*. Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, 1968. 720 p.
- Sanzheev, G.D., Orlovskaja, M.N., Shevernina, Z.V. 2016, *Etymological dictionary of Mongolian languages: in 3 v. Vol. 2. G–P*. IWRAN, Moscow, 232 p.
- Sevortyan, E.V., Levitskaya, L.S. 1989, *Etymological dictionary of Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic bases on the letters “Ж”, “Zh”, “Y”*. Nauka, Moscow, 292 p.
- Starostin, S.A., Dybo, A.V., Mudrak., O.A. 2003, *An Etymological dictionary of Altaic Languages*. Brill, Leiden, 1556 p.
- Tatar-Russian dictionary*. In 2 v. Vol. 1 (A–L). Magarif, Kazan, 2007. 726 p.
- The Big Russian-Turkish dictionary*. ООО «Dom slavyanskoy knigi», Moscow, 2009. 608 p.
- Tuvan-Russian dictionary*. Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, 1968. 648 p.
- Turkish-Russian dictionary*. Russkiy yazyk, Moscow, 1977. 966 p.
- Turkmen-Russian dictionary*. Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, 1968. 832 p.
- Tybykova, L.N., Nevskaya, I.A., Erdal, M. 2012. *Katalog drevnetyurkskikh runicheskikh pamyatnikov Gornogo Altaya*. Gorno-Altayskiy gos. un-t, Gorno-Altaysk, 152 p. (In Russ.)
- Uighur-Russian dictionary*. Izdatel'stvo Akademii nauk Kazakhskoy SSR, Alma-Ata, 1961. 328 p.
- Useinov, S.M. 2007, *Russian-Crimean Tatar, Crimean Tatar-Russian dictionary*. Izdatel'skiy dom «Tezis», Simferopol, 640 p.
- Uzbek-Russian dictionary*. Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey, Moscow, 1959. 840 p.
- Yakut-Russian dictionary*. Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, 1972. 606 p.

Сведения об авторе

Римма Талгатовна Муратова, кандидат филологических наук, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: bairima@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4223-0675

Information About the Author

Rimma T. Muratova, Cand. Sc. (Philology), Order of the Badge of Honour of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, the Russian Federation, Ufa. E-mail: bairima@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4223-0675

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ В РАССКАЗЕ М. КУНАФИНА
«В ДЕРЕВНЮ ЯВИТСЯ АЛЛАХ...
ИЛИ ОСТАНОВИВШЕЕСЯ ВРЕМЯ»**

Гульнур Мирзаевна Набиуллина

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Уфа, Россия

E-mail: gulnurnabiullina@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются художественное время и особенности его отображения, представленные в рассказе башкирского писателя М. Кунафина. Целью исследования являются выявление своеобразных форм изображения художественного времени, раскрытие его значения для обозначения творческой задачи писателя. Материалом для анализа послужил рассказ «В деревню явится Аллах... Или Остановившееся время». Для достижения поставленной цели были использованы культурно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы. Научная новизна заключается в изучении вопроса сюжетного времени в рассказе М. Кунафина. Анализ произведения позволяет отчетливо различать формы художественного времени, которые представлены как ирреальное, будущее, реальное, ускоренное, замедленное, или остановившееся время, существующие в сознании героев рассказа. Композиционный прием способствовал автору собрать все формы сюжетного времени вокруг сна героя. Смысловая сущность синтеза ирреального и реального времени выступает как один из основных элементов сюжета рассказа, реальное время не всегда совпадает с художественным временем. Отмечено, что М. Кунафин противопоставлениям и сравнениям старается придать глубокое образное содержание. Сделаны выводы о том, что целостное пространство произведения представлено деревенским обиходом и персонажами, которые погружены в традиционно-бытовые связи, соединив прошлое, настоящее и будущее. Понятие художественного времени в рассказе М. Кунафина подразумевает его важную функцию как средства образного познания реальной действительности. Оно дает возможность наблюдать за процессом преобразования мировоззрения и обретением нравственных качеств героя. Результаты исследования способствуют дальнейшему изучению художественной особенности творчества писателя.

Ключевые слова: художественное время, башкирский рассказ, Аллах, сон, Бес, сюжетное время

Цитирование: *Набиуллина Г.М.* Художественное время в рассказе М. Кунафина «В деревню явится Аллах... Или остановившееся время» // Известия УФИЦ РАН. Серия: История. Филология. Культура. 2024. Т. 1. № 2. С. 186–191. DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.2.021>

Благодарности. Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00570-24-01 на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов

**ARTISTIC TIME IN M. KUNAFIN'S STORY "ALLAH WILL APPEAR
IN THE VILLAGE... OR THE STOPPED TIME"**

Gulnur M. Nabiullina

Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

E-mail: gulnurnabiullina@mail.ru

Abstract. The article examines the artistic time and the features of its image, presented in the story of the Bashkir writer M. Kunafin. The purpose of the research is to identify the peculiar forms of the image of artistic time, to reveal its meaning to denote the creative task of the writer. The material for the analysis was the story «Allah will come to the village... Or Stopped time». To achieve this goal, cultural-historical and comparative methods were used. The scientific novelty lies in the study of the concept of time in M. Kunafin's story. The analysis of the work makes it possible to clearly distinguish the forms of artistic time, which are represented as unreal time, future time, real time of the main character, accelerated time or «breakage of time counting» and slow-motion or stopped time, existing in the minds of his characters within the framework of the writer's story. It is noted that M. Kunafin tries to give deep figurative content to oppositions and comparisons. The compositional technique helped the author to collect all forms of plot time around the hero's dream. The semantic essence of the synthesis of unreal and real time acts as one of the main elements of the plot of the story. Real time does not always coincide with artistic time.

The conclusions are drawn that the integral space of the work is represented by rural everyday life and characters who are immersed in traditional household ties, connecting the past, present and future. The concept of artistic time in M. Kunafin's story implies its important function as a means of imaginative cognition of reality. It provides an opportunity to observe the process of worldview transformation and the acquisition of moral qualities of the characters.

The results of the study contribute to the further study of the artistic features of the writer's work.

Keywords: artistic time, Bashkir story, Allah, dream, Demon, plot time

Citation. Nabiullina, G.M., 2024, "Artistic time M. Kunafin's story "Allah will appear in the village... Or the stopped time", *Proceedings of the UFRC RAS. Series: History. Philology. Culture*, vol. 1, no. 2, pp. 186–191. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.2.021>

Acknowledgements. This study was carried out within the framework of the state assignment of the UFRC RAS No. 075-00570-24-01 for 2024 and for the planning period of 2025 and 2026

Введение

Организация пространства и времени имеет большое значение для создания художественной образности в литературе. У различных авторов время и пространство могут проявляться по-разному, преломляясь через поставленные художественные задачи. Следовательно, в литературоведении должное внимание уделяется вопросам взаимосвязи времени и пространства, «хронотопа» («время пространства») [Бахтин, 1975. С. 234]. Различным аспектам данной проблемы посвящены труды М.М. Бахтина, Б.И. Бурсова, В.И. Вернадского, В.В. Виноградова, Я.О. Зунделовича, Д.С. Лихачева, М.Ю. Лотмана, А.Н. Семенова, В.Н. Топорова, В.Е. Хализева, В.Б. Шкловского, А.Г. Цейтлина, П. Флоренского и т.д.

Как отмечает М.М. Бахтин, «в литературе ведущим началом в хронотопе является время» [Бахтин, 1975. С. 234]. Художественное время, по Д.С. Лихачеву, – «это не взгляд на проблему времени, а само время, как оно воспроизводится и изображается в художественном произведении» [Лихачев, 1987. С. 491]. В этом плане привлекает внимание небольшой рассказ М. Кунафина «В деревню явится Аллах... Или Остановившееся время»¹.

Фабульное время в контексте рассказа датировано автором как 50-я годовщина Великой Победы, которая указывает на конкретное время происходящих событий, по логике – это 1995 год.

Прежде чем приступить к анализу рассказа, уместно будет обратить внимание на творческие успехи известного башкирского писателя Мунира Кунафина (1971). Новый период в творчестве автора поэтических сборников «Такое у меня время» («Шундай мәлем», 2001), «Это жизнь...» («Ғүмер тигәндәре», 2005) М. Кунафина начался в начале XXI века. Он заявил о себе как серьезный прозаик, о чем свидетельствуют его книги «Божье веление» («Тәңре өрөк капканда», 2011, 2012), «Плыл по океану рыжий остров...» («Йөзөп барған, ти, аттар дингеззә...», 2016), «Под устаревшим солнцем» («Картайған кояш астында», 2019), «Квадратное солнце» («Шакмак кояш», 2021) и произведения «Кайнозой», «За нами Москва» («Арта – Мәскәү»), «Верность» («Кешелеккә тоғролок»), «Инстинкт, или Небеса взбунтовались» («Инстинкт, йәки Күктә йондозар болара»), «Яма» («Соқор»).

На театральных сценах республики можно увидеть его пьесы «Жерч. История боевого коня» («Корос. Яугир ат язмышы»), «Я готов умереть за тебя» («Һинең өсөн үзем үләрмен»), «Раб Божий предполагает...» («Тыңлайык вақыт акканын»), «Люди на том берегу...» («Люксембургка барып кайткансы»), моноспектакль «Яма» («Соқор»), лирический триллер «Живи на солнечной стороне» («Кояшлы якка сык») и спектакль «Верность» («Тоғролок») по рассказу «Верность человечеству».

¹ На русский язык рассказ перевел Д. Шарафутдинов.

В литературно-художественном журнале «Роман-драма» Республики Казахстан и в журнале «Водопад» Саха-Якутии опубликованы повесть «Плыл по океану рыжий остров...» и рассказ «Под устаревшим солнцем» М. Кунафина.

Обсуждение и результаты

Внимание к творчеству М. Кунафина со стороны ученых-литературоведов Г.Б. Хусаинова, Р.Т. Бикбаева, Р.Г. Азнагулова, Г.Н. Гареевой, З.А. Алибаева, Г.Г. Галиной, А.Г. Халиуллиной и соратников по перу С. Абузьяра, А. Аминова, А.-Г. Утябая говорит о том, что его проза способна образно представить историю и действительность нашего общества. Анализируя начальный этап творческой деятельности молодого прозаика, в свое время академик Г. Хусаинов отметил, что философская основа, психологизм, художественность рассказа «Божье веление» привлекли его внимание. Достоинство художественных произведений писателя с глубоким вниманием обозначила Г. Гареева.

В своей статье «В границах новых горизонтов. По следам повести Мунира Кунафина “Инстинкт”» З. Алибаев высоко оценил творчество прозаика. Ученый подчеркнул, что «Мунир Кунафин – один из авторов, плодотворно работающих в последние годы в эпическом жанре. Каждое его новое произведение находит горячий отклик у читателей» [Алибаев, 2019. С. 94].

Серия статей Ф. Сарматова о творчестве М. Кунафина, опубликованная в газете «Истоки», носит заостренный полемический характер. Повесть «Инстинкт, или Небеса взбунтовались» и рассказы «Яма», «Квадратное солнце», «Кайнозой» и «Под устаревшим Солнцем» попали под жесткую критику автора статьи.

Очень важна мысль А. Халиуллиной и Г. Галиной о том, что в повести «Плыл по океану рыжий остров» М. Кунафина «маленькая башкирская деревня – это своеобразный осколок общества, показательный пример «усталости» системы, из которой вынута все сущностное, что делает народ народом, а человека – личностью, представителем этноса» [Халиуллина, Галина, 2023. С. 2572].

В размышлениях его эпических героев ощутимо внутреннее единство с национальными традициями башкирского народа. М. Кунафин стремится раскрыть миропонимание и самобытность народа, размышляющего о сути жизни.

В рассказе «В деревню явится Аллах... Или Остановившееся время» события и герои представлены в сопоставлении. Эффект неожиданности создает сон Ахата по прозвищу Бес (Бәрей), в котором герой увидел Аллаха. Всевышний явился ни к кому-нибудь, а именно к Бесу. Метод контраста, использованный автором, придает рассказу внутреннее напряжение. Прозвище Бәрей, означающее темные, нечистые силы, противопоставляется Высшей силе.

Во сне Аллах предупреждает героя о том, что придет в пятницу в деревню и чтобы к Его приходу Ахат пожертвовал комолую (безрогую) корову.

«Прозвище Бес он получил от односельчан за излишнюю старательность, обращенную только в свою пользу, а еще за чрезмерную неуступчивость. Он не ходит ни на какие собрания и сходки, даже на поминки. Объявленные по деревне обязательные общественные работы тоже игнорирует» [Кунафин, 2012. С. 181]. Далекий от религии герой, к удивлению, воспринимает сон серьезно. Обнаружив среди своих коров комолую, Бес Ахат начинает основательно готовиться: надевает чистую рубашку, свой праздничный костюм и направляется к деревенскому священнослужителю. Мулла заявляет, что «истинная хвала свойственна только Всевышнему. Это мы хвалим его, но чтобы унижить, призывая во сне в человеческом облике, – это грех...», «сон твой для меня – пустышка» [Кунафин, 2012. С. 187]. Ахат злится и напоминает мулле о прошлом его рода: «Ваш род всю жизнь только и знает, что выпрашивает, это всякому известно. Да и грехов немало набрали, знаем, как внук конокрада Муратши стал проповедником» [Кунафин, 2012. С. 187]. Увидев в хозяйстве муллы чужую жену, Ахат приходит к выводу, что мулла, как в прошлом, так и в настоящем, не отличается безупречной нравственностью, значит, он не сможет найти в нем опору.

Противопоставлениями и сравнениями М. Кунафин старается придать произведению глубокое образное содержание. Противоречивость характерна для большинства персонажей рассказа, она проявляется и в поступках Мансур-хазрета, полевода Исмагила, деревенской поэтессы Сагиры, даже в комолой корове (оказывается, корова-то никакая не комолой: «как и хозяин, забодала всех, оттого и безрогая») [Кунафин, 2012. С. 183].

Интерьеры двора Беса и муллы противопоставляются в описании простых бытовых явлений: «двор у Ахата холеный. Зимой там даже снега не бывает. Не ленится Ахат, лопатой убирает, на корыте выносит на улицу, горой складывает в огороде» [Кунафин, 2012. С. 181], а «двор одинокого муллы зарос бурьяном» [Кунафин, 2012. С. 186].

Сложное «сюжетное время» [Лихачев, 1987. С. 496] раскрывается в событиях, развивающихся вокруг сна главного героя. Оно «сталкивается с формами времени, присущими сознаниям персонажей. Движение времени обусловлено пересечением субъектных сфер» [Виноградов, 1936. С. 114]. Учитывая

вышесказанное, в произведении можно наблюдать разные формы сюжетного времени, которые имеют свои особенности:

- *ирреальное время* – это время сна главного героя. Художественное время в башкирской деревне начинается со сна героя, в котором он видит Аллаха. Сон в данном случае, как элемент сюжета, выполняет функцию завязки и дает развитие действию в рассказе;

- *будущее время*, которое также является разновидностью ирреального времени, порожденного фантазией главного героя. Все же, в отличие от него, оно происходит в сознательном состоянии героя, когда он после сна в своем воображении планирует по случаю прибытия Аллаха устроить пир, достойный прием на берегу реки Мандем. В мечтах героя символический религиозный образ попадает в реальное пространство деревни, создавая будущее героя на пути в рай;

- *реальное время главного героя*, во время которого он начинает подготовку к встрече с Аллахом;

- *ускоренное время* или же «обрыв счета времени» [Виноградов, 1936. С. 114], время нетрезвого состояния героя, когда он теряет счет времени;

- *замедленное*, то есть остановившееся время в восприятии одного из персонажей рассказа – пожилой женщины Асмы.

Небезынтересно то, что счет времени главного героя не совпадает со счетом времени другого персонажа, хотя они живут по соседству в одном реальном пространстве. Как отмечает А.Н. Семенов, «время в художественной трактовке нередко становится синонимом жизни» [Семенов, 2020. С. 12]. Изображение художественного времени в рассказе М. Кунафина рассматривается через противоречивое осознание героями реального времени. Ускоренность и замедленность реального времени в ощущениях персонажей рассказа воспринимается как художественное время. Видение художественного времени автора воплощены в размышлениях бабки Асмы, которая рассуждает, что «у каждого свои часы...» [Кунафин, 2012. С. 194].

Для главного героя, увидевшего Аллаха во сне, и для его соседки, которая 50 лет ждет мужа с войны, временный поток не один и тот же. Утраченные пять дней времени Ахата, проведенные в пьяном состоянии, как бы ускоряют его реальное время. Для бабки Асмы время кажется остановившимся, так как она никак не может встретиться со своим мужем, погибшим на войне. «Чувство времени» человека также не является врожденным качеством – оно воспитывается соответствующей культурной и социально-бытовой средой, соответствующими религиозными представлениями. И главное – понимание времени исторично» [Семенов, 2020. С. 115]. Разумеется, мы не утверждаем, что здесь отражены все формы художественного времени: приведены лишь представленные в рамках рассказа автора. Обобщение времени в рассказе ведется по фактам жизни героев, выбор фактов зависит от смысла творческой задачи писателя. Главная, выдвинутая рассказом задача: художественное раскрытие роли времени путем постижения духовных ценностей и значимости родной земли.

Хронология событий ведется от неожиданного вторжения Бога в безбожную жизнь героя. Логика рассказа требует от Ахата нравственного шага, и она после сна подтверждается действиями героя. «Бог не учит нас, Он – сам ученье для понятливых, – вымолвил Ахат и оглянулся, решив, что такие умные слова вырвались не из его уст, а кто рядом подсказал» [Кунафин, 2012. С. 190]. Бес Ахат удивляется самому себе: не интересующийся ничем, кроме бытовых проблем, житель деревни вдруг начинает говорить о высоких материях, о Боге.

Прозаик показывает, что перспектива нравственного развития общества зависит от отношения человека к жизни, от его ответственности перед обществом и выбора будущего. При этом герои, вступая во взаимоотношения с другими персонажами, которые способны оказывать на них влияние и управлять их подсознанием, теряют жизненный ориентир. Исмагил мешает Ахату довести свой план до конца, сбивает его с пути, который был указан ему во сне, уговаривая составить ему компанию. В итоге герой рассказа попадает в коварную ловушку полевода из-за своей слабости к алкоголю. Данная встреча заостряет ситуацию рассказа. Герой, планировавший встретиться Аллаха, употребляет запретную пищу (харам) и теряет счет времени. Соответственно, начатая им подготовка обрывается во вторник, провал памяти героя и провал сюжетного времени восстанавливаются лишь в субботу, когда герой приходит в себя. Время для Ахата «перепрыгнуло вперед: вчера был вторник, а сегодня – суббота» [Кунафин, 2012. С. 194], и он предполагает, что пропустил встречу с Аллахом.

В диалоге главного героя со многими односельчанами присутствуют скрытое напряжение, конфликтность мировосприятия. Первый человек, который встретился ему после выхода из дома, была соседка Асма, которая ждет мужа с войны больше полувека. «Если Бог явится, скажи ему, чтобы братишку Смерть с косою тоже с собой взял. Сказали, что до Гирфана можно доехать только на ее телеге...» [Кунафин, 2012. С. 194]. В поступке пожилой женщины проявляются внутренняя сила, терпимость, верность. Среди персонажей рассказа она отличается высокой нравственностью.

В финальной части рассказа Смерть забирает героиню к себе. Под влиянием происходящих событий начинается нравственное изменение Беса Ахата. «На поминки бабушки Асмы, несмотря на хай жены

Шарифы, Ахат в середине лета, в удойное время, зарезал “комолую” корову» [Кунафин, 2012. С. 195]. Его благородный поступок – пожертвование на поминки одинокой соседки своей коровы – ставит его выше той позиции, в которой он был до этого.

Заключение

В зависимости от участия трех субъектов в литературном произведении: автора, героя, читателя – ученые рассуждают о времени создания, времени функционирования и времени восприятия текста. В отличие от данного подхода в литературоведении существует вопрос художественного времени. Анализ художественного времени в рассказе М. Кунафина дает возможность определить его важную функцию как способа образного познания художественного мира писателя, которая позволяет наблюдать за процессом преобразования и обретения героем нравственных качеств. Изображение художественного времени рассматривается через осознание героями реального времени. Разные формы сюжетного времени раскрываются в событиях, развивающихся вокруг сна главного героя, которые составляют основу сюжета рассказа. Значителен внутренний подтекст сна, способствующий духовному перелому героя. Заложенная во сне героя установка изменить свое отношение к окружающим определяется изображаемым временем. Целостное пространство произведения представлено деревенским бытом и персонажами, которые погружены в традиционные семейные связи, соединяющие прошлое, настоящее и будущее.

Таким образом, в творческом мире писателя М. Кунафина объектом художественного изучения стала жизнь сельских жителей, отражаемая через призму художественного времени. Раздумья о нравственном наполнении существования человека осуществляются путем изображения обычных проблем его бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алибаев З.А. В границах новых горизонтов. По следам повести Мунира Кунафина «Инстинкт» // Бельские просторы. № 6. 2019. С. 94–96.
- Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.
- Виноградов В.В. Стиль «Пиковой дамы» // Временник Пушкинской комиссии. Т. 2 / Ред. Ю.Г. Оксман. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. С. 74–147.
- Кунафин М.С. В деревню явится Бог... или Остановившееся время // Бельские просторы. 2012. № 10. С. 27–36.
- Кунафин М.С. Тәңре өрөк капканда. Хикәйәләр. Өфө: Китап, 2012. 216 б.
- Кунафин М.С. Шакмак кояш: повестар, хикәйәләр. Өфө: Китап, 2021. 304 б.
- Лихачев Д.С. Избранные работы: В 3 т. Т. 1. О себе; Развитие русской литературы X–XVII веков; Поэтика древнерусской литературы. Л.: Художественная литература, 1987. 656 с.
- Маслов Е.С. Время в нарративе: «фабула – сюжет» и «история – дискурс» vs семиотический треугольник // *Studia Litterarum*. 2023. Т. 8. № 3. С. 10–27. DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-10-27>.
- Набиуллина Г.М. Сохранившиеся элементы демонологических воззрений древнего человека в духовной культуре башкир // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 5А. С. 199–206.
- Надергулов М.Х. Наука о башкирском словесном искусстве // Ватандаш. 2022. № 7. С. 105–115.
- Семенов А.Н. Художественное пространство и художественное время // Слово. Текст. Контекст. 2020. № 1. С. 103–120. DOI: <https://doi.org/10.26105/2527.2019.1.1.007>.
- Халиуллина А.Г., Галина Г.Г. Нравственные ценности народа в повести современного башкирского прозаика Мунира Кунафина «Плыл по океану рыжий остров» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 8. С. 2571–2576. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20230403>.

REFERENCES

- Alibaev, Z.A. 2019, “Within the boundaries of new horizons. In the footsteps of Munir Kunafin’s novel «Instinct»”, *Belsky open spaces*, no. 6, pp. 94–96. (In Russ.)
- Bakhtin, M.M. 1975, *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let*. Khud. Lit., Moscow, 504 p. (In Russ.)
- Khaliullina, A.G., Galina, G.G. 2023, “Moral values of the people in the novella “The red island floated on the ocean” by the modern Bashkir prose writer Munir Kunafin”, *Philology. Theory & Practice*, vol. 16, no. 8, pp. 2571–2576. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20230403>.
- Kunafin, M.S. 2012, *The time when Tengri swallowed the apricot*. Kitap, Ufa, 216 p. (In Bash.)
- Kunafin, M.S. 2012, “Allah will appear in the village... or the Stopped time”, *Belsky open spaces*, no. 10, pp. 27–36. (In Russ.)
- Kunafin, M.S. 2021, *Square Sun. Novels, short stories*. Kitap, Ufa, 304 p. (In Bash.)

Likhachev, D.S. 1987, *Izbrannye raboty: V 3 t. T. 1. O sebe; Razvitie russkoj literatury X–XVII vekov; Poetika drevnerusskoj literatury* (“Selected works: in 3 vols. Vol. 1. About myself. The development of Russian literature of the X–XVII centuries. The poetics of ancient Russian literature”). Hudozhestvennaya literature, Leningrad, 656 p. (In Russ.)

Maslov, E.S. 2023, “Time in narrative: «plot – plot» and «history – discourse» vs semiotic triangle”, *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 3, pp. 10–27. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-10-27>

Nabiullina, G.M. 2017, “Preserved elements of the demonological views of ancient man in the spiritual culture of Bashkirs”, *Kul'tura i tsivilizatsiya* [“Culture and civilization”], vol. 7, no. 5A, pp. 199–206. (In Russ.)

Nadergulov, M.Kh. 2022, “The science of Bashkir verbal art”, *Vatandash*, no. 7, pp. 105–115. (In Russ.)

Semenov, A.N. 2020, “Art space and art time”, *Word. Text. Context*, no. 1, pp. 103–120. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.26105/2527.2019.1.1.007>

Vinogradov, V.V. 1936, “The style of the «Queen of Spades»”, *Vremennik Pushkinskoj komissii. T. 2* [“The Time of the Pushkin Commission. Vol. 2”], Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moscow-Leningrad, pp. 74–147. (In Russ.)

Сведения об авторе

Гульнур Мирзаевна Набиуллина, кандидат филологических наук, доцент, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: gulnurnabiullina@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4640-3449

Information About the Author

Gulnur M. Nabiullina, Cand. Sc. (Philology), docent, Order of the Badge of Honour of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, the Russian Federation, Ufa. E-mail: gulnurnabiullina@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4640-3449

УДК 903.5(450.57)

Дата поступления статьи: 20.04.2024

Дата принятия статьи: 20.05.2024

МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ МУРАКАЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

Янина Валерьевна Рафикова

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Уфа, Россия

E-mail: ziada@bk.ru

Аннотация: В статье публикуются материалы эпохи поздней бронзы Муракаевского могильника. Даны описание и подробная характеристика погребального обряда и вещевого комплекса трех погребений эпохи бронзы из двух курганов 3 и 5 Муракаевского могильника. Уточнена культурная атрибуция погребения из кургана 3, ранее определенная как срубная. Обломки верхней части сосуда, найденного в погребении, позволили отнести его к финальной бронзе. Орнаментальная композиция сосуда находит соответствия в традиции бархатовской культуры.

Интересной особенностью обряда, зафиксированного в погребении 1 кургана 5, является парное погребение детей, свидетельствующее, что такие захоронения, распространенные у алакульских и срубно-алакульских популяций, практиковались и у черкаскульского населения. Безынвентарное погребение 2 этого же кургана, где погребенный находился на левом боку головой к юго-западу, также может относиться к черкаскульской культуре.

Время черкаскульских комплексов Южного Зауралья на сегодняшний день определяется в пределах третьей четверти II тыс. до н.э. Бархатовские древности датируются последней третью II тыс. до н.э.

Ключевые слова: Южное Зауралье, эпоха поздней бронзы, финальный этап эпохи бронзы, черкаскульская культура, бархатовская культура, погребальный обряд, парное погребение

Цитирование: Рафикова Я.В. Материалы эпохи бронзы Муракаевского могильника в Южном Зауралье // Известия УФИЦ РАН. Серия: История. Филология. Культура. 2024. Т. 1. № 2. С. 192–204. DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.2.022>

Благодарности. Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00570-24-01 на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов

UDC 903.5(450.57)

MATERIALS FROM THE BRONZE AGE OF THE MURAKAEVSKY BURIAL GROUND IN THE SOUTHERN TRANS-URALS

Yanina V. Rafikova

Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

E-mail: ziada@bk.ru

Abstract: The article publishes the material from the Late Bronze Age burials of the Murakaevsky burial ground explored by the expedition of N. A. Mazhitov in 1966. The burial ground is located on the outskirts of the Murakaevo village in the Abzelilovsky District. On the upper plowable terrace of the Maly Kizil River 12 mounds were excavated, most of them provided materials of the Early Middle Ages, Early Iron Age burials were discovered in three mounds. These materials received full coverage in scientific literature.

In Mounds 3 and 5 three burials of the Bronze Age were discovered, they were not published in full. In a condensed form, these materials came to light in two works in which Burial 3 of the Mound 3 was attributed to Timber-Frame Culture and Burials 2 and 5 were identified as “Cherkaskul” with the accompanying Timber-Frame. The purpose of the article is the complete publication of the materials from the Bronze Age burials of the Murakaevsky burial ground and clarification of their cultural attribution.

© Рафикова Я.В., 2024.

In each of the three Bronze Age burials of the Murakaevsky burial ground, the burial rite was distinguished by its originality. The burial rite traced in Burial 3 of Mound 3, where the skeleton was placed crouched on the right side, head to the east, corresponds to the Cherkaskul and Mezhoval traditions, traced to burial grounds located on both sides of the Ural Mountains. However, the fragment of the upper part of the vessel found beside the buried is alien to the Cherkaskul tradition. Its form and ornament find correspondence in the ceramic traditions of the Final Bronze of the Southern Trans-Urals (Pic. 3). Its ornament finds correspondence in the ceramic tradition of the Barkhatov Culture. In the Barkhatov Culture, only few burials are known and the eastern orientation of the buried is not typical for them. Nevertheless, we can conclude that the burial belongs to the final stage of the Bronze Age of the Trans-Urals and its materials reflect the multi-component nature of the formation of the Final Bronze Age culture of this territory. The paired burial of children from Burial 1 of Mound 5, in which the position of the buried is reconstructed as facing each other, was accompanied by Cherkaskul ceramics (Pic. 5, 1–7). Paired heterosexual burials are serially represented in the Alakul and Timber-Frame necropolises of the Southern Urals. A needle under the scull of the skeleton lying on the right side may indicate that it belongs to a girl. This burial indicates that the tradition of paired burials is not alien to the Cherkaskul Culture.

In Burial 2 without grave goods of Mound 5, a person was buried on his left side in a strongly crouched position with his head oriented to the south-west (Pic. 5, 8). It is rather difficult to attribute its cultural affiliation, but most likely, it may belong to the Cherkaskul Culture, like the paired burials from this mound.

The time of the Cherkaskul complexes of the Southern Urals is determined today within the third quarter of the 2nd millennium B.C. The Barkhatov antiquities date back to the last third of the 2nd millennium B.C.

Keywords: Southern Trans-Urals, Late Bronze Age, The final stage of the Bronze Age, Cherkaskul culture, burial rite, paired burial

Citation. Rafikova, Ya.V., 2024, “Materials from the Bronze Age of the Murakaevsky burial ground in the Southern Trans-Urals”, *Proceedings of the UFRS RAS. Series: History. Philology. Culture*, vol. 1, no. 2, pp. 192–204. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.2.022>

Acknowledgements. This study was carried out within the framework of the state assignment of the UFRS RAS No. 075-00570-24-01 for 2024 and for the planning period of 2025 and 2026

Введение

В 1965–1966 гг. экспедицией БФАН СССР под руководством Н.А. Мажитова были исследованы Муракаевские курганы, расположенные на северо-восточной окраине д. Муракаево Абзелиловского р-на БАССР (рис. 1, 2). На верхней распахиваемой террасе левого берега р. Малый Кизил было раскопано 12 курганов, большинство из них дало материалы раннего средневековья, в трех курганах были выявлены погребения раннего железного века. Эти материалы получили достаточно полное освещение в научной литературе [Мажитов, Пшеничнюк, 1977. С. 55–60; Мажитов, 1977. С. 102, 108; Мажитов, 1981. С. 137–146].

Материалы эпохи бронзы, обнаруженные в курганах 3 и 5, не были опубликованы в полном объеме. Материалы погребения кургана 3 были отражены в сводной публикации новых погребальных памятников срубной культуры из южных районов Башкирии. В этой работе характеристика погребального обряда сведена в таблицы 1 и 2, а опубликованный рисунок обломка верхней части сосуда дает о нем весьма общее представление [Морозов, Пшеничнюк, 1976. С. 7, 10. Рис. 5, 1].

Следующее упоминание материалов эпохи бронзы Муракаевского могильника также дано в сокращенной форме. В тексте упомянуто, что «в Муракаевском могильнике курган 5 оказался черкаскульским» [Рутто, 2003. С. 67]. В таблице, где содержатся общие сведения по срубно-алакульским памятникам Бельско-Уральского междуречья, отмечено, что в могильнике исследовано два кургана эпохи бронзы с двумя погребениями, основная культура определена как «черкаскуль», а сопутствующая – как «срубная» [Рутто, 2003. С. 133]. В этой работе даны и рисунки материалов двух погребений. К одному из них (в подписи к рисунку), указанному как «кург. 3 погр. ?», относится план погребения [Рутто, 2003. Рис. 53, 5], а также обломок верхней части того же сосуда, что и в предыдущей упомянутой публикации [Рутто, 2003. Рис. 53, 2]. Другое погребение в подрисуночной надписи, обозначенное как «кург. 5 погр. 1», представлено рисунком плана парного захоронения и трех найденных в нем рисунков [Рутто, 2003. Рис. 53, 3, 4, 6–8]. Из-за мелкого масштаба рисунков погребений и сосудов довольно сложно получить полноценное впечатление о погребальном обряде и элементах орнамента сосудов.

Данная статья посвящена полноценному описанию этих материалов.

Материалы эпохи бронзы Муракаевского могильника

Курган 3 имел овальную форму размером 12 x 16 м, вытянутую по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток, высоту 0,25–0,3 м (рис. 4).

Стратиграфия разреза А–Б «запад-северо-запад – восток-юго-восток»:

1. Пахотный слой 20–25 см.
2. Насыпь кургана – светло-серый суглинок 10–90 см.

Максимальная мощность слоя фиксируется над центральным погребением 3. Слой выклинивается в восточной-юго-восточной части профиля, не доходя до ее края на расстоянии 3,8 м. В слое наблюдаются линзы выкида материкового щебня с восточной-юго-восточной стороны от края могильной ямы, лежащие на погребенной почве. Крупная линза имеет размер 100 x 5–10 см, более мелкая – 15 x 5 см. В центральной части слой подстилается щебнем, смешанным с черноземом, представляющим заполнение могильной ямы. На остальном пространстве подстилается погребенной почвой.

3. Погребенная почва – темный суглинок 25–50 см. На расстоянии 5,5 м от западного-северо-западного края профиля и 8,6 м от восточного-юго-восточного края профиля слой прерывает заполнение центральной могильной ямы, состоящее из щебня, смешанного с черноземом.

4. Заполнение могильной ямы – щебень, смешанный с черноземом 70–80 см.
5. Материк – желтый щебень.

Стратиграфия разреза С–Д «юго-юго-запад – северо-северо-восток»:

1. Пахотный слой 20–25 см.

2. Насыпь кургана – светло-серый суглинок 10–100 см. Зафиксирован на всем протяжении профиля. Максимальная мощность наблюдается над могильной ямой центрального погребения 3. В слое зафиксированы две линзы могильного выкида. Одна из них размером 60 x 10 см, зафиксированная в юго-юго-западной стороне профиля, – выкид из могильной ямы погребения 2, располагающийся с северо-северо-восточной стороны могилы. Другая, размером 150 x 5–10 см, зафиксированная в северо-северо-восточной стороне профиля, – выкид из могильной ямы центрального погребения 3, подстилаемый слоем погребенной почвы.

3. Погребенная почва – темный суглинок 15–40 см.

4. Заполнение могильных ям – щебень, смешанный с черноземом 70–80 см. В разрезе могильной ямы погребения 2 мощность слоя составляет 25 см. В разрезе могильной ямы погребения 3 мощность слоя составила 60–100 см.

5. Материк – слой желтого щебня.

Под насыпью обнаружено 3 погребения эпохи раннего средневековья, одно из них было впущено в центральное погребение 3, устроенное в эпоху поздней бронзы.

Погребение 3 располагалось в центре подкурганной площадки. На дне нарушенной могилы размером 2,9 x 2,5 м глубиной 1,8 м¹ «обнаружены остатки сильно потревоженного костяка человека, который лежал на правом боку, скорченно, головой на восток. Вместе с костями человека найдены обломки плоскодонного сосуда эпохи бронзы, украшенного на верхней части зубчатым орнаментом. Сосуд еще в древности был расколот, а затем скреплен бронзовой пластинкой» [Мажитов, 1966а. С. 15]. Именно этот сосуд был упомянут в статье Морозова, Пшеничнюка [1976] и монографии Н.Г. Рутто [Рутто, 2003. Рис. 53, 2].

В фондах Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (далее – ИЭИ УФИЦ РАН) хранится верхняя часть сосуда, представленная двумя обломками, склеенными из фрагментов. Два фрагмента соединены бронзовой скобой шириной 0,4 см, длина ее на внешней части сосуда 3 см, длина загиба с внутренней стороны 1,3 см, другой обломан. Внешняя и внутренняя поверхности сосуда хорошо заглажены, цвет их черный. Короткий венчик отогнут, его край скруглен, местами уплощен. Между венчиком и расширяющимся туловом с внутренней стороны имеется небольшое ребро. По тулову зубчатым штампом нанесены по 3, реже по 4 наклонные линии, образующие зигзаговую линию, на верхних углах которой нанесены подокруглые вдавления. Реконструированный диаметр устья сосуда 14,8 см (рис. 5).

Курган 5 овальной формы, размером 13,5 x 7,5 м, вытянутой по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток, высотой 0,25–0,3 м (рис. 6). «На поверхности кургана лежали несколько больших известняковых камней, которые были выворочены плугом трактора» [Мажитов, 1966а. С. 16–17].

Стратиграфия разреза А–Б «запад-северо-запад – восток-юго-восток» (южная сторона):

1. Пахотный слой 20–25 см.

2. Насыпь кургана – светло-серый суглинок 10–90 см. Максимальная мощность фиксируется над центральным погребением 5. Слой выклинивается в западной-северо-западной части профиля, не доходя до ее края на расстоянии 2,2 м. В слое наблюдаются две линзы выкида материкового щебня.

¹ От поверхности кургана.

Линза размером 90 x 5–10 см расположена с западной-северо-западной стороны от края могильной ямы центрального погребения 5. Линза размером 35 x 5–7 см расположена на расстоянии 80 см с западной-северо-западной стороны от края могильной ямы погребения 2. Обе линзы подстилаются погребенной почвой. Слой насыпи кургана за исключением участков соприкосновения с заполнением могил из щебня, смешанного с черноземом, также подстилается погребенной почвой. Слой имеет максимальную мощность над центральной частью могильных ям, где фиксируется в качестве их заполнения.

3. Погребенная почва 10–20 см.

4. Заполнение могильных ям – щебень, смешанный с черноземом 40–80 см. В разрезе могильной ямы погребения 2 мощность слоя составляет 40 см. В разрезе могильной ямы погребения 5 мощность слоя составила 45–80 см.

5. Материк – щебень желтого цвета.

Под насыпью было обнаружено 5 погребений, 2 из которых были совершены в эпоху бронзы, в остальных 3 содержались материалы эпохи раннего железного века.

Погребение 1 расположено в северо-восточной части подкурганной площадки (рис. 6). Совершено в яме прямоугольной в плане формы размером 1,6 x 1,7 м, глубиной 0,95 м. На дне расчищены останки двух детей. Один из них был положен скорченно на правый бок, головой на запад. От второго сохранились только череп и лучевая кость; головой он также был ориентирован на запад. Черепа погребенных соприкасаются, как если бы они лежали лицом друг к другу. Под черепом костяка на правом боку лежала бронзовая иголка (рис. 7, 1, 2). Погребение сопровождается четырьмя сосудами. В головах усопших поставлено три сосуда – два у костяка, предположительно положенного на левом боку, и один у костяка, лежащего на правом боку, еще один сосуд располагался у него в ногах.

Сосуд 1 склеен из множества фрагментов. Сосуд горшечной формы и плоским дном с умеренно выпуклыми боками, максимальное расширение тулова приходится на его середину. Край венчика слегка отогнут. Сформован из плотного теста с примесью шамота, талька. Поверхность очень хорошо заглажена. Внешняя поверхность пятнистая, состоит из перемежающихся пятен темно-серого, коричневого, оранжевого и черного цветов. Орнаментирована верхняя треть поверхности сосуда – венчик и верхняя часть тулова. Верхняя часть венчика выделена пояском из проходящей под ними зигзаговой линией с перемежающимися крестообразными фигурами и оттиснутой под ними горизонтальной линией. По шейке проходят сгруппированные по 4–8 наклонные отрезки, под которыми проведены две горизонтальные линии, к нижней из которых подвешены вершинами вниз наклонно заштрихованные треугольники. Техника нанесения орнамента – зубчатый штамп. Высота сосуда – 8–8,5 см, диаметр по устью – 10–10,3 см, диаметр по тулову – 18,2–18,5 см, диаметр дна – 5 см (рис. 7, 4).

Сосуд 2 с закрытым устьем, венчик не выделен. Тулово к середине слегка расширено, в нижней части имеет крутой изгиб, образующий округлые бока. Дно плоское. Сформован из глиняного теста с включениями неокатанной гальки, талька и, предположительно, шамота. Внутренняя и внешняя поверхности хорошо заглажены, особенно внутренняя. Несмотря на хорошо заглаженную внешнюю поверхность, на ней имеются бугры. Внешняя поверхность серого цвета с розоватыми пятнами. Орнаментирована верхняя половина сосуда двумя рядами наклонных отрезков, сгруппированных по 4–7, нанесенных гладким штампом и разделенных двумя горизонтальными линиями подтреугольных вдавлений. Еще одна линия более крупных подтреугольных вдавлений проходит под нижней линией наклонных отрезков. Высота – 10 см, диаметр по устью – 11,5 см, диаметр по тулову – 12,8 см, диаметр дна – 7,9–8 см (рис. 7, 5).

Сосуд 3 горшечной формы с раздутым туловом и плоским дном с закраиной. Глиняное тесто с небольшой примесью талька. Внутренняя и внешняя поверхности хорошо заглажены. Внешняя поверхность серо-розового цвета. Венчик хорошо выделен, с небольшим утолщением у края, отогнут наружу. Под ним проведена небольшая каннелюра, выделяющая его край. Шейка опоясана заштрихованными треугольниками, в основании которых проведены две каннелюры, под которыми проходят две ленты наклонных отрезков, разделенных каннелюрой. Заштрихованные треугольники и наклонные ленты нанесены оттисками гребенчатого штампа, отпечатки которого местами столь глубоки, что зубчики штампа не просматриваются. Высота – 10,3 см, диаметр по устью – 12 см, диаметр по тулову – 12,2–13 см, диаметр дна – 7 см (рис. 7, 6).

Сосуд 4 горшечно-баночной формы со слегка выпуклым туловом, максимальное расширение которого приходится на середину сосуда. Венчик слегка отогнут, его край уплощен. В плотном глиняном тесте примесь предположительно шамота, талька практически нет, на поверхности видны его единичные блестки. Внутренняя и внешняя поверхности хорошо заглажены. Цвет внешней поверхности темно-серый. Орнаментирован в верхней трети. Под краем венчика проведена каннелюра, ниже которой полоса вертикальной елочкой, нанесенной гладким штампом. Высота – 8,7 см, диаметр по устью – 10,6–11 см, диаметр по тулову – 11–11,5 см, диаметр дна – 7,2–7,4 см (рис. 7, 8).

Погребение 2 расположено в юго-восточной части подкурганной площадки. Совершено в яме прямоугольной в плане формы размером 2,25 x 1,3 м, глубиной 1,3 м. Костяк плохой сохранности, лежит на левом боку, скорченно, головой на юго-запад. Вещей нет (рис. 7, 8). Именно это погребение было опубликовано в монографии Н.Г. Рутто с подписью «кург. 3 погр.» [Рутто, 2003. Рис. 53, 5].

Кроме того, в фондах ИЭИ УФИЦ РАН вместе с материалами эпохи бронзы Муракаевского могильника хранятся обломки одного сосуда и два венчика от двух сосудов, принадлежащих черкаскульской культуре, о которых нет упоминаний в отчете Н.А. Мажитова. Не исключено, что эта керамика также происходит из Муракаевских курганов, поэтому мы сочли возможным здесь же опубликовать их рисунки и дать описание.

Сосуд, представленный в обломках, имеет горшечную форму, венчик его отогнут. Плоское дно имеет небольшую закраину. Глиняное тесто плотное, однородное. Внутренняя и внешняя поверхности хорошо заглажены. Внешняя поверхность оранжево-серого цвета. Под венчиком оттиснута горизонтальная линия угловых вдавлений, под которой нанесены заштрихованные треугольники, ограниченные снизу рядом угловых вдавлений. Высота сосуда – 8,4 см, диаметр по устью – 9,3 см, диаметр по тулову – 10 см, диаметр дна – 8 см (рис. 8, 3).

Фрагмент венчика сосуда с верхней частью тулова. В хорошо промешанном глиняном тесте поблескивает очень мелко толченый тальк, возможно, являющийся естественной примесью. Обе поверхности подлощены. Под краем венчика и в верхней части тулова нанесены каннелюры, обрамленные горизонтальными угловыми вдавлениями. Между каннелюрами на шейке проходит орнамент из косоугольных треугольников, заштрихованных решеткой. В верхней части тулова виден фрагмент орнамента из равнобедренных треугольников вершинами вниз, внутренняя часть которых также заштрихована решеткой (рис. 8, 1).

Фрагмент венчика сосуда. Глиняное тесто с обильной примесью слюды. Край венчика слегка отогнут, приострен. Внутренняя и внешняя поверхности хорошо заглажены, оранжевого цвета. Под краем венчика виден фрагмент орнамента из наклонных отрезков, нанесенных зубчатым штампом. Под ними проведены две глубокие горизонтальные линии, ниже которых нанесены два ряда угловых вдавлений, образующие рельефную зигзаговую линию, под основанием которой проведена каннелюра. Толщина стенок – 0,7 см (рис. 8, 2).

Несмотря на то, что в центральном погребении 5-го кургана не найдено артефактов эпохи бронзы, не исключено, что эта могила была сооружена в это же время, а ее содержимое было полностью изъято при совершении захоронения раннего железного века.

Заключение

Таким образом, в двух курганах Муракаевского могильника находилось три погребения эпохи бронзы, в каждом из которых обряд погребения отличался своеобразием.

Обряд погребения, прослеженный в погребении 3 кургана 3, где костяк располагался скорченно, на правом боку, головой на восток, соответствует черкаскульской и межовской традициям, прослеженных в могильниках, расположенных по обе стороны от Уральских гор. Такие же захоронения известны в могильнике Тартышево I в северо-западном Башкортостане и в могильнике Такталачук из восточного Татарстана [Казаков, 1979. С. 145–149], а также в могильниках Березки Vг и Перевозный Ia, расположенных в лесном Зауралье [Котельникова, 2001. С. 57–58]. Как отмечают специалисты, для зауральской территории правобочное положение и восточная ориентировка характерны для раннечеркаскульской традиции [Котельникова, 2001. С. 59]. Однако обломок верхней части сосуда, найденный при погребенном, чужд черкаскульской традиции. Его форма и орнамент находят соответствия в керамических традициях финальной бронзы Южного Зауралья [Епимахов, 2010. Рис. 3]. Например, зигзаговые полосы, над верхними углами которых нанесены вдавления (ямочки), прослежены в орнаментальной традиции бархатовской культуры, чему не противоречит и форма сосуда [Матвеев, Аношко, 2009. Рис. 24, 5; 73, 14, 22]. В бархатовской культуре известны только единичные погребения, и восточная ориентировка погребенных в них не фиксируется [Матвеева, Зиминая, 2011]. Тем не менее можно заключить, что погребение относится к финальному этапу эпохи бронзы Зауралья, и его материалы отражают многокомпонентный характер формирования культуры финальной бронзы этой территории.

Погребение пары детей из погребения 1 кургана 5, где положение погребенных реконструируется как лицом друг к другу, сопровождалось черкаскульской керамикой. Парные разнополюсы захоронения серийно представлены в алакульских и срубно-алакульских некрополях Южного Урала [Рафикова, 2014, 2019, 2023]. В алакульских комплексах в большинстве случаев на правом боку находился покойник женского пола, на левом – мужского. Иголка под черепом костяка на правом боку может указывать на его принадлежность девочке. Это погребение свидетельствует, что традиция совершения парных погребений не чужда и черкаскульской культуре.

В безынвентарном погребении 2 этого кургана находился погребенный на левом боку в сильно скорченном положении, ориентированный головой к юго-западу. Довольно сложно атрибутировать его культурную принадлежность, но, вероятнее всего, он может относиться к черкаскульской культуре, как и парное погребение из этого кургана. Хотя безынвентарные погребения редки для черкаскульской погребальной традиции [Обыденнов, Шорин, 1995. С. 16].

Датировка черкаскульских комплексов Южного Зауралья на сегодняшний день – в пределах третьей четверти II тыс. до н.э., бархатовские древности датируются последней третью II тыс. до н.э. [Молодин, Епимахов, Марченко, 2014. С. 146].

Не исключено, что количество курганов эпохи бронзы в Муракаевском некрополе не ограничивалось двумя рассмотренными в этой работе, но обнаружить их на сегодняшний день – невыполнимая задача, поскольку территория некрополя подвергалась многолетней распашке.

В работе использованы результаты НИР, хранящиеся в научных фондах ИЭИ УФИЦ РАН.

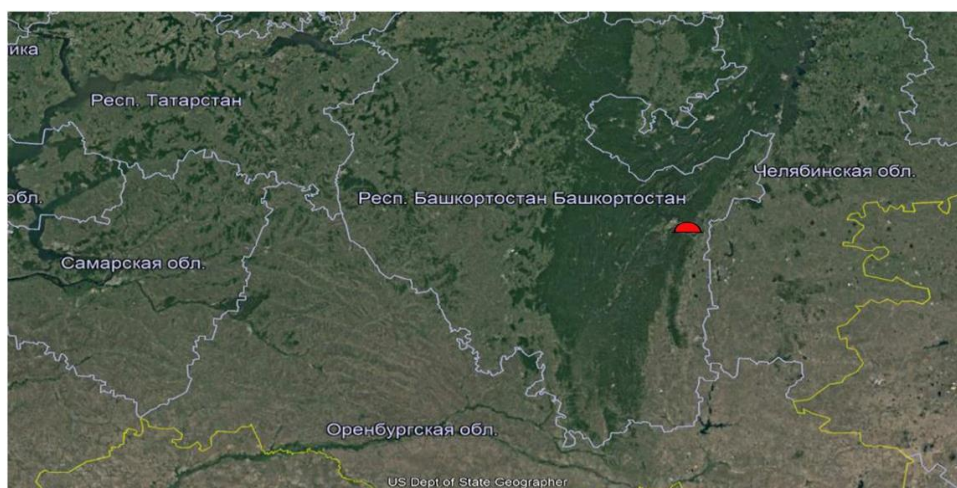

Рис. 1. Местонахождение Муракаевского могильника
 Fig. 1. Location of the Murakaevsky burial ground

Рис. 2. Местонахождение Муракаевского могильника
 Fig. 2. Location of the Murakaevsky burial ground

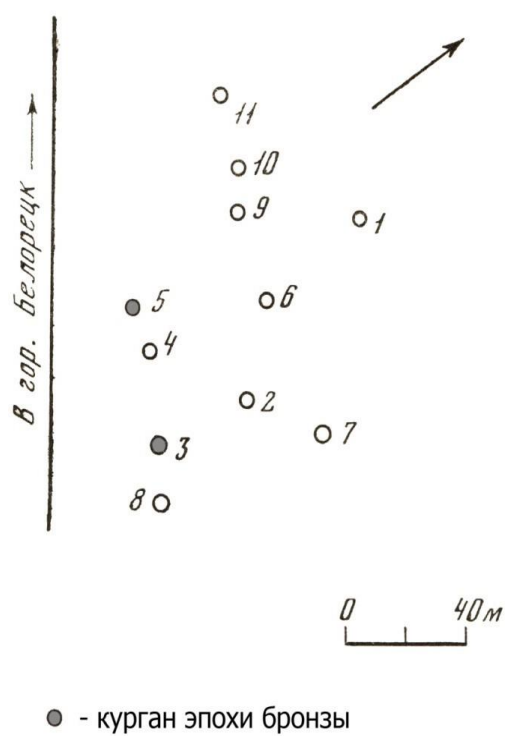

Рис. 3. План Муракаевского могильника (по: [Мажитов, 1981. Рис. 67]
 Fig. 3. The plan of the Murakaevsky burial ground (according to: [Mazhitov, 1981. Fig. 67])

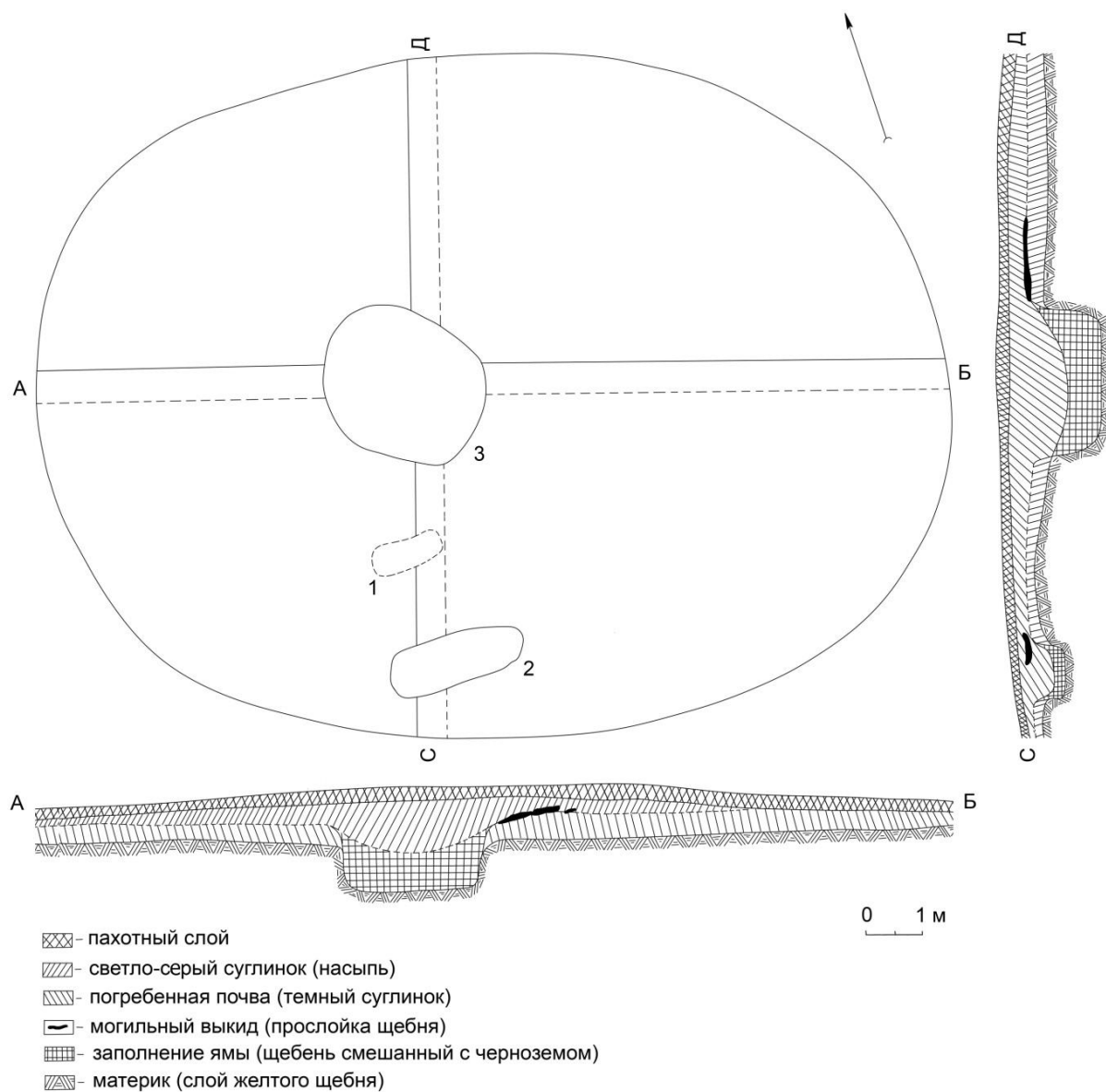

Рис. 4. Курган 3, план (по: [Мажитов, 1966б. С. 23])
 Fig. 4. Barrow 3, plan (according to: [Mazhitov, 1966b. P. 23])

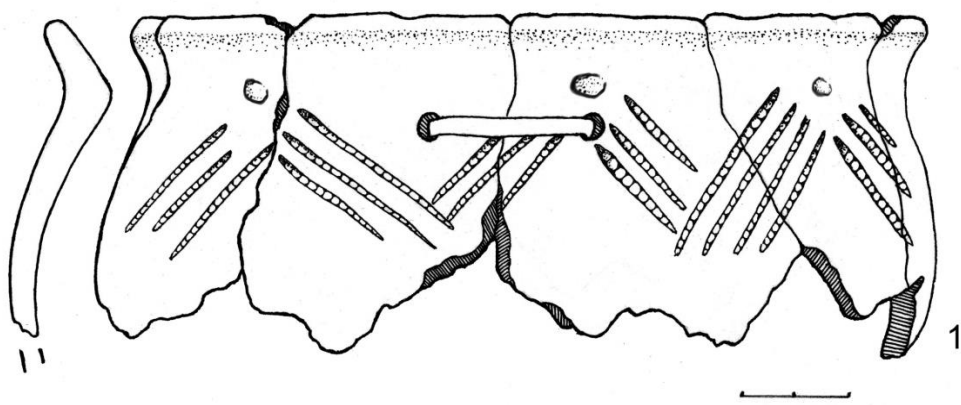
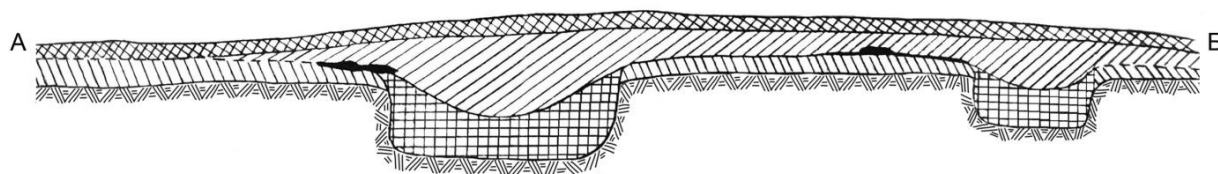
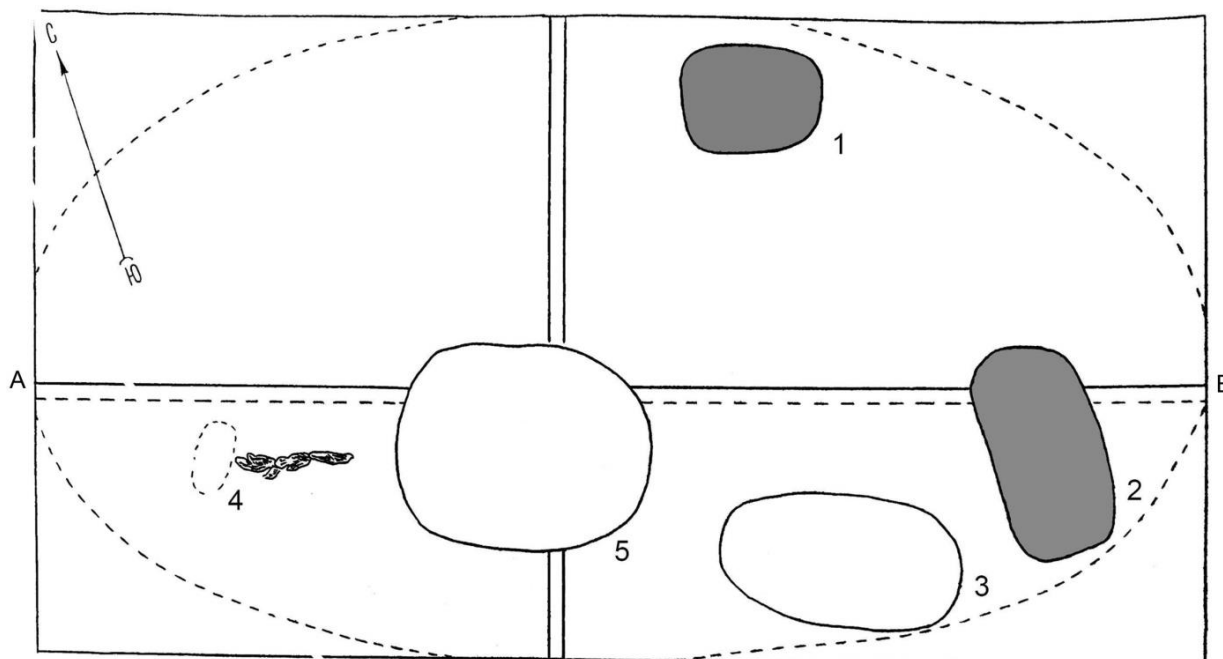

Рис. 5. Курган 3, сосуд из погребения 3
 Fig. 5. Barrow 3, vessel from burial 3

- ☒ — пахотный слой
- ▨ — светлый суглинок с включением мелкого известняка
- ▧ — погребенная почва (суглинок более темного цвета с включением известняка)
- ▩ — заполнение ямы (смешанная земля: щебень и суглинок)
- ▤ — материк (щебень желтого цвета)
- — могильный выкид
- ⬢ — камни
- — раскоп
- — контуры кургана

0 1 М

Рис. 6. Курган 5, план (по: [Мажитов, 1966 б. С. 30]
 Fig. 6. Barrow 5, plan (according to: [Mazhitov, 1966б. P. 30])

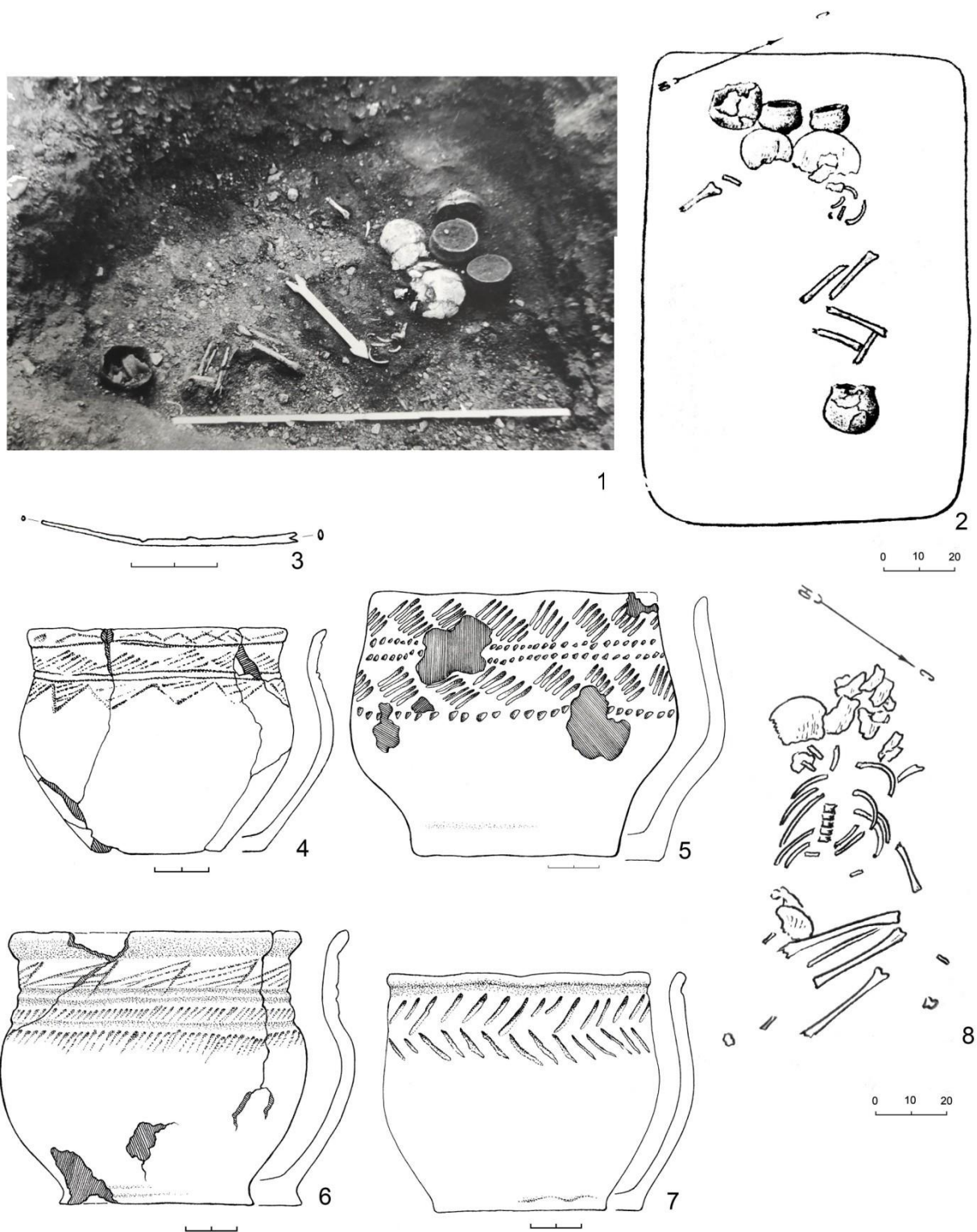

Рис. 7. Курган 5. 1. Фото погребения 1 (по: [Мажитов, 1966б. Рис. 105]; 2. План погребения 1 (по: [Мажитов, 1966б. Рис. 104]; 3. Игла из погребения 1; 4-7. Сосуды из погребения 1; 8. План погребения 2 (по: [Мажитов, 1966б. Рис. 107]

Fig. 7. Barrow 5. 1 – photo of the burial 1 (according to: [Mazhitov, 1966b. Fig. 105]; 2 – plan of burial 1 (according to: [Mazhitov, 1966b. Fig. 104]; 3 – needle from burial 1; 4-7 – vessels from burial 1; 8 – plan of burial 2 (according to: [Mazhitov, 1966b. Fig. 107]

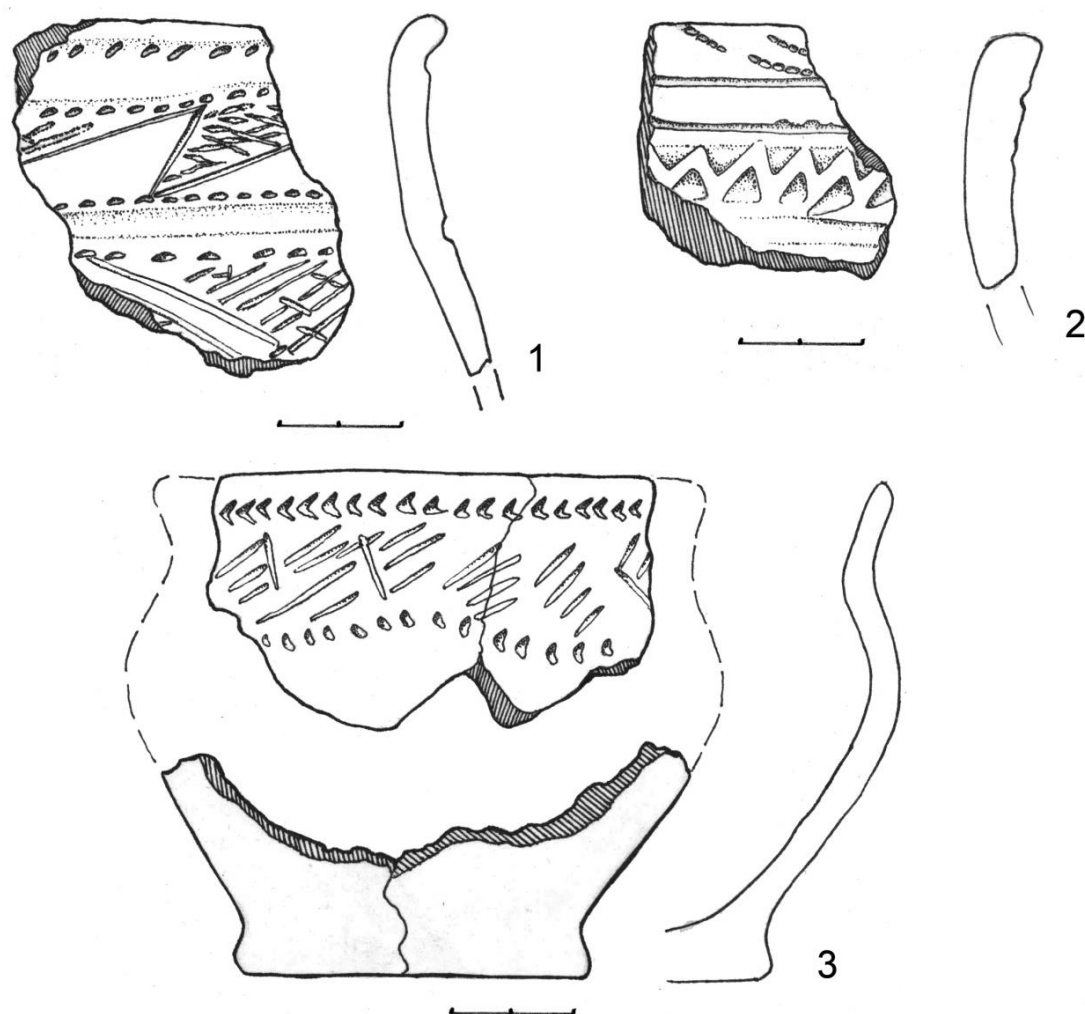

Рис. 8. Фрагменты сосудов из Муракаевского могильника
 Fig. 8. Fragments of vessels from the Murakaevsky burial ground (?)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Епимахов А.В.* «Темные века» эпохи бронзы Южного Зауралья // Российская археология. 2010. № 2. С. 39–50.
- Казаков Е.П.* Памятники черкаскульской культуры в восточных районах Татарии // Советская археология. 1979. № 1. С. 145–159.
- Котельникова И.А.* К вопросу о генезисе федоровской и черкаскульской культур (по материалам погребального обряда) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. № 3. С. 55–61.
- Мажитов Н.А.* Научный отчет о результатах археологической экспедиции 1966 года // Архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. № 688. Текст на 35 листах.
- Мажитов Н.А.* Научный отчет о результатах археологической экспедиции 1966 года // Архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. № 689. 35 с.
- Мажитов Н.А.* Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.
- Мажитов Н.А.* Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 164 с.
- Мажитов Н.А., Пишеничнюк А.Х.* Курганы раннесарматской культуры в юго-восточной Башкирии // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1977. С. 52–66.
- Матвеев А.В., Аношко О.М.* Зауралье после андроновцев: бархатовская культура / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: Тюменский дом печати, 2009. 414 с.
- Матвеева Н.П., Зимина О.Ю.* Погребения заключительного этапа бронзового века в Зауралье // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб.; М.; В. Новгород: Институт истории материальной культуры РАН, 2011. С. 244–245.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. № 13 (3). С. 136–167.

Морозов Ю.А., Пшеничнюк А.Х. Новые погребальные памятники срубной культуры в южной Башкирии // Древности Южного Урала / Редкол. Р.Г. Кузеев и др. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 3–17.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. 196 с.

Рафикова Я.В. Парные погребения алакульской культуры на Южном Урале // Арии степей Евразии: Эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях / Отв. ред. В.И. Молодин, А.В. Епимахов. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. С. 228–243.

Рафикова Я.В. Парные погребения западноалакульской (соль-илецкой) культурной группы: хронология, генезис, интерпретация [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2019. № 3 (31). С. 173–208 // http://vestospu.ru/archive/2019/articles/13_31_2019.pdf. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2019.31.13>.

Рафикова Я.В. Парные погребения кожумбердынской культурной группы эпохи поздней бронзы Южного Приуралья // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 4 (48). С. 130–181 // http://vestospu.ru/archive/2023/articles/9_48_2023.pdf. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2023.48.9>.

Рутто Н.Г. Срубно-алакульские связи на Южном Урале. Уфа: Гилем, 2003. 212 с.

REFERENCES

Epimakhov, A.V. 2010, “The “Dark Ages” of the Bronze Age of the Southern Urals”, *Russian archaeology*, no. 2, pp. 39–50. (In Russ.)

Kazakov, E.P. 1979, “Monuments of Cherkaskul culture in the eastern regions of Tatarstan“, *Soviet archaeology*, no. 1, pp. 145–159. (In Russ.)

Kotelnikova, I.A. 2001, “On the question of the genesis of the Fedorov and Cherkaskul cultures (based on the materials of the funeral rite)”, *Bulletin of Archeology, anthropology and Ethnography*, no. 3, pp. 55–61. (In Russ.)

Mazhitov, N.A. 1966a, “Scientific report on the results of the 1966 archaeological expedition”. Archive of the URC RAS, f. 3, inv. 2, no. 688, pp. 1–35. (In Russ.)

Mazhitov, N.A. 1966b, “Scientific report on the results of the 1966 archaeological expedition”. Archive of the URC RAS, f. 3, inv. 2, no. 689, pp. 1–57. (In Russ.)

Mazhitov, N.A. 1977, *The Southern Urals in the VII–XIV centuries*. Nauka, Moscow, 240 p. (In Russ.)

Mazhitov, N.A. 1981, *The Mounds of the Southern Urals of the VIII–XII centuries*. Nauka, Moscow, 164 p. (In Russ.)

Mazhitov, N.A., Pshenichnyuk, A.H. 1977, “Mounds of the Early Sarmatian culture in Southeastern Bashkiria”, *Issledovania po arheologii Yujnogo Urala* (“Research on the archeology of the Southern Urals”), Ufa: BFAN USSR, pp. 52–66. (In Russ.)

Matveev, A.V., Anoshko, O.M. 2009, *Trans-Urals after Andronovites: Barkhatov culture*. Tyumen House of Printing, Tyumen, 414 p. (In Russ.)

Matveeva, N.P., Zimina, O.Y. 2011, “Burials of the final stage of the Bronze Age in the Trans-Urals”, *Trudy III (XIX) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda. T. I* (“Works III (XIX) All-Russian Archaeological Congress Vol. I”), Institut istorii material'noj kul'tury RAN, St. Petersburg; Moscow; Velikij Novgorod, pp. 244–245. (In Russ.)

Molodin, V.I., Epimakhov, A.V., Marchenko, J.V. 2014, “Radiocarbon chronology of the Bronze Age cultures of the Urals and the South of Western Siberia: principles and approaches, achievements and problems”, *Bulletin of the NSU. Series: History, Philology*, no 13 (3). pp. 136–167. (In Russ.)

Morozov, Yu.A., Pshenichnyuk, A.H. 1976, “New funerary monuments of log culture in Southern Bashkiria”, *Drevnosti Yujnogo Urala* (“Antiquities of the Southern Urals”), BFAN USSR, Ufa, pp. 3–17. (In Russ.)

Obydenov, M.F., Shorin, A.F. 1995, *Archaeological cultures of the Late Bronze Age of the ancient Urals (Cherkaskul and Mezhovskaya cultures)*. The Ural University Publishing House, Yekaterinburg, 196 p. (In Russ.)

Rafikova, Ya.V. 2014, “Paired burials of the Alakul culture in the Southern Urals”, *Arii stepei Evrazii: Epoha bronzy i rannego jeleza v stepyah Evrazii i na sopredelnyh territoriah: Sb. pamyati E.E. Kuzminoy* (“Arias of the steppes of Eurasia: The Age of Bronze and Early Iron in the steppes of Eurasia and in adjacent territories Collection in memory of E.E. Kuzmina”), Publishing House of Altai State University, Barnaul, pp. 228–243. (In Russ.)

Rafikova, Ya.V. 2019, “Paired burials of the Western Alakul (Sol-Iletsy) cultural group: chronology, genesis, interpretation”, *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University, Electronic scientific journal*, no. 3 (31),

pp. 173–208. Available at: http://vestospu.ru/archive/2019/articles/13_31_2019.pdf. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2019.31.13>.

Rafikova, Ya.V. 2023, “Paired burials of the Kozhumberdyn cultural group of the Late Bronze Age of the Southern Urals”, *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University, Electronic scientific journal*, no. 4 (48). pp. 130–181. Available at: http://vestospu.ru/archive/2023/articles/9_48_2023.pdf. (In Russ) DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2023.48.9>.

Rutto, N.G. 2003, *Srubno-Alakul connections in the Southern Urals*. Gilem, Ufa, 212 p. (In Russ.)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БФАН СССР / Баш. ФАН СССР – Башкирский филиал Академии наук СССР (Уфа)

ИИЯЛ – Институт истории, языка и литературы (Уфа)

ИЭИ УФИЦ РАН – Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Уфа)

НГУ – Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)

НИР – Научно-исследовательская работа

УНЦ РАН – Уфимский научный центр Российской академии наук (Уфа)

УФИЦ РАН – Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук (Уфа)

Сведения об авторе

Янина Валерьевна Рафикова, кандидат исторических наук, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: ziada@bk.ru, ORCID: 0000-0002-2393-9366

Information About the Author

Yanina V. Rafikova, Cand. Sc. (History), Order of the Badge of Honour of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, the Russian Federation, Ufa. E-mail: ziada@bk.ru, ORCID: 0000-0002-2393-9366

УДК 28(430)

Дата поступления статьи: 19.04.2024

Дата принятия статьи: 17.05.2024

ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАКТИК ЭТНИЧЕСКИХ МУСУЛЬМАН В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

Эльвина Фаритовна Рязанова

Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия

E-mail: elvinaryazanova@gmail.com

Аннотация. В данной статье автор анализирует религиозные практики этнических мусульман в современной Германии. Автором использовались такие методы, как полевое этнографическое наблюдение и неформализованное интервью с информантами. Научная новизна данного исследования заключается в том, что впервые в отечественной историографии на полевом материале, собранном автором, рассматривается трансформация религиозных практик этнических мусульман, проживающих в Германии. Основными выводами проведенного исследования является то, что полностью интегрированные этнические мусульмане, как правило, перестают соблюдать религиозные практики либо выполняют один из ее элементов. Например, только соблюдают пост в месяц Рамадан или не употребляют в пищу свинину, некоторые мусульманки могут носить платок ради эстетического вида.

Ключевые слова: мусульмане, ислам, Германия, мусульманское сообщество, религиозные практики, иммигранты.

Цитирование: Рязанова Э.Ф. Особенности религиозных практик этнических мусульман в современной Германии // Известия УФИЦ РАН. Серия: Филология. История. Культура. 2024. Т. 1. № 2. С. 205–212. DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.2.023>

УДК 28(430)

FEATURES OF RELIGIOUS PRACTICES OF ETHNIC MUSLIMS IN MODERN GERMANY

Elvina F. Riazanova

the Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maklay Institute
of Ethnology and Anthropology, Moscow, Russia

E-mail: elvinaryazanova@gmail.com

Abstract: In this article, the author analyzes the religious practices of ethnic Muslims in modern Germany. The author used such methods as field ethnographic observation and informal interviews with informants. The scientific novelty of this study lies in the fact that for the first time in Russian historiography, the transformation of religious practices of ethnic Muslims living in Germany is considered on the basis of field material collected by the author. The main conclusions of the study are that, as a rule, fully integrated ethnic Muslims cease to observe religious practices or perform one of its elements. For example, they only observe fasting in the month of Ramadan or do not eat pork, some Muslim women may wear a headscarf for the sake of aesthetic appearance.

Keywords: Muslims, Islam, Germany, Muslim community, religious practices, immigrants

Citation. Riazanova, E.F., 2024, "Features of religious practices of ethnic Muslims in modern Germany", *Proceedings of the UFRC RAS. Series: History. Philology. Culture*, vol. 1, no. 2, pp. 205–212 (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.2.023>

Введение

Мусульманское сообщество на территории Германии существует около 300 лет. Известно, что первые мусульмане в Германии появились при прусском короле Фридрихе Вильгельме I (1688–1740) [Frietsch]. Практически до середины XX века мусульманское сообщество было очень малочисленно и не играло активной роли в жизни государства. Быстрый рост и развитие мусульманской диаспоры в Германии связываются с ростом экономики в период реализации знаменитого плана Маршалла. В связи с резкой нехваткой рабочей силы власти ФРГ решили активнее привлекать иностранных рабочих. Как результат, с Турцией, Югославией, Марокко и Тунисом были подписаны соглашения о въезде в Германию на временное жительство и работу граждан из этих стран [Das Bundesamt in Zahlen, 2018]. Приезжавших на заработки мужчин размещали, как правило, в специальных лагерях, территории которых находились вне города. В большинстве случаев иммигранты были чернорабочими на крупных предприятиях и вплоть до конца 1970-х годов просто гостевыми рабочими – «гастарбайтерами». Германское правительство не ставило перед собой задачу интегрировать мусульман в немецкую среду, так как считало, что люди, прибывшие на заработки, уедут через некоторое время к себе на родину. Вторая волна иммиграции приходится на середину 1970-х и 1980-е годы. Иммигранты, бежавшие от революций и гражданских войн, получали политическое убежище в ФРГ. И примерно в это же время находившиеся в стране гастарбайтеры получили право на воссоединение с семьями. Третью волну притока мусульман повлекла за собой гражданская война в Югославии в 1990-х годах. И, наконец, гражданская война в Сирии, вооруженные конфликты на Большом Ближнем Востоке, нестабильная обстановка в Южном Средиземноморье привели к тому, что в 2014–2016 годах в страну въехал новый поток мигрантов. Так называемая четвертая волна иммиграции (более 1,5 миллиона человек) оказалась самой многочисленной со времен Второй Мировой войны. В результате в Германии сформировалось крупное мусульманское сообщество. Более того, оно теперь пополняется не только за счет иммиграции: уже имеется большое число мусульман, родившихся на территории Германии в иммигрантских семьях, а также есть перешедшие в ислам этнические немцы.

В настоящее время мусульманское сообщество Германии занимает второе место по численности в Европе. В 2015 г., по официальной статистике федерального ведомства по делам мигрантов, в Германии проживает от 4,4 до 4,7 млн мусульман, на сегодняшний день эта цифра выше. Численность мусульман постепенно увеличивается за счет прибывающих мигрантов, исповедующих ислам. Необходимо отметить многочисленную категорию иммигрантов-мусульман, проживающих в Германии. Большею частью это беженцы, которые приехали по квоте, выделенной Германией в рамках гуманитарной помощи, из стран, где проходят военные действия. Многие иммигранты, прибывающие в Германию самостоятельно из кризисных регионов мира, просят здесь убежища. Беженцы, которые не имеют права на место жительства в Германии, должны будут ее покинуть в ближайшее время (в настоящее время их не могут депортировать по причине отсутствия документов либо по другой причине). Лицам, которые не могут получить убежище, Германия предоставляет дополнительную защиту, например беженцам из Сирии, прибывающим в страну в течение последних 3–5 лет. Уровень религиозности данных иммигрантов-мусульман очень высок, некоторые из них не адаптировались к новой среде и не смогли пройти частичную интеграцию.

В полевое исследование автора вовлечено второе и третье поколение мусульман, родившихся в ФРГ и свободно говорящих на немецком языке. Была выбрана эта категория мусульман, так как было целесообразно рассматривать именно их, потому что они социализировались в немецкой среде, посещали немецкие детские сады, учились в школах, колледжах.

Особый интерес в данном контексте, в рамках проводимого автором большого исследования, представляет такая тема, как религиозные практики. Изучение повседневных религиозных практик, как считаем, дает возможность проследить религиозную динамику обычных верующих мусульман за стенами мечети, понять, как относятся к религии мусульмане, трансформируется ли она в их понимании.

Цель данной статьи – рассмотреть религиозные практики этнических мусульман. Исходя из заданной темы, следует ответить на следующие вопросы:

- меняются ли религиозные практики у этнических мусульман в связи с долгим проживанием в Германии и соответствующей интеграцией в немецкое общество;
- различаются ли религиозные практики этнических мусульман (если да, то в чем проявляются различия).

Актуальность данной статьи заключается в том, что, изучая религиозные практики этнических мусульман, можно проследить степень их интеграции в немецкое общество.

Методология

Основным источником для написания статьи стал полевой материал автора (ПМА), собранный в период с октября 2017 г. по февраль 2018 г. на территории города Гамбург и прилегающих к нему

территориях (Шверин, Грайфсвальд, Висмар, Росток города земли Мекленбург-Передняя Померания) и с июля по август 2018 г. в г. Берлин. Были посещены мечеть г. Ростока и Гамбурга, курсы арабского языка в университете Ростока, овощные рынки, парки, где можно было встретить турецкую молодежь, кафе, кебабные лавки и рестораны. Использовались методы этнологического наблюдения, включенного и невключенного, неформализованных интервью, а также анализ литературы по теме.

В зарубежной историографии существует значительная по объему литература, посвященная разным аспектам жизни мусульманского сообщества Германии. Файст [Faist, 2000], Йопке [Joppke, 1998] уделяли внимание проблемам миграционной политики. Хальм [Halm, 2006] изучал проблему интеграции мусульман. Опасность исламизации Европы и Германии нашла свое отражение в трудах Т. Саррачина, [Саррацин, 2016], Ж. Кепеля [Кепель, 2004]. Права женщины в исламе и то, каким образом можно их совмещать с европейской традицией, рассматривает В. Вальтер. Юлиана Каниц и Свеня Адельт исследуют жизнь мусульман и в некотором роде их религиозные практики. Юлиана Каниц в монографии «Платок как визитная карточка» изучает моду мусульманок, родившихся в Германии, и иммигранток, только приехавших в страну. Под модой понимается ежедневная практика ношения одежды [Kanitz, 2017]. Ю. Каниц выделяет «берлинский» или «космо-исламский» стиль одежды («kosmo-islamischer»), когда мусульманки носят многофункциональную одежду, интегрированную в немецкую среду, при этом позволяющую сохранять религиозную идентичность. Свеня Адельт в работе «Платок и Карьера» обращает свое внимание на дебаты о платке в Германии, новому взгляду на платок [Adelt, 2014].

В российской историографии имеется большой пласт литературы, в которой анализируется взаимоотношение мусульманского мира с Западом [Наумкин, 2010]. Есть работы, которые рассматривают мусульманскую иммиграцию в Германию [Ионцев, 1999].

Много исследований посвящено самой крупной диаспоре мусульман в Германии – выходцам из Турции [Киреев, 2002]. В.Г. Соболев анализирует причины иммиграции. Особое внимание автор уделяет исламу, его трансформации в условиях Западной Европы [Соболев, 2003]. А.Б. Ригер рассматривает ислам в политической жизни Германии [Ригер, 2010]. По мнению ученого, отсутствие конструктивного диалога приводит к возникновению расизма в ФРГ и непризнанию «немцами» тех этнических мусульман, которые уже родились в Германии. К.В. Повразнюк [Повразнюк, 2007], Б.А. Новчина [Новчина, 2017], И.А. Скорняков [Скорняков, 2011], Л.Р. Рустамова [Рустамова, 2015] и Е. Черненко [Черненко, 2010] изучают проблему интеграции мусульман в Германии.

На проблему религиозного образования мусульманской молодежи, воспитания и досуга школьников обратили внимание такие ученые, как А. Мухаматчина [Мухаматчина, 2013], Ю.А. Бортникова [Бортникова, 2015]. Монография российского теолога П. Казаку «Исламское религиозное воспитание в Германии» отличается фундаментальностью проведенного исследования [Казаку, 2018]. Автор подробно описывает систему германского образования, проводит подробный анализ различных аспектов мусульманского религиозного образования.

Исследователи обращают свое внимание еще на один аспект – религиозный экстремизм и его связь с мусульманскими религиозными организациями. В статье «Исламский экстремизм в Германии» А.А. Лапин, в частности, исследует основные радикальные исламистские группировки. По мнению исследователя, для внутренней стабильности ФРГ вероятную и наибольшую опасность представляют организации, которые действуют совершенно законно на территории Германии [Лапин, 2008]. А.В. Сербина в своем исследовании «Новый правый радикализм в Германии» рассматривает деятельность политического движения «Пегида» (Патриотические европейцы против исламизации Запада) [Сербина, 2015].

Полевые наблюдения

Невозможно утверждать, что этнические мусульмане второго и третьего поколения, рожденные в Германии, придерживаются одинаковых религиозных практик. Были опрошены молодые люди – внуки, дедушки которых эмигрировали в Германию в 1960-е гг., либо дети, чьи родители переехали на постоянное место жительства в 1990-х гг. Как правило, респонденты не получали религиозного обучения. Знания основ Корана и традиций ислама были получены ими в семьях, некоторые посещали мечеть вместе с родителями. [Рязанова, 2023]. Они учились в обыкновенных немецких школах. При опросе главным вопросом была религиозная принадлежность информанта, а не этническая. Респондентами были турки, сирийцы, иранцы, алжирцы и азербайджанцы. Было проведено около 200 коротких интервью, беседа с 48 людьми длилась больше 2 часов, также в Университете Ростока было проведено онлайн-анкетирование. Для более удобного изложения и исследования мусульмане были разделены на три группы. Главным в авторской классификации было то, как соблюдает информант (или информантка) религиозные практики, а не этническая принадлежность либо течение ислама, к которому принадлежит опрашиваемый. Ниже в таблице 1 приведены данные некоторых информантов, с которыми были проведены продолжительные интервью.

Таблица 1

Национальность	Мужчина, возраст (ячейки поделены по количеству человек)			Женщина, возраст (ячейки поделены по количеству человек)		
турки (6 человек)	19 лет	23 года	26 лет	29 лет	22 года	23 года
сирийцы (2 человека)	34 года		37 лет			
татары (2 человека)	26 лет			28 лет		
азербайджанцы (1 человек)	29 лет					
иранцы (2 человека)	33 года			28 лет		

После полевых наблюдений и проведенных интервью мусульмане были классифицированы согласно выполнению ими религиозных практик следующим образом:

1) интегрированные мусульмане, «integrated Muslims». Полностью интегрированные в немецкую среду мусульмане. Данные мусульмане считают себя мусульманами по рождению, но религиозных практик не соблюдают. Будет несправедливо утверждать, что данная категория проживает только в Германии (такая тенденция свойственна странам с многоконфессиональным составом населения). Подростки, в частности молодые люди, рожденные в мусульманских семьях, не придерживаются догм ислама. Для них главный вектор развития – это современное общество со всеми сопутствующими ему признаками;

2) рудиментарные мусульмане, «rudimentary Muslims». Интегрированные в немецкую среду мусульмане, соблюдающие некоторые религиозные практики по своему выбору. Здесь слово «рудимент» использовано в том смысле, что некоторые информанты-мусульмане выполняли только часть религиозной практики. У верующего происходит трансформация религии таким образом, что остается только один ее элемент, который обозначается нами как рудимент;

3) истинные мусульмане, «true Muslims». Истинные не в том понимании, что они настоящие мусульмане, а все остальные «фальшивые», а в том, что они выполняют все религиозные предписания ислама, а также идентифицируют себя при вопросе о религии с прилагательным «истинный». Многие информанты отвечали, что именно они истинные мусульмане, а не те, которые просто мусульмане. Это традиционные мусульмане, придерживающиеся основных канонических законов ислама. Они, как правило, плохо интегрируются в немецкое общество, предпочитая сохранять свои привычные традиции и уклад жизни.

Данную классификацию можно применить по отношению к любой религии. В любом религиозном обществе, будь то христиане, мусульмане или буддисты, можно встретить такие категории верующих. Подчеркиваем, что данная классификация предложена лишь для более удобного изложения и понимания проблемы.

Рассмотрим первую группу. Полевое исследование было проведено в городе Гамбург. Гамбург считается не только «бизнес-столицей» Европы, но и столицей клубной индустрии. В городе находятся один из крупных мировых портов, множество баров, ресторанов. Со своими первыми информантами автор познакомилась в кафе. Две молодые девушки турецкого происхождения, как оказалось, родные сестры, работали официантками. В ходе беседы выяснилось, что девушки считают себя мусульманками, но религиозных правил не соблюдают. Одежду выбирают в обычных магазинах женской одежды, носят яркий макияж и маникюр. «Если бы мы сейчас жили в Турции, то, конечно, мы бы занимались домашними делами, ухаживали за козами, растили овощи в огороде. В Гамбурге мы живем в квартире, у нас нет домашнего хозяйства. Отец работает в аэропорту, брат служит в армии, я и моя сестра работаем официантками в кафе, где продают вафли и разные сладости. Когда мы приезжаем в Турцию, в деревню к родственникам, мы стараемся носить длинные юбки, но никогда не носим платки, хотя мои двоюродные сестры, которые родились и живут в Турции, носят хиджабы. Мы редко навещаем бабушку с дедушкой, раз в три года, родители каждый год выбирают в отпуск. Я считаю себя мусульманкой, если можно так выразиться – немецкой мусульманкой. Мы родились здесь, наши друзья в основном немцы, мы ходим на дискотеки, не пьем алкоголь и не едим свинину, мы вообще мясо не едим. Я и моя сестра вегетарианки» [ПМА-1, 2018]. На вопрос о том, настаивал ли их отец на ношении хиджаба, одна из девушек ответила, что их отец очень современный понимающий человек. Сестры сами решили не носить платки, а в детстве никто не настаивал. «Наша мама носит хиджаб, но она так привыкла, когда папа перевез ее из Турции, ей было 19 лет, с тех пор она и в платке» [ПМА-2, 2018]. Для «интер-мусульман» характерны европейский уклад жизни и привычки. Следующие информанты, два молодых человека турецкого происхождения 23 и 26 лет – продавцы в кебабной закусочной. На вопрос об их религиозной принадлежности оба ответили, что они мусульмане, но не соблюдающие религиозных практик. В ходе интервью стало очевидно, что они употребляют в пищу и свинину. «Я покупаю еду в супермаркете, никогда не смотрю на состав, бывает пиццу купишь, наверное, там есть в составе свинина» [ПМА-3, 2018]. Молодые юноши работают в семейном бизнесе, закусочная принадлежит одному из отцов опрашиваемого. Таких мусульман можно

считать полностью интегрированными в немецкую среду. Они встречаются не только в Германии, но и по всему миру, считают себя мусульманами по факту рождения, но не соблюдают религиозных предписаний. Как правило, они придерживаются того уклада жизни общества, к которому принадлежат. Если это молодежь, то она будет себя вести согласно молодежным тенденциям: посещать клубы, употреблять в умеренных количествах алкоголь, одеваться согласно современной моде, быть активными пользователями социальных сетей.

Ко второй группе были отнесены мусульмане, которые считают себя мусульманами, но религиозные практики выполняют частично и выборочно. Для примера рассмотрим два интервью. Первый информант – это сириец, 37 лет, по профессии доктор-травматолог, родился и вырос в Германии. Медицинское образование получал в России, далее вернулся обратно в Гамбург, сдал квалификационные экзамены и начал профессиональную деятельность. Приведем отрывок из разговора с информантом о религиозных практиках: «Я соблюдаю пост в священный месяц Рамадан, это, наверное, все, что я делаю. Да, я считаю себя мусульманином, но совершать все предписания Ислама невозможно, будучи занятым или когда у тебя дежурства на работе. Это дело каждого, молиться пять раз в день или нет. По поводу поста, это полезно с точки зрения медицины, в науке есть такое понятие, лечебное голодание» [ПМА-4, 2018]. И следующее интервью – с мужчиной-иранцем (32 года, по профессии ювелир). «Из религиозных практик, я обязательно выполняю омовение, выбираю всегда только мусульманские кафе и рестораны, где предоставляются такие удобства» [ПМА-5, 2018]. На вопрос «мусульманин ли он?» последовал ответ – «ну конечно, мусульманин, а кто еще, мои предки были мусульманами, и дети будут мусульманами, поймите меня правильно, мир меняется, и религия – вместе с миром, архаическое общество не сможет прогрессировать, и важно, чтобы люди жили по закону той страны, куда приезжают; я ювелир, много путешествую по работе, за камнями, и если приезжаю в Индию, то веду себя по индийским законам, в Иране – по иранским, ведь главное – это закон» [ПМА-5, 2018]. Если подытожить интервью со всеми респондентами этой категории, то становится очевидным следующий факт. Рудиментарные мусульмане – это люди, которые считают себя этническими мусульманами, они не пытаются бежать от религиозной идентичности, скрывать свою религию, пытаться казаться другими. Они уверенно отвечают на вопрос о религиозной принадлежности, не скрывая того факта, что религиозные практики полностью не выполняют. Данной категории людей свойственно выбирать из религиозных практик то, что они считают полезным с точки зрения медицины, гигиены либо морального и эстетического удовлетворения (девушки-мусульманки носят платок, чтобы подчеркнуть связь с религией и традициями либо ради красоты). Обычно такие мусульмане хорошо устроены с точки зрения социального положения: у них высокий уровень дохода, качественное образование, широкий кругозор. Все респонденты данного круга имели высшее образование либо были студентами университетов.

Третья группа «истинные мусульмане» – одна из самых многочисленных. Опрошенные респонденты придерживаются традиционного уклада ведения домашнего хозяйства, когда мужчина – главный, обеспечивает семью, а женщины воспитывают детей и занимаются домашними делами. Обычно в таких семьях у отца есть маленький бизнес: это может быть овощной магазин или магазин халяльных продуктов, маленькие кафе и т.д. Мужчины, как правило, трудятся на производстве, а женщины находятся дома. Мужчины и женщины придерживаются всех религиозных правил, предписываемых исламом, женщины обязательно покрывают голову и носят длинные платья. В одном из интервью с женщиной, которая помогает мужу в магазине (укладывает фрукты, зелень), она призналась, что вполне счастлива вести такой образ жизни, когда мужчина главный. «Если ты истинный мусульманин, неважно, где ты живешь, ты должен придерживаться тех правил, которые предписаны Богом» [ПМА-6, 2018]. Когда автор беседовал с ними о других респондентах, которые выполняют лишь некоторые религиозные практики, они в основном отвечали, что они не мусульмане, а только ими называются: «Ну какие они мусульмане, не молятся, алкоголь употребляют, ушли с истинного пути» [ПМА-6, 2018].

Заключение

Нарративный анализ этнических мусульман Германии показал следующие результаты. Главное для немецкоговорящих интегрированных и рудиментарных мусульман – это духовно-нравственный аспект: быть набожным, подавать милостыню, помогать ближним, не подчеркивая религиозность внешними атрибутами (религиозной одеждой, хиджабом). Рудиментарные мусульмане могут использовать элементы из религиозной одежды, носить платок в качестве дани уважения религии, а также связи с родом. Для «истинных мусульман» важно соблюдать религиозные практики в полной мере.

Религиозные практики этнических мусульман будут различаться, если сравнивать мусульман, только что прибывших в страну (либо проживающих в Германии недолгое время), с мусульманами второго и третьего поколения, которые полностью интегрировались в немецкое общество. Прибывшие мусульмане полностью выполняют религиозные практики, как предписывает ислам, а интегрированные мусульмане предпочитают вести себя согласно современному образу жизни того общества, к которому

принадлежат [Рязанова, 2020]. Таким образом, важно отметить, что интеграция мусульман (кроме истинных мусульман, которые выполняют практики в полной мере независимо от продолжительности жизни в Германии) второго и третьего поколения происходит в полной мере: на первое место для респондентов выходит социальное благополучие, нежели религиозная жизнь.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Das Bundesamt in Zahlen 2018. Asyl. Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. URL: https://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Statistik/BundesamtinZahlen/bundesamt-in-zahlen-2018.pdf?__blob=publicationFile&v=14 2019 (дата обращения: 20.10.2019).

ПМА-1 – Полевые материалы автора. 2018. Информант. Женщина, 22 года.

ПМА-2 – Полевые материалы автора. 2018. Информант. Женщина, 23 года.

ПМА-3 – Полевые материалы автора. 2018. Информант. Мужчина, 26 лет.

ПМА-4 – Полевые материалы автора. 2018. Информант. Мужчина, 37 лет.

ПМА-5 – Полевые материалы автора. 2018. Информант. Мужчина, 32 года.

ПМА-6 – Полевые материалы автора. 2018. Информант. Женщина, 29 лет.

ПМА-7 – Полевые материалы автора. 2018. Информант. Женщина, 28 лет.

ПМА-8 – Полевые материалы автора. 2018. Информант. Мужчина, 32 года.

ПМА-9 – Полевые материалы автора. 2018. Информант. Женщина, 56 лет.

LIST OF SOURCES

Das Bundesamt in Zahlen 2018. Asyl. Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. URL: https://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Statistik/BundesamtinZahlen/bundesamt-in-zahlen-2018.pdf?__blob=publicationFile&v=14 2019 (date of the application 20.10.2019).

AFM-1 – Author's field materials. 2018. Informant. Woman, 22 years old.

AFM-2 – Author's field materials. 2018. Informant. Woman, 23 years old.

AFM-3 – Author's field materials. 2018. Informant. Man, 26 years old.

AFM-4 – Author's field materials. 2018. Informant. Man, 37 years old.

AFM-5 – Author's field materials. 2018. Informant. Man, 32 years old.

AFM-6 – Author's field materials. 2018. Informant. Woman, 29 years old.

AFM-7 – Author's field materials. 2018. Informant. Woman, 28 years old.

AFM-8 – Author's field materials. 2018. Informant. Man, 32 years old.

AFM-9 – Author's field materials. 2018. Informant. Woman, 56 years old.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бортникова Ю.А., Науменко О.Н., Науменко Е.А. Государственное образование как система борьбы против исламского экстремизма // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3. С. 6–10.

Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М., 1999. 370 с.

Казаку П. Исламское религиозное воспитание в Германии: проблематика, пути решения, новые горизонты. М.: ООО «Садра», 2018. 352 с.

Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. М., 2004. 468 с.

Киреев Н.Г. Турецкая диаспора на Западе // Мусульмане на Западе: сборник статей. М., 2002. С. 47–88.

Латин А.А. Исламский экстремизм в Германии // Актуальные проблемы Европы. 2008. № 1. С. 177–187.

Мухаматчина А. Мусульманская молодежь в Германии // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2013. № 1. С. 91–95.

Наумкин В.В. Мусульманская диаспора на Западе: дифференциация, конвергенция, гибридизация? // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 2. С. 4–14.

Новчина Б.А. От мультикультурализма к исламофобии?: Проблемы интеграции мусульманских общин в ФРГ // *Juvenis scientia*. 2017. № 2. С. 56–58.

Повразнюк К.В. Проблема интеграции мусульман в европейское общество. Спб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. 171 с.

Ригер А.Б. Ислам в общественно-политической жизни Германии: у мусульман слишком слабое политическое лобби в Берлине // Ислам в современном мире: внутригосударственный и внутриполитический аспекты. 2010. № 3–4. С. 7–9.

Рустамова Л.Р. «Мягкая сила» во взаимоотношениях ФРГ и мусульманского мира // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 4 (44). С. 144–151.

Рязанова Э.Ф. Немцы-мусульмане в современной Германии. Кто они? М.: Садра, 2023. 184 с.

Рязанова Э.Ф. Приоритеты мусульманской молодежи в проведении свободного времени в современной Германии // Человек и культура. 2020. № 5. С. 45–53. DOI: 10.25136/2409-8744.2020.5.34083 URL: //nbpublish.com/library_read_article.php?id=34083

Саррацин Т. Германия: самоликвидация / Тило Саррацин; пер. с нем. Т.А. Набатниковой. М., 2016. 560 с.

Сербина А.В. Новый правый радикализм в Германии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3. С. 91–94.

Скорняков И.А. Интеграционная политика ФРГ: Выбор стратегии на современном этапе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 1 (45). С. 114–119.

Соболев В.Г. Мусульманские общины в государствах Европейского Союза: Проблемы и перспективы. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та. 2003. 239 с.

Черненко Е. Чужого не надо // Газета «Коммерсантъ». № 204 (4504). 02.11.2010. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1532855> (дата обращения: 19.06.2024).

Adelt S. Kopftuch und Karriere. Kleidungspraktiken muslimische Frauen in Deutschland. Frankfurtam Main., 2014. 427 s. (на нем. яз.).

Frietsch M. Islam in Deutschland // ARD. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.planet-wissen.de/kultur/religion/islam/islam-unterricht-in-deutschland-100.html> (дата обращения: 19.06.2024). (на нем. яз.).

Faist T. The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces // Social Forces. 2000. Vol. 79. no. 2. pp. 793–795. (на англ. яз.).

Halm D. On the Perception of Islam and Muslims in German Society 2000 to 2005. Magazine for Foreigners' Rights and Policy on Foreigners. 2006. pp. 5–6. (на англ. яз.).

Joppke C. Immigration and the Nation-State: The United States, Germany, and Great Britain. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1998. 356 p. (на англ. яз.).

Kanitz J. Das Kopftuch als Visitenkarte. Wiesbaden GmbH., 2017. 299 p. (на нем. яз.)

References

Adelt, S. 2014, *Kopftuch und Karriere. Kleidungspraktiken muslimische Frauen in Deutschland*. Frankfurtam Main., 427 p. (In Germ.)

Bortnikova, Y.A. Naumenko, O.N. Naumenko, E.A. 2015, State education as a system of struggle against Islamic extremism // *Bulletin of Kemerovo State University*, no 3, pp. 6–10. (In Russ.)

Chernenko, E. Don't need someone else's // "Kommersant" newspaper, no 204 (4504). 02.11.2010. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1532855> (In Russ.)

Faist, T. 2000, The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces // *Social Forces*, vol. 79, no. 2, pp. 793–795. (In Eng.)

Frietsch, M. *Islam in Deutschland* // ARD. [Electronic resource]. – URL: <http://www.planet-wissen.de/kultur/religion/islam/islam-unterricht-in-deutschland-100.html> (date of the application: 19.06.2024). (In Germ.)

Halm, D. 2006, *On the Perception of Islam and Muslims in German Society 2000 to 2005. Magazine for Foreigners' Rights and Policy on Foreigners*. Pp. 5–6. (In Eng.)

Iontsev, V.A. 1999, *International migration of population: theory and history of study*. 370 p. (In Russ.)

Joppke, C. 1998, *Immigration and the Nation-State: The United States, Germany, and Great Britain*. Oxford University Press, Oxford, N.Y., 356 p. (In Eng.)

Kanitz, J. 2017, *Das Kopftuch als Visitenkarte*. Wiesbaden GmbH., 299 p. (In Germ.)

Kazaku, P. 2018, *Islamic religious education in Germany: problematics, solutions, new horizons*. LLC "Sadra", Moscow, 352 p. (In Russ.)

Kepel, J. 2004, *Jihad. Expansion and sunset of Islamism*. Moscow, 468 p. (In Russ.)

Kireev, N.G. 2002, Turkish diaspora in the West, *In Musul'mane na Zapade: sbornik statey* ("Muslims in the West: a collection of articles"), Moscow, pp. 47–88. (In Russ.)

Lapin, A.A. 2008, Islamic extremism in Germany // *Actual problems of Europe*, Moscow, no 1, pp. 177–187. (In Russ.)

Mukhamatchina, A. 2013, Muslim youth in Germany // *Islam in the modern world: Domestic and international-political aspects*, no 1, pp. 91–95. (In Russ.)

Naumkin, V.V. 2010, Muslim diaspora in the West: differentiation, convergence, hybridization? // *International Processes*, Vol. 8, no 2, pp. 4–14. (In Russ.)

Novchina, B.A. 2017, From Multiculturalism to Islamophobia: Problems of Integration of Muslim Communities in the FRG // *Juvenis scientia*, no 2, pp. 56–58. (In Russ.)

Povraznyuk, K.V. 2007, *Problem of integration of Muslims in the European society*. Publishing house of St. Petersburg University, Saint Peterburg, 171 p. (In Russ.)

Rieger, A.B. 2010, Islam in the socio-political life of Germany: Muslims have too weak political lobby in Berlin, *Islam in the modern world: domestic and domestic political aspects*, no. 3–4, pp. 7–9. (In Russ.)

Rustamova, L.R. 2015, “Soft power” in the relationship between the FRG and the Muslim world”, *Bulletin of MGIMO-University*, no 4 (44), pp. 144–151. (In Russ.)

Ryazanova, E.F. 2023, *Germans-Muslims in modern Germany. Who are they?* Moscow: Sadra, 184 p. (In Russ.)

Ryazanova, E.F. 2020, Priorities of Muslim youth in spending free time in modern Germany, *Man and Culture*, no 5. pp. 45–53. DOI: 10.25136/2409-8744.2020.5.34083 URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34083(In Russ.)

Sarracin, T. 2016, *Germany: self-liquidation*. Moscow, 560 p. (In Russ.)

Serbina, A.V. 2015, “New right-wing radicalism in Germany”, *Bulletin of Kemerovo State University*, no 3. pp. 91–94. (In Russ.)

Skornyakov, I.A. 2011, “Integration policy of the FRG: Choice of strategy at the present stage”, *Bulletin of Kemerovo State University*, no 1 (45). pp. 114–119. (In Russ.)

Sobolev, V.G. 2003, *Muslim communities in the states of the European Union: Problems and prospects*. Publishing house of St. Petersburg University, Saint Peterburg, 239 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Эльвина Фаритовна Рязанова, кандидат исторических наук, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Российская Федерация, г. Москва. E-mail: elvinaryazanova@gmail.com, ORCID: 0000-0003-1860-4163

Information about the author

Elvina F. Riazanova, Cand. Sc. (History), the Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, the Russian Federation, Moscow. E-mail: elvinaryazanova@gmail.com, ORCID: 0000-0003-1860-4163

ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ ГРЕКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Лиана Рифовна Садыкова

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Уфа, Россия

E-mail: liana@yandex.ru

Аннотация. Данная статья рассматривает историю появления греков в Республике Башкортостан. Автор исследования обращает внимание на то, что процесс их миграции был сложным и длительным. Греки были вынуждены покинуть Крым из-за сталинских репрессий. В статье также представлены сведения об их более раннем появлении в России и на территории республики, о взаимодействии южноуральских племен с античными центрами. Автор касается динамики численности греков по всесоюзным (всероссийским) переписям населения. В научном исследовании дана информация о национально-культурных обществах греков в Республике Башкортостан. Автор отмечает, что первое общество греков именовалось «Таврида», позже новая региональная общественная организация получила название «Ксимерома» («Рассвет»). Если в греческом обществе «Таврида» большинство его членов были крымчанами (и только 10 % уроженцами Грузии), то в более многочисленном обществе «Ксимерома» уже преобладают выходцы из Западной Грузии. В последние годы проводимых обществом коллективных мероприятий, к сожалению, становится заметно меньше, что связано с рядом объективных факторов. В заключении говорится о том, что грекам в Республике Башкортостан удается сохранить свою этничность.

Ключевые слова: миграция, эмиграция, переселенцы, греческая диаспора, греки в Башкортостане

Цитирование: Садыкова Л.Р. История появления греков в Республике Башкортостан // Известия УФИЦ РАН. Серия: История. Филология. Культура. 2024. Т. 1. № 2. С. 213–219. DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.2.023>

Благодарности. Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00570-24-01 на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов

UDC 39(=14):325(=14)(470.57)

THE HISTORY OF THE GREEKS APPEARANCE IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Liana R. Sadykova

Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

E-mail: liana@yandex.ru

Abstract. Migration processes are becoming particularly important and relevant in the modern world. Due to the greater mobility of the population, modern society is characterized by constant migration flows. In turn, the increase in the number of migrants causes interethnic tension in the host country, which is regulated by regulatory and forceful methods and integration strategies. The study of the diaspora is connected with the need to study new socio-cultural processes associated with increased communication between different ethnic groups. Today, the number and role of diasporas in the economic, socio-cultural and political life of society is increasing. Because it is the diaspora that plays an important role in uniting and consolidating the ethnic group, preserving ethnic identity. The Diaspora is a complex education and the modern world only reinforces the tendency of social dynamics to complicate. It is difficult for researchers to talk about any general laws of diasporic formation. Thus, it is necessary to study the diversity and uniqueness of specific diasporas. This scientific article examines

the history of the appearance of the Greeks in the Republic of Bashkortostan. The author of the study draws our attention to the fact that the process of migration of Greeks to Bashkortostan was difficult and lengthy. The Greeks were forced to leave the Crimea because of Stalin's repressions. At the same time, the author is also aware of the earlier appearance of the Greeks in Russia and on the territory of the republic, about the interaction of South Ural tribes with ancient centers. Of course, the article presents the dynamics of the number of Greeks in the Republic of Bashkortostan according to the All-Union (All-Russian) censuses. The scientific study provides information about the emergence and formation of Greeks into a national cultural society in Bashkortostan and tells about its functioning in this territory. The author notes that the first Greek society had a name – "Taurida", and later it was revived into a regional public organization, the Society of Greeks "Xymeroma" of the Republic of Bashkortostan. The name of the society "Xymeroma" is translated from Greek into Russian as "Dawn". If in the Greek society "Tavrida" the majority of its members were natives of the Crimea, only 10% were natives of Western Georgia. The composition of the Greek society "Xymeroma" with the name of the society is changing, now immigrants from Western Georgia predominate and the revived society is somewhat superior in quantity to the former, but there are noticeably fewer collective events. The conclusion says that the Greeks in the Republic of Bashkortostan manage to preserve their ethnicity.

Keywords: Republic of Bashkortostan, Greek Diaspora, Crimea, preservation of tradition

Citation. Sadykova, L.R., 2024, "The history of the Greeks appearance in the Republic of Bashkortostan", *Proceedings of the UFRC RAS. Series: History. Philology. Culture*, vol. 1, no. 2, pp. 213–219. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.2.023>

Acknowledgements. This study was carried out within the framework of the state assignment of the UFRC RAS No. 075-00570-24-01 for 2024 and for the planning period of 2025 and 2026

Введение

В современном мире особую значимость приобретают этнические диаспоры, функционирующие в инокультурных обществах. В связи с большей мобильностью населения современный социум характеризуется постоянными миграционными потоками. Они обычно вызваны желанием улучшения условий жизни, переездом на новое место работы, а также с теми или иными конфликтами, приводящими к потоку беженцев. В свою очередь рост числа мигрантов может вызывать межэтническую напряженность. Исследование диаспор связано с необходимостью изучения социокультурных процессов, связанных с усилением коммуникации между различными этносами. Сегодня растет число диаспор, их роль в экономической, социально-культурной и политической жизни общества повышается. Во-первых, в связи с изменениями государственных границ люди часто оказываются в роли национальных меньшинств на территории других государств. Во-вторых, интерес к изучению диаспор связан с усилением роли этнической идентичности, потому что именно диаспора играет важную роль в объединении и консолидации этноса, сохранении его этнической культуры и самобытности. Диаспора – это сложное образование, и современный мир только усиливает социальную динамику. Исследователям сложно говорить о каких-либо общих законах диаспорального становления, и изучение многообразия и уникальности конкретных диаспор является актуальной проблемой.

Основная часть

Одними из классических диаспор с древности были объединения греков. Еще Перикл, говоря об этом народе, отмечал, что «все моря и земли открыла перед нами наша отвага и повсюду воздвигла вечные памятники наших бедствий и побед» [цит. по: Фукидид, 1999. С. 102]. Главную роль в формировании греческих диаспор и колоний играли культурные и экономические стимулы, межэтнические связи, торговля, поиски новых источников продовольствия. Благодаря этому, тысячелетия спустя, греческие диаспоры принимают активное участие в хозяйственной жизни осваиваемых регионов.

Последние десятилетия миграции многократно увеличились, что усилило их влияние на социальную, культурную, экономическую и политическую обстановку во многих странах мира. Интерес к исследованиям в области международной миграции вырос после Второй мировой войны, потому что увеличилось перемещение людей между странами. Огромное количество археологических, биографических и исторических работ написано о греческом населении юга России, но отсутствуют исследования по истории формирования и организации их диаспор в России в целом и в Республике Башкортостан в частности.

Целью данного исследования являются изучение истории появления и формирования в Республике Башкортостан греческой диаспоры, раскрытие ее роли в сохранении этнической культуры в отрыве от

материнского этноса, а также определение перспектив ее развития. Греки в Республике Башкортостан квалифицируются в большей степени как вынужденные переселенцы, поскольку большая их часть прибыла в результате депортации из Крыма в 1944 г.

Формирование греческой диаспоры в башкирском крае было процессом сложным, трагическим и долгим. Различные источники свидетельствуют о давних торговых связях южноуральских племен с античными центрами, однако эти данные освещают исторические периоды отрывочно, неравномерно и скудно. Некоторая информация содержится в трудах Геродота и Страбона. Цивилизация Средиземноморья всегда с вождением смотрела на богатства Рифейских (Уральских – *Л.С.*) гор. Путешествия Аристия (VII в. до н.э.), который дошел до исседонов (древнего народа, обитавшего в степях Южной Сибири и Урала – *Л.С.*), – явное тому свидетельство [Геродот, IV, 13]. Существование геродотовского пути из Скифии на Восток к Рифейским горам подтверждают находки зеркал «ольвийского» типа [Иессен, 1952. С. 221]. История взаимодействия дает представление о размахе античной торговли и караванных путях в Урало-Поволжье. Племена Южного Урала, в свою очередь, поддерживали торговые связи с городами и государствами Северного Причерноморья [Акбулатов, 2014. С. 24–32].

В XIX в. в Уфимской губернии занимался предпринимательством грек Дмитрий Егорович Бенардаки. Свой первоначальный капитал он накопил, занимаясь винным откупом, затем вкладывал его в покупку ткацких предприятий, уральских горных заводов, в строительство, золотодобычу в Сибири и на Урале, был владельцем заводов и поместий в Оренбургской (Уфимской) губернии. Некоторые селения на Южном Урале и сегодня носят имена членов его семьи. Д.Е. Бенардаки известен также как меценат, почитатель Н.В. Гоголя, был лично знаком с С.Т. Аксаковым. В 1861–1866 гг. построил на Лиговском проспекте в Санкт-Петербурге церковь св. Димитрия Солунского, где и был впоследствии похоронен. При сносе храма для строительства концертного зала «Октябрьский» в советское время его склеп был вскрыт, а останки основателя отданы студентам-медикам в качестве экспоната. Через много лет, благодаря усилиям греческих диаспор России, это кощунство было прекращено, 2 сентября 2011 г. состоялось перезахоронение останков Д.Е. Бенардаки в Александро-Невской Лавре в Санкт-Петербурге [Кессиди, 2011. С. 2].

История появления небольшой греческой диаспоры в Республике Башкортостан, как уже было отмечено, начинается с трагической страницы – депортации крымских народов. В августе 1941 г. из Крыма были высланы немцы, а в мае 1944 г., когда эта территория была освобождена от немецких захватчиков, было принято решение о депортации крымских татар, затем в июне 1944 г. депортации подверглись уже болгары, греки и армяне. У всех этих народов в обвинительных документах была одинаковая формулировка – коллаборационизм, связь с оккупантами. Переселенцам давали считанное время на сборы, люди едва успевали забрать с собой самое необходимое, многие были вынуждены покинуть свои дома без всякого имущества и даже без документов. Депортировали в основном женщин, детей и стариков, так как большая часть мужского населения была на фронте. Крымские народы размещали в эшелонах, которые не были оборудованы для людей, а предназначались для перевозки крупного рогатого скота, так что не могло быть и речи о каких-то элементарных удобствах, медицинском обслуживании.

2 июня 1944 г. И.В. Сталиным было подписано Постановление ГКО № 5984, в котором говорилось: «...дополнительно к выселению крымских татар по постановлению ГКО № 5859сс от 11 мая 1944 г., выселить с территории Крымской АССР 37 тыс. чел. немецких пособников из числа болгар, греков и армян», которых «направить для расселения в сельском хозяйстве, в подсобных хозяйствах и на промышленных предприятиях следующих областей и республик: Гурьевская обл. Казахской ССР – 7000 чел., Свердловская обл. – 10000 чел., Молотовская обл. (сейчас Пермский край) – 10 000 чел., Кемеровская обл. – 6000 чел., Башкирская АССР – 4000 чел.». Операция по выселению болгар, греков, армян проводилась молниеносно. По состоянию на 4 июня 1944 г. по Евпаторийскому и Джанкойскому «оперсекторам» подлежащих выселению было: армян – 2837 чел., болгар – 2740 чел., греков – 2131 чел. Таким образом, в течение мая – июня 1944 г. из Крыма было депортировано греков – 15 040 чел., болгар – 12 422 чел., армян – 9620 чел. [Бердинских, Бердинских, Веремьев, 2015]. Их направили в Башкирскую и Марийскую АССР, Кемеровскую, Молотовскую, Свердловскую, Кировскую области (РСФСР), а также в Гурьевскую область Казахстана.

Расселение крымских греков-спецпереселенцев в 1944 г. по регионам СССР было следующим: Свердловская область – 3500 чел., Башкирская АССР – 2900 чел., Молотовская область – 2000 чел., Кемеровская область – 1400 чел., другие области и республики – 200 чел., Узбекская ССР – 3500 чел., Казахская ССР – 1300 чел., Таджикская ССР – 200 чел., Киргизская ССР – 40 чел. [Джуха, 2008. С. 130]. Г.И. Спеляниди в своей статье приводит «Список НКВД по БАССР лиц греческой национальности, выселенных по политическим мотивам...», состоящий из 1739 человек, из которых них 11 человек было пропущено, но они дополнены в сноски к публикации [Спеляниди, 2015. С. 7–88]. Это список тех, кто выжил в тяжелых условиях на спецпоселении в Нуримановском районе и в других местах БАССР. Такие списки составлялись в 1950-е годы, когда готовились снимать с учета спецпоселенцев,

но грекам не разрешили вернуться в Крым, поскольку их дома были заселены недепортированными этносами. Только Указом Президента Российской Федерации от 21 апреля 2014 г. № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, итальянского, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» [Указ Президента РФ, 2024] греки, вместе с другими национальностями Крыма, были окончательно реабилитированы.

Согласно «Алфавитному списку народов, обитающих в Российской Империи», в 1889 году в Российской империи проживало 60 000 греков [Алфавитный список народов...]. Перепись 1989 года зафиксировала в СССР 358 068 греков, из которых в РСФСР – 91 699 чел. [Всесоюзная перепись населения 1989 года...], в Башкирской АССР насчитывалось 1083 грека [Народы Башкортостана..., 2016. С. 35]. По переписи 2002 г. в России проживало 97 827 греков, из них 70 736 чел. (72,3 %) в Южном федеральном округе (ФО), 5298 чел. (19,6 %) – в Приволжском ФО, 1038 чел. – в Республике Башкортостан [Народы Башкортостана..., 2016. С. 37]. Местами наибольшей концентрации греков в современной России являются Ставропольский (34 078) и Краснодарский (30 540) края. В данном контексте анализ присутствия небольшого греческого населения в Республике Башкортостан, выявление факторов сохранения их этнокультурной идентичности представляют особый исследовательский интерес. По переписи 2010 года в России проживало 85 640 греков [Всероссийская перепись населения 2010 г.], 4292 чел. – в Приволжском федеральном округе, из них 753 – в Республике Башкортостан, в том числе 680 горожан и 73 жителя сельской местности [Народы Башкортостана..., 2016. С. 43, 49]. В таблице 1 представлена динамика численности греков в Республике Башкортостан по итогам всесоюзных (всероссийских) переписей населения.

Таблица 1

Динамика численности греков в Республике Башкортостан по итогам всесоюзных (всероссийских) переписей населения

Год	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Численность / человек	13	68	1466	1183	1099	1083	1038	753

Таблица 2 показывает уменьшение численности греков по итогам последних 2-х всесоюзных переписей населения в Российской Федерации, Приволжском федеральном округе и в Республике Башкортостан. Скорее всего, здесь сказываются совместные браки греков с другими национальностями России, что приводит к ассимиляции, а также их отъезд на историческую родину. Однако следует отметить, что греки по возможности предпочитают жениться (выходить замуж) на представительницах (представителях) своей национальности.

Таблица 2

Динамика численности греков в Российской Федерации, в Приволжском федеральном округе, в Республике Башкортостан по итогам последних 2-х всесоюзных переписей населения (чел.):

Год	Российская Федерация	Приволжский федеральный округ	Республика Башкортостан
2002	97 827	5298	1038
2010	85 640	4292	753

Основным местом депортации греков в БАССР были Нуримановский (где греки работали на лесоповале), Благовещенский районы, санатории «Янган-тау», «Красноусольский», где они были заняты на тяжелых работах, а также города Ишимбай, Бирск, Салават, Октябрьск.

В 2022 году исполнилось 30 лет с момента организации общества греков Республики Башкортостан «Таврида». Основателем общества был Антон Федорович Христодуло (умер в 2003 г., когда ему было 64 года). Большинство членов «Тавриды», как уже было отмечено, были уроженцами Крыма. Один раз в месяц члены общества оплачивали необременительны взносы. На различные мероприятия собиралось до 60 человек. В январе 1993 г. общество организовало воскресную греческую школу. Руководителем и организатором была учительница немецкого языка Мария Алексеевна Синикиди. В воскресной греческой школе были 2 группы по 10–12 человек в каждой. В школе обучали греческому языку, истории, антично-византийской литературе, музыке и греческим танцам. Греческое общество собиралось на территории воскресной школы, чтобы помянуть скончавшихся в День депортации (30 октября), там же

отмечали национальные праздники: 25 марта День независимости Греции и 28 октября День Охи (с греч. «*Οχι*» переводится как «Нет»). Сейчас образовательная деятельность воскресной греческой школы приостановлена, последний выпуск учащихся был в 2007–2008 гг.

Региональная общественная организация греков Республики Башкортостан под новым названием «Ксимерома» начала функционировать 12 февраля 2011 г. Название общества «Ксимерома» переводится с греческого как «рассвет». Увеличилась численность организации, несколько изменился состав, стали преобладать выходцы из Западной Грузии, однако проводимых коллективных мероприятий стало заметно меньше [Круглов, 2014. С. 120]. К прежнему составу «Тавриды» прибавилось 17 семей из Цалкского района Грузии, эвакуированных сначала в Рыбинск в начале Великой Отечественной войны, а затем в Башкирию. Идея воссоздать греческое общество в Башкортостане исходила от отца Ивана Николаевича и сына Андрея Ивановича Таназлы, а также от греческого активиста А.А. Довлятидиса. Председателем общества был избран Александр Авраамович Довлятидис, заместителем – И.Н. Таназлы. Одним из старожиллов общества является брат покойного основателя общества «Таврида» Николай Федорович Христуло. У общества есть свой руководящий орган – это Правление организации, в которое входят 4 человека, избираемые Общим собранием сроком на 5 лет.

Заседания правления общественной организации проводятся по мере необходимости, но не реже одного раза в три месяца. Значимыми событиями стали вступление общества «Ксимерома» в Ассоциацию греческих общественных объединений России (АГООР), празднование Дня национальной независимости Греции, создание сайта и, конечно, активное участие общества в работе Дома дружбы народов Республики Башкортостан. Численность общества составляет более 150 человек (127 человек из г. Уфа).

До 2014 г. администрацией Уфы обществу греков предоставлялось в аренду помещение муниципального нежилого фонда. Сегодня многие свои национально-культурные мероприятия греки проводят в офисе туристической фирмы ООО «Калимера трэвел групп» (г. Уфа, ул. 50 лет СССР, д. 37).

Как известно, 4 марта 2011 г. была организована общественная организация – Федеральная национально-культурная автономия греков в России, представляющая интересы 100000 этнических греков, проживающих на территории Российской Федерации. В данную организацию входят 6 региональных и 32 местные национально-культурные автономии. До регистрации Федеральной национально-культурной автономии греков в России деятельность греческой диаспоры осуществлялась Межрегиональной общественной организацией «Ассоциация греческих общественных объединений России». По формальному признаку эти организации не разделяют себя. Подробно об их миссии, принципах, задачах и руководящих органах можно уточнить на странице сайта греков России [Федеральная национально-культурная автономия...]. В Федеральную национально-культурную автономию греков России входит и Региональная общественная организация «Общество греков «Ксимерома» Республики Башкортостан».

Устав «Ксимеромы» был утвержден Общим собранием членов 12 января 2011 г., и 25 января 2011 г. было принято решение о государственной регистрации в Управлении министерства юстиции Российской Федерации по Республике Башкортостан. В Уставе организации подчеркивается, что целью ее деятельности является объединение усилий греческого населения, направленных на сохранение и развитие греческой культуры, языка, защиту прав и интересов своих членов, укрепление дружбы между народами в Республике Башкортостан.

Общество греков «Ксимерома» использует все возможности для реализации национально-культурных запросов греческого населения, особенно в сфере образования, общения, народного творчества, создания очагов культуры, удовлетворения религиозных потребностей, содействует изданию и распространению литературы, пропагандирующей достижения греческих культурных центров, проводит выставки, различные культурные мероприятия, организует конкурсы, семинары, конференции и фестивали, активно сотрудничает с аналогичными обществами Российской Федерации и зарубежных стран и др.

Каждый год греки обязательно собираются 25 марта на День независимости Греции и 28 октября на День Охи (с греч. «*Οχι*» переводится «Нет»).

Заключение

Подводя итоги, следует заметить, что еще во времена античности причерноморские регионы были заселены древними греками. Таким образом, греческая диаспора в России является одной из самых древних. Крымских греков в Республику Башкортостан привела трагическая судьба: они были депортированы в годы сталинских репрессий. Небольшая греческая диаспора в Республике Башкортостан сохраняет собственные традиционные ценности, нормы, модели социального поведения, родной язык и обычаи, вносит свою лепту в развитие многонациональной культуры республики. Многосторонняя деятельность диаспоры является эффективным инструментом, способствующим гармонизации межнациональных отношений в Республике Башкортостан и в целом в Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акбулатов И.М. Экономические связи племен Южного Урала с античными центрами // Наследники «Греческого проекта» / отв. ред. Е.А. Круглов-Мавридис, М.И. Роднов. Уфа: Общество греков РБ «Ксимерома», 2014. С. 24–32.

Алфавитный список народов, обитающих в Российской Империи // <https://www.demoscope.ru/weekly/2005/0187/perep04.php> (дата обращения: 14.02.2024).

Бердинских В.А., Бердинских И.В., Веремьев В.И. Система спецпоселений в Советском Союзе 1930–1950-х годов. Вып. 2. История политических репрессий в Евразии: страны, народы, эпохи / Науч. ред. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015. 244 с.

Всероссийская перепись населения 2010 г. Национальный состав населения Российской Федерации // https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php (дата обращения: 14.02.2024).

Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР // https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6 (дата обращения: 14.02.2024).

Джуха И.Г. Спецэшелоны идут на восток. История репрессий против греков в СССР: депортации 1940-х гг. СПб.: Алетейя, 2008. 560 с.

Иссен А.А. Ранние связи Приуралья с Ираном // Советская археология. Т. XVI. М.; Л., 1952. С. 206–231.

Кессиди И.Х. Дмитрий Егорович Бенардаки. Судьбы человека и его захоронения // Эвксинос Понтос (Новороссийск). 2011. № 1–2 (89). С. 2.

Круглов-Мавридис Е.А. Крым – Южный Урал (односторонний греческий «транзит» середины XX века) // Наследники «Греческого проекта» / Отв. ред. Е.А. Круглов-Мавридис, М.И. Роднов. Уфа: Общество греков РБ «Ксимерома», 2014. С. 114–120.

Народы Башкортостана в переписях населения: статистический сборник: [в 2 ч.] / Рук. авт. коллектива А.М. Ганиев. Ч. I. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Уфа: Китап, 2016. 341 с.

Спеляниди Г.И. «По национальному признаку...» // Судьбы крымчан (история греков Южного Урала) / Отв. ред. Е.А. Круглов-Мавридис, М.И. Роднов. Уфа: Общество греков РБ «Ксимерома», 2015. С. 7–88.

Указ Президента РФ от 21 апреля 2014 г. N 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, итальянского, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» // URL: <https://base.garant.ru/70641266/> (дата обращения: 24.02.2024).

Федеральная национально-культурная автономия греков России // URL: <https://rusgreek.ru/fnka> (дата обращения: 24.02.2024).

Фукидид. История / пер. с древнегреч. Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелева. СПб.: Наука, Ювента. 1999. 590 с.

REFERENCES

Akbulatov, I.M. 2014, “Economic relations of the tribes of the Southern Urals with ancient centers”, *Nasledniki «Grecheskogo proekta»* (“Heirs of the “Greek project”), Society of Greeks of the RB “Xymeroma”, Ufa, pp. 24–32. (In Russ.)

Alphabetical list of peoples living in the Russian Empire. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/2005/0187/perep04.php (Accessed: 14/02/2024) (In Russ.)

Berdinskikh, V.A., Berdinskikh, I.V., Veremyev, V.I. 2015, *Sistema specposelenij v Sovetskom Soyuze 1930–1950-h godov. Vyp. 2. Istoriya politicheskikh repressij v Evrazii: strany, narody, epohi* (“The system of special settlements in the Soviet Union of the 1930^s-1950^s”. Iss. 2. The history of political repression in Eurasia: countries, peoples, epochs”), IYALI Komi National Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, 244 p. (In Russ.)

Cassidy, I.H. 2011, “Dmitry Benardaki. The fate of a man and his burial”, *Euxinos Pontos (Novorossiysk)*, no. 1–2 (89), p. 2. (In Russ.)

Decree of the President of the Russian Federation no. 268 dated April 21, 2014 “On measures for the rehabilitation of the Armenian, Bulgarian, Greek, Italian, Crimean Tatar and German peoples and state support for their revival and development”. Available at: <https://base.garant.ru/70641266> (Accessed: 24/02/2024). (In Russ.)

Federal National Cultural Autonomy of the Greeks of Russia. Available at: https://rusgreek.ru/fnka (Accessed: 24/02/2024). (In Russ.) *The All-Russian population Census of 2010. The national composition of the population of the Russian Federation. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php* (Accessed: 14/02/2024) (In Russ.)

Juha, I.G. 2008, *Special trains are heading east. The history of repression against Greeks in the USSR: deportations of the 1940^s*. Aleteya, St. Petersburg, 560 p. (In Russ.)

Iessen, A.A. 1952, “Early connections of the Urals with Iran”, *Soviet Archaeology*, XVI, Moscow-Leningrad, pp. 206–231. (In Russ.)

Kruglov-Mavridis, E.A. 2014, “Crimea – Southern Urals (unilateral Greek “transit” of the middle of the XX century)”, *Nasledniki «Grecheskogo proekta»* (“Heirs of the “Greek project”), Society of Greeks of the RB “Хымерома”, Ufa, pp. 114–120. (In Russ.)

The peoples of Bashkortostan in the population censuses: Statistical collection. P. I. Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Bashkortostan. Kitap, Ufa, 2016, 341 p. (In Russ.)

Spelianidi, G.I. 2015, “On a national basis ...”, *Sud’by krymchan (istoriya grekov YUzhnogo Urala)* (“The fate of the Crimeans (history of the Greeks of the Southern Urals)”), Society of Greeks of the RB “Хымерома”, Ufa, pp. 7–88. (In Russ.)

The All-Russian population Census of 2010. The national composition of the population of the Russian Federation. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php (Accessed: 14/02/2024) (In Russ.)

The All-Union Population Census of 1989. The national composition of the population by the republics of the USSR. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6 (In Russ.)

Thucydides, 1999, “History”. Nauka, Yuventa, St. Petersburg, 590 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Лиана Рифовна Садыкова, кандидат исторических наук, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: liana@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0174-2287

Information About the Author

Liana R. Sadykova, Cand. Sc. (History), Order of the Badge of Honour of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, the Russian Federation, Ufa. E-mail: liana@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0174-2287

Подписано в печать 28.06.2024

Вышел в свет 05.07.2024

Бумага офисная. Формат 60×84/8

Гарнитура Times New Roman

Усл.-печ.лист. 11.16. Уч.изд.л. 12,66

Тираж 500 экз. Распространяется бесплатно. Заказ № 52

Адрес типографии: Ордена Знак Почета ИИЯЛ УФИЦ РАН
450054 Республика Башкортостан, г. Уфа, пр. Октября, д. 71,

Тел.: +7(347)235-50-60; E-mail: izv-i-f-c@mail.ru

